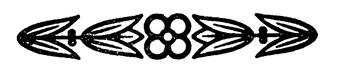
Фрейлина Её Величества

„Дневник“ и воспоминания Анны Вырубовой

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «СЛОВО»

„Дневник“ и воспоминания
Анны Вырубовой



Фрейлина Её Величества

„Дневник" и воспоминания Анны Вырубовой

Репринтное издание

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1990

ББК 84 Р6
В 92

Художник
Маргарита ЛОХМАНОВА

В $\frac{4702010201—338}{083(02)—90}$ Без объявл.

ISBN 5—265—02215—5

Перед вами — репринтное воспроизведение книги, выпущенной в 1928 году рижским издательством «Ориент». Книга состоит из двух частей — так называемого «Дневника» Анны Вырубовой, фрейлины последней российской императрицы, и ее воспоминаний.

«Дневник» Вырубовой печатался в 1927-1928 г.г. на страницах журнала «Минувшие дни» — приложения к вечернему выпуску ленинградской «Красной газеты». В качестве тех, кто готовил эту публикацию, были названы О. Брошниовская и З. Давыдов (последнему в настоящей книге ошибочно дана женская фамилия). Что же касается воспоминаний Вырубовой, то они в нашей стране не издавались, лишь небольшие отрывки из них были опубликованы в одном из сборников серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», выпущенной Госиздатом в двадцатые годы.

Вокруг имени Анны Вырубовой долгое время ходило много легенд и домыслов. То же можно сказать и о ее записках. Если воспоминания Вырубовой, озаглавленные автором «Страницы из моей жизни», на самом деле принадлежат ее перу, то «Дневник» является не чем иным, как литературной мистификацией. Авторами этой социально заказанной мистификации были писатель Алексей Толстой и историк П. Е. Щеголев. Нельзя не отметить, что сделано это с величайшим профессионализмом. Естественно предположить, что «литературную» часть дела (в том числе стилизацию) выполнил А. Н. Толстой, «фактическую» же сторону разработал П. Е. Щеголев, который, как известно, кроме всего прочего, был редактором семитомного издания «Падение царского режима».

Книгу «Фрейлина ее величества» составил и прокомментировал С. Карачевцев. Публикуя под одной обложкой «Дневник» и воспоминания Вырубовой, он подверг их значительным сокращениям (особенно это касается «Дневника»). Однако книга, сопо-

ставляющая в целом эти сочинения, будет, без сомнения, интересна и сегодняшнему читателю, который сможет сделать из этого сопоставления собственные выводы.

Нужно сказать, что домыслами сопровождалась и дальнейшая судьба Анны Александровны Вырубовой. Еще в 1926 году журнал «Прожектор» сообщил о смерти в эмиграции бывшей фрейлины, «личного друга Александры Федоровны», «одной из самых ярых поклонниц Григория Распутина». В вышедшем недавно (1990) Советском энциклопедическом словаре осторожно сказано, что Вырубова умерла «после 1929». Между тем, как стало известно, под своей девичьей фамилией (Танеева) бывшая фрейлина ее величества прожила в Финляндии более четырех десятилетий и скончалась в 1964 году в возрасте восьмидесяти лет; похоронена она в Хельсинки на местном православном кладбище. В Финляндии Анна Александровна вела замкнутый образ жизни, уединившись в тихом лесном уголке Озерного края, на что, впрочем, имелись довольно веские причины. Во-первых, выполняя данный перед тем, как покинуть родину, обет, она стала монахиней; во-вторых, многие эмигранты не желали общаться с человеком, чье имя было скомпрометировано одним лишь упоминанием рядом с именем Григория Распутина.

Обстоятельные подробности последних десятилетий жизни А. А. Вырубовой-Танеевой выяснил иеромонах Арсений из Ново-Валаамского монастыря, что в четырехстах километрах к северо-востоку от столицы Финляндии.

Многие годы бывшая фрейлина работала над мемуарами. Но издать их она так и не решилась. Они были выпущены на финском языке уже после ее смерти. Думаем, что со временем и эта книга придет к нашему читателю.

А. КОЧЕТОВ

Ред. С. Карачевцева

ФРЕЙЛИНА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

Интимный дневник и воспоминанія

А. Вырубовой

Издательство „ОРІЕНТ“ РИГА ТЕАТРАЛЬНАЯ 9.
Почт. ящикъ 556. Тел. 2-1-6-4-5
MCMXXVIII

Колесница времени мчится в наши дни быстрѣе экспресса, Прожитые годы уходят назад, в исторію, порастают быльем, утопают в забвеніи. С этим не может, однако, примириться пытливый человѣческій ум, побуждающій нас добывать из мглы прошлаго хотя бы отдѣльные обломки былого опыта, хотя бы слабое эхо отзвучавшаго дня. Отсюда — постоянный и большой интерес к историческому чтенію, еще болѣе возросшій у нас послѣ революціи; она открыла многочисленные архивы и сдѣлала доступными такіе уголки прошлаго, которые раньше были под запретом. Широкаго читателя всегда гораздо больше влекло к ознакомленію с тѣм, «что было», нежели с тѣм, «чего не было» («выдумкой сочинителя»).

В трагической исторіи крушенія могущественной имперіи, личность фрейлины Анны Александровны Вырубовой, урожденной Танѣевой, неразрывно связана с императрицей Александрой Федоровной, с Распутиным, со всѣм тѣм кошмаром, которым была окутана придворная атмосфера Царскаго Села при послѣднем царѣ. Уже из опубликованной переписки царицы было ясно видно, что Вырубова являлась одной из главных фигур того интимнаго придворнаго кружка, гдѣ скрещивались всѣ нити политических интриг, болѣзненных припадков, авантюристических планов и проч. Поэтому воспоминанія фрейлины Вырубовой представляет животрепещущій интерес для всѣх кругов.

О своей семьѣ и о том, как попала она ко двору, Вырубова в своих мемуарах пишет:

Отец мой, Александр Сергѣевич Танѣев, занимал видный пост статс-секретаря и главноуправляющаго Его Императорскаго Величества Канцеляріей в продолженіе 20 лѣт. Тот самый пост занимали его дѣд и отец при Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III.

Дѣд мой, генерал Толстой, был флигель-адъютантом Императора Александра II, а его прадѣд был знаменитый фельдмаршал Кутузов. Прадѣдом матери был граф Кутайсов, друг Императора Павла I.

Несмотря на высокое положеніе моего отца, наша семейная жизнь была простая и скромная. Кромѣ службы, весь его жизненный интерес был сосредоточен в семьѣ и любимой музыкѣ, — он занимал видное мѣсто среди русских композиторов. Вспоминаю тихіе вечера дома: брат, сестра и я, помѣстившись за круглым столом, готовили уроки, мама работала, отец же, сидя у рояля, занимался композиціей.

6 мѣсяцев в году мы проводили в родовом имѣніи «Рождествено» под Москвой. Сосѣдями были родственники — князья Голицыны и Великій Князь Сергѣй Александрович. С ранняго дѣтства мы, дѣти, обожали Великую Княгиню Елизавету Феодоровну (старшую сестру Государыни Императрицы Александры Феодоровны), которая нас баловала и ласкала, даря платья и игрушки. Часто мы ѣздили в Ильинское, и они пріѣзжали к нам — на длинных линейках — со свитой, пить чай на балконѣ и гулять в старинном паркѣ. Однажды, пріѣхав из Москвы, Великая Княгиня пригласила нас к чаю, как вдруг доложили, что пріѣхала Императрица Александра Феодоровна. Великая

Княгиня, оставив своих маленьких гостей, побѣжала навстрѣчу сестрѣ.

Первое мое впечатлѣніе об Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ относится к началу царствованія, когда она была в разцвѣтѣ молодости и красоты: высокая, стройная, с царственной осанкой, золотистыми волосами и огромными, грустными глазами — она выглядѣла настоящей царицей. К моему отцу Государыня с перваго же времени проявила довѣріе, назначив его вице-предсѣдателем Трудовой Помощи, основанной ею в Россіи. В это время зимой мы жили в Петербургѣ, в Михайловском Дворцѣ, лѣтом же на дачѣ в Петергофѣ.

Возвращаясь с докладом от юной Государыни, мой отец дѣлился с нами своими впечатлѣніями. На первом докладѣ он уронил бумаги со стола, Государыня, быстро нагнувшись, подала их сильно смутившемуся отцу. Необычайная застѣнчивость Императрицы его поражала. «Но,» — говорил он, — «ум у нея мужской –une téte d'homme Прежде же всего она была матерью: держа на руках шестимѣсячную Великую Княжну Ольгу Николаевну, Государыня обсуждала с моим отцом серьезные вопросы своего новаго учрежденія; одной рукой качая колыбель с новорожденной Великой Княжной Татьяной Николаевной, она другой подписывала дѣловыя бумаги. Однажды, во время одного из докладов, в сосѣдней комнатѣ раздался необыкновенный свист.

— Какая это птица? — спрашивает отец.

— Это Государь зовет меня, — отвѣтила, сильно покраснѣв, Государыня и убѣжала, быстро простившись с отцом.

Впослѣдствіи, как часто я слыхала этот свист, когда Государь звал Императрицу, дѣтей или меня; сколько было в нем обаянія, как и в всем существѣ Государя.

Обоюдная любовь к музыкѣ и разговоры на эту тему сблизили Государыню с нашей семьей. Я уже упоминала о высоком музыкальном дарованіи моего отца. Само собой

разумѣется, что нам с ранних лѣт дали музыкальное образованіе. Отец возил нас на всѣ концерты, в оперу, на репетиціи и во время исполненія часто заставлял слѣдить по партитурѣ; весь музыкальный мір бывал у нас, — артисты, капельмейстеры, — русскіе и иностранцы. Помню, как раз пришел завтракать П. И. Чайковскій и зашел к нам в дѣтскую.

Образованіе мы, дѣвочки, получили домашнее и держали экзамен на учительниц при округѣ. Иногда через отца мы посылали наши рисунки и работы Императрицѣ, которая хвалила нас, но в то же время говорила отцу, что поражается, что русскія барышни не знают ни хозяйства, ни рукодѣлія, и ничѣм, кромѣ офицеров, не интересуются.

Воспитанной в Англіи и Германіи, Императрицѣ не нравилась пустая атмосфера петербургскаго свѣта, и она все надѣялась привить вкус к труду. С этой цѣлью она основала «Общество Рукодѣлія», члены котораго, дамы и барышни, обязаны были сработать не менѣе трех вещей в год для бѣдных. (Идея не привилась.) Не взирая на это, Государыня продолжала открывать по всей Россіи дома трудолюбія для безработных, учредила дома призрѣнія для падших дѣвушек, страстно принимая к сердцу все это дѣло.

Жизнь при Дворѣ в это время была веселая и беззаботная. 17-ти лѣт я была представлена сперва Императрицѣ-Матери в Петергофѣ в ея дворцѣ Котеджѣ. Сначала страшно застѣнчивая, — я вскорѣ освоилась и очень веселилась. В эту первую зиму и успѣла побывать на 22 балах, не считая разных других увеселеній. Вѣроятно переутомленіе отозвалось на моем здоровіи, — и лѣтом, получив брюшной тиф, я была 3 мѣсяца при смерти. Брат и я болѣли одновременно, но его болѣзнь шла нормально, и через 6 недѣль он поправился; у меня же сдѣлалось воспаленіе легких, почек и мозга, отнялся язык и я потеряла слух. Во время долгих мучительных ночей я видѣла как то раз во снѣ о. Іоанна Кронштадскаго, который сказал мнѣ, что скоро мнѣ будет лучше.

В дѣтствѣ о. Іоанн Кронштадтскій раза 3 был у нас и своим благодатным присутствіем оставил в моей душѣ глубокое впечатлѣніе, и теперь, казалось мнѣ, мог скорѣе помочь, чѣм доктора и сестры, которые за мной ухаживали. Я как-то съумѣла объяснить свою просьбу — позвать о. Іоанна, и отец сейчас же послал ему телеграмму, которую он впрочем не сразу получил, так как был у себя на родинѣ. В полузабытьи я чувствовала, что о. Іоанн ѣдет к нам, и не удивилась, когда он вошел ко мнѣ в комнату. Он отслужил молебен, положив эпитрахиль мнѣ на голову. По окончаніи молебна, он взял стакан воды, благословил и облил меня, к ужасу сестры и доктора, которые кинулись меня вытирать. Я сразу заснула и на слѣдующій день жар спал, вернулся слух и я стала поправляться.

Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна три раза навѣстила меня, а Государыня присылала чудные цвѣты, которые мнѣ клали в руки, пока я была без сознанія.

В сентябрѣ я уѣхала с родителями в Баден и затѣм в Неаполь. Здѣсь мы жили в одной гостиницѣ с Великим Князем Сергѣем Александровичем и Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, которые очень забавлялись, видя меня в парикѣ. Вообще же Великій Князь имѣл сумрачный вид, и говорил матери, что разстроен свадьбой его брата, Великаго Князя Павла Александровича. К іюню я совсѣм поправилась и зиму 1903 очень много выѣзжала и веселилась. В январѣ получила шифр — т.-е. была назначена городской фрейлиной, но дежурила только на балах и выходах при Государынѣ. Это дало возможность ближе видѣть и официально познакомиться с Императрицей, и вскорѣ потом, мы подружились тѣсной неразрывной дружбой, продолжавшейся всѣ послѣдующіе годы.

Мнѣ бы хотѣлось нарисовать портрет Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, — такой, какой она была в эти свѣтлые дни, пока горе и испытанія не постигли нашу дорогую родину. Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колѣн, она, как дѣвочка, по-

стоянно краснѣла от застѣнчивости; глаза ея, огромные и глубокіе, оживлялись при разговорѣ и смѣялись. Дома ей дали прозвище «солнышко» — Сунни», — имя, которым всегда называл ее Государь. С первых дней нашего знакомства я всей душой привязалась к Государынѣ: любовь и привязанность к ней остались на всю мою жизнь.

Зима 1903 была очень веселая. Особенно памятны мнѣ в этом году знаменитые балы при Дворѣ в костюмах времен Алексѣя Михайловича; первый бал в Эрмитажѣ, второй в концертном залѣ Зимняго Дворца и третій у графа Шереметева. Сестра и я были в числѣ 20 пар, которыя танцовали русскую. Мы нѣсколько раз репетировали танец в залѣ Эрмитажа и Императрица приходила на эти репетиціи. В день бала она была поразительно хороша в золотом парчевом костюмѣ, и на этот раз, как она мнѣ послѣ разсказывала, она забыла свою застѣнчивость, ходила по залѣ, разговаривая и разсматривая костюмы.

Лѣтом я заболѣла сердцем. Мы жили в Петергофѣ, — и это было первый раз, что Государыня нас посѣтила. Пріѣхала она в маленькой шарабанѣ, сама правила. Пришла веселая и ласковая наверх в комнату, гдѣ я лежала, в бѣлом платьѣ и большой бѣлой шляпѣ. Ей видимо доставляло удовольствіе пріѣхать запросто, не предупреждая. Вскорѣ послѣ того мы уѣхали в деревню. В нашем отсутствіи Императрица еще раз пріѣзжала к нам и огорошенному курьеру, который открыл ей дверь, передала бутылку с святой водой из Сарова, поручив передать ее нам.

Слѣдующую зиму началась японская война. Это ужасное событіе, которое принесло столько горя и глубоко потрясло всю страну, отразилось на нашей семейной жизни развѣ тѣм, что сократилось количество балов, что не было пріемов при Дворѣ и что мать заставила нас пройти курс сестер милосердія. Для практики мы ѣздили перевязывать в Елизаветинскую общину. По иниціативѣ Государыни в залах Зимняго Дворца открылся склад бѣлья для раненых воинов. Мать моя завѣдовала отдѣлом раздачи работ на

домъ, и мы помогали ей цѣлыми днями. Императрица почти ежедневно приходила в склад; обойдя длинный ряд зал, гдѣ за безчисленными столами трудились дамы, она садилась гдѣ-нибудь работать.

Императрица тогда была в ожиданіи наслѣдника. Помню ея высокую фигуру в темном бархатном платьѣ, опущенном мѣхом, скрадывающем ея полноту, и длинном жемчужном ожерельѣ. За ея стулом стоял арап Жимми в бѣлой чалмѣ и шитом платьѣ; арап этот Жимми был одним из четырех абессинцев, которые дежурили у дверей покоев Их Величеств. Вся их обязанность состояла в том, чтобы открывать двери. Появленіе Жимми в складѣ производило всеобщее волненіе, так как оно возвѣщало прибытіе Государыни. Абессинцы эти были остатком придворнаго штата Двора времен Екатерины Великой.

Лѣтом родился наслѣдник. Государыня потом мнѣ разсказывала, что это из всѣх ея дѣтей были самые легкіе роды. Императрица едва успѣла подняться из маленькаго кабинета по витой лѣстницѣ к себѣ в спальню, как родился наслѣдник. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны, кажется, не было того, чего Государь не сдѣлал бы в память этого дорогого дня.

Но почти с первых же дней родители замѣтили, что Алексѣй Николаевич унаслѣдовал ужасную болѣзнь геомифилію, которой страдали многіе в семьѣ Государыни; женщина не страдает этой болѣзнью, но она может передаваться от матери к сыну.

Вся жизнь маленькаго наслѣдника, красиваго, ласковаго ребенка, была одним сплошным страданіем, но вдвойнѣ страдали родители, в особенности Государыня, которая не знала болѣе покоя. Здоровье ея сильно пошатнулось послѣ всѣх переживаній войны, и у нея начались сильные сердечные припадки. Она безконечно страдала, сознавая, что была невольной виновницей болѣзни сына. Дядя ея, сын королевы Викторіи, принц Леопольд, болѣл той же болѣзнью, — маленькій брат ея умер от нея же, и также всѣ

сыновья ея сестры, принцессы Прусской, страдали с дѣтства кровоизліяніями.

Все, что было доступно медицинѣ, было сдѣлано для Алексѣя Николаевича. Государыня кормила его с помощью кормилицы (так как сама не имѣла довольно молока), как кормила она и всѣх своих дѣтей.

У Императрицы при дѣтях была сперва няня англичанка и три русскія няни ея помощницы. С появленіем наслѣдника она разсталась с англичанкой и назначила его няней вторую няню, М. Ив. Вишнякову. Императрица ежедневно купала наслѣдника и так много удѣляла времени дѣтской, что при Дворѣ стали говорить, что Императрица не царица, а только мать. Конечно, сначала не знали и не понимали серьезное положеніе здоровья наслѣдника. Человѣк всегда надѣется на лучшее будущее. Их Величества скрывали болѣзнь Алексѣя Николаевича от всѣх, кромѣ самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность Государыни. Она страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодная, гордая и непривѣтливая: таковой она осталась в глазах придворных и петербургскаго свѣта даже тогда, когда всѣ узнали о ея горѣ.

„ДНЕВНИК“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Милая Марія Ивановна!» писала А. А. Вырубова М. И. Вишняковой — нянѣ наслѣдника Алексѣя: «Я случайно узнала, что в В. живет наш Алек. Никол., который имѣет сношенія с Царским... Сдѣлать будто покупку, упаковать мои тетради, которые переписывали Ш и В., и все переслать на его адрес. На это получите подробные инструкціи от меня.»

Что это за тетради, о которых безпокоилась Анна Александровна Вырубова, наперсница Императрицы, возлюбленная дочь всемогущаго «старца»? И кто такіе таинственные «Ш.» и «В.», которые тетради эти зачѣм-то переписывали?

Уже одно происхожденіе Вырубовой-Танѣевой предопредѣляло ея близость к Двору, к верхушкѣ той касты, которая «дѣлала исторію» и к которой одним фактом своего рожденія принадлежала Вырубова.

А. А. Вырубова девятнадцатилѣтней дѣвушкой зимой 1903-1904 г. была назначена городской фрейлиной, а в 1905 г. ей было предложено замѣнить заболѣвшую свитскую фрейлину, княжну С. И. Джамбакур-Орбеліани. Послѣ этого и начинается ея сближеніе с Александрой Өеодоровной, повлекшее за собой с годами полный отказ от личной жизни и полное раствореніе ея личности и воли в волѣ и личности «возлюбленной Государыни».

Женщина по-своему далеко не глупая, Вырубова сдѣлалась членом царской семьи, «сестрой во Христѣ»

Императрицы. Судьбы этих людей «переплелись, заткнулись, что называется, мертвой петлей». И для нея уже не было возврата, как бы не сознавала она временами весь ужас своего положенія: «Как, в сущности, все ужасно! Я была втянута в их жизнь!... «Если бы у меня была дочь, я дала бы ей прочесть мои тетради, чтобы спасти ее от возможности или от стремленія сблизиться с царями. Это такой ужас! Точно тебя погребают заживо. Всѣ желанія, всѣ чувства, всѣ радости — все это принадлежит уже не тебѣ, но им. Ты сама уже не принадлежишь себѣ»... «Вот только записывать — это мой отдых». Но и «это удается рѣдко»...

Alter ego Императрицы Александры Ѳеодоровны, Вырубова знала и видѣла очень много, будучи не безмолвным свидѣтелем, а активным участником всей многосложной игры, гдѣ шахматной доской была огромная страна,

Итак, Вырубова находилась в самом сердцѣ той лабораторіи, в которой, как мы уже сказали, «дѣлалась исторія». И молодая фрейлина очень рано, вскорѣ послѣ ея приближенія ко Двору, начинает вести лѣтопись, куда добросовѣстно заносит все, что проходит перед ея глазами, как на экранѣ кинематографа, все, что видит она со своего исключительнаго мѣста, на которое ее «поставил Бог». На страницах ея дневника нашли себѣ отраженіе весьма значительныя историческія событія, исключительно сенсаціонныя признанія и совершенно мелкіе, но всегда показательные факты; за наблюденіями и выводами разсудительной женщины идут наивныя «откровенія» невѣжественной кликуши; трагедія перемежается здѣсь с комедіей, и, вслѣд за страницами, насыщенными патетикой и лиризмом, разыгрывается пошлый фарс.

Вырубова считала, что она «не сама от себя», а «орудіе судьбы», «только орудіе судьбы». «Тѣ, что прочтут мои записки, поймут это именно так». И дневник, который она вела, был тоже в ея глазах окрашен в тона предопредѣленности, и значительность этого дѣла возрастала вслѣдствіе того, что главным дѣйствующим лицом является здѣсь, наряду с «Мамой» — Александрой Өеодоровной», «святой Старец» — Григорій Распутин. Здѣсь «все освящено его памятью», и «лишиться этого — значит оторвать часть больного сердца». Поэтому, дневник, который она вела в теченіе ряда лѣт и особенно интенсивно — в послѣдніе предреволюціонные годы, ей «дороже всѣх брилліантов». Ея безпокойство за сохранность ея «тетрадей» возрастает еще и потому, что она, в концѣ-концов, с годами, начинает понимать, какое значеніе они представляют и какой ключ к пониманію многаго они в себѣ содержат. Вѣдь «святой Старец» ей заповѣдал:

«Оставь ключь на видном мѣстѣ!...»

И вот — «раньше мнѣ казалось, что и послѣ моей смерти мои записки будут только для немногих. Ибо все то, что связано с именем царей, должно остаться тайной. Но теперь (октябрь 1917), когда многое измѣнилось, когда все опрокинулось, я думаю, что теперь мои записки примут другое назначеніе. И если послѣ меня их кто-нибудь огласит, то это поможет разобраться во многом.»

Мысль о том, чтобы «тетради сохранить и потом перевезти на тот берег«, уже не оставляла Вырубову послѣ того, как одна такая тетрадь была отобрана у нея во время обыска в 1917 г. Эта тетрадь была предъявлена ей при допросѣ 6 мая 1917 г. чрезвычайной комиссіей, учрежденной Временным правительством для разслѣдованія незаконных

дѣйствій бывших министров. Меньше всего озабочена сейчас эта «наивная, преданная и несчастливая подруга Императрицы» спасеньем своего матеріальнаго достоянія. Что для нея сокровища Голконды, всѣ алмазы земли!... «Пусть возьмут все, пусть возьмут брилліанты, только бы остался дневник, освященный Его памятью. Освященный именем Старца». «Развѣ Его слова не дороже золота, брилліантов и жемчужин из короны?... Вот почему «сохранить эти тетради так же важно, как сохранить душу для тѣла».

Забота о спасеніи ея архива очень быстро превращается в idée fixe в подлинном смыслѣ этого слова. Навязчивая идея настойчиво преслѣдует ее, не дает ей покоя. Вѣдь она понимает, что «этого никому никогда не возстановить». «Цѣнности в худшем случаѣ могут отобрать, — так и Бог с ними... Я на это смотрю без страха. Гораздо больше меня занимает вопрос о моих дневниках. Это прямо сводит меня с ума», признается она в письмѣ к Л. В. Головиной от 18 мая 1917 г. «Мои тетради», «мои записки», «мои дневники» — без конца повторяет она на разные лады, пока, наконец, не приходит к необходимости позаботиться о дубликатѣ, раз такая опасность угрожает оригиналу. Пропадет одно — останется другое. И не разсѣется безслѣдно опыт ея столь необычайной жизни, освященный старцем, мудрым учителем, великим пророком.

«Ах, Любочка», пишет Вырубова Л. В. Головиной в упомянутом выше письмѣ от 18 мая 1917 г., «я все думаю о том, что если бы перевести мои дневники на французскій язык... На тот случай, если оригинал не удастся провезти, чтобы дома остался слѣд. А лучше, чтобы дома остался на французском: если будет обыск и найдут солдаты тетради, то на французском не заинтересуются, а русская

возбудит интерес. Я уже думала это сдѣлать сама, да у себя боюсь держать. Послѣ того, как у меня взяли одну тетрадь, я даже думать боюсь держать их у себя... Подумай, как вся это сдѣлать»...

Итак, раз «мысль, что все может пропасть, доводит меня до ужаса», то надо, наконец, осуществить зародившійся план о французском дубликатѣ. И за эту-то работу принимается Марія Владиміровна Гагаринская («Шарик», «Щурик», «Шура»), ревностная поклонница «святого Старца», член кружка Вырубовой и ея близкій друг. («Шариком» прозвал М. В. Гагаринскую Распутин).

М. В. Гагаринская была, однако, невѣжественна ровно в такой мѣрѣ, чтобы доставить немало хлопот будущему историку. К тому же и французской литературной рѣчью она не владѣла вовсе. Поэтому французскій текст дневника сплошь и рядом облечен в такія неправильныя грамматическія формы, что нѣкоторыя мѣста можно было разгадать, лишь установив условные способы выражаться и изучив ляпсусы, которыми переводчица обильно усѣяла текст. Надо все же замѣтить, что к своей задачѣ М. В. Гагаринская отнеслась добросовѣстно, стараясь переводить «буквально»; при этом она не считалась с требованіями французскаго языка и прибѣгала иногда к весьма забавным руссизмам; в особенно же затруднительных случаях она вводила в свой перевод отдѣльныя слова, а иногда даже цѣлыя предложенія русскаго оригинала (по-русски). Эти русскіе вставки набраны в печатаемом ниже текстѣ курсивом.

Осуществить, однако, заданіе Вырубовой оказалось дѣлом далеко не легким, и работа подвигалась медленнѣе, чѣм это требовалось. Обстановка была нервная, надо было торопиться, так как Вырубова, послѣ цѣлаго ряда пережитых ею злоключеній, только и ждала случая перебраться «на тот берег», вмѣстѣ со столь драгоцѣнными для нея тетрадями. Вскорѣ, поэтому, пришлось оставить мысль о переводѣ всего дневника на французскій язык, ибо переводчица

только путала, и «мама Кока сердилась»*). Единственно. что оставалось, это, не мудрствуя лукаво, просто снять копіи с бумаг Вырубовой, только бы поскорѣе, со всего, что попадется под руку — там, послѣ, можно будет разобраться. И стоит только бросить взгляд на эти 25 разнокалиберных тетрадок, изписанных двумя почерками (частью карандашом, частью плохими чернилами 1918—1919 г.г.), чтобы понять, в какой обстановкѣ и в какое время производилась эта работа. Текст восьми из этих тетрадок, писанный одним и тѣм же почерком (М. В. Гагаринской), является французским переводом русскаго оригинала; текст остальных — копіей с него.

С того момента, как мысль перевести весь архив Вырубоpой на французскій язык была оставлена, дальнѣйшая работа должна была пойти значительно быстрѣе, тѣм болѣе, что на помощь М. В. Гагаринской пришли Любовь Валерьяновна и Вѣра Николаевна («Вѣрочка») Головины, очень привязанныя к Вырубовой и благоговѣвшія перед «старцем», «Вѣрочка» — до того, что готова была, по ея словам, отдать за него жизнь, «потому что для меня нѣт Бога, кромѣ него».

В результатѣ этой совмѣстной работы мы имѣем 17 тетрадок, писанных по-русски, гдѣ дѣло, конечно, обстоит значительно благополучнѣе, нежели там, гдѣ записи Вырубовой переведены на плохой французскій язык. Но и здѣсь попадаются погрѣшности, объясняемыя, впрочем, не столько малограмотностью переписчиц, сколько самой обстановкой, в какой производилась работа, да конечно, и тѣм, что записи самой Вырубовой носили характер еще не предназначенных к печати отрывочных замѣток
Хотя и в значительно меньшей мѣрѣ, но и русскій текст пестрит, поэтому, разнородными ошибками, слова недописаны, а иногда и совсѣм пропущены.

---

1) Слова В. Н. Головиной в одном из писем ея к Л. В. Головиной. «Мама Кока» — В. В. Леонтович, крестная мать В. Н. Головиной.

В предлагаемом читателю изданіи текст дневника воспроизведен в полной его неприкосновенности, с исправленіем, конечно, совершенно явных описок и ошибок, что, впрочем, всякій раз отмѣчается в выносках. Неприкосновенность текста нарушена лишь в отношеніи орфографіи и знаков препинанія, так как способ разстановки послѣдних в самом текстѣ дневника нерѣдко затемняет смысл.

Слѣдует также замѣтить, что нѣкоторыя записи Вырубовой носят чисто мемуарный характер, сдѣланы по памяти, иногда с чужих слов, и подчас трактуют о событіях весьма отдаленных; и тут, слѣдовательно, возможны неправильности, искаженія имен, неточности в датировкѣ.

В дневникѣ встрѣчаются неудобныя для печати слова, являвшіеся, повидимому, обиходными в этой средѣ(!) При передачѣ таких слов пришлось прибѣгать к многоточію. В тѣх же случаях, когда многоточіе проставлено самой Вырубовой или же упомянутыми выше переводчицами, это бывает всегда оговорено. Дневник первоначально подвергся цензурѣ и обработкѣ большевицских историков и насколько они бережно и нелицемѣрно отнеслись к этому — судить не трудно.

Ненавидимая и гонимая и справа и слѣва Вырубова должна была покинуть Россію 26 августа 1917 г., когда она была выслана за границу (послѣ перваго ея ареста Временным правительством) вмѣстѣ с Манусевичем-Мануйловым, Решетниковым и Бадмаевым. Впрочем, событія нарастали, и оставаться ей в Россіи было далеко не безопасно, хотя она и понимала, что и там, за рубежом, «нѣт никого, к кому бы я потянулась сердцем. Всѣ эти уѣхавшіе —

как мои бывшіе друзья, так и враги — всѣ дышат злобой. Всѣ меня ненавидят. Считают причиной всѣх бѣд».

Выѣхать за границу ей, однако, на этот раз не удалось. В Гельсингфорсѣ она была арестована и препровождена в Свеаборг, откуда ей 30 сентября разрѣшено было вернуться в Петроград. Она поселилась на Фурштадтской с матерью, с сестрой милосердія Е. В. Веселовой и со старым лакеем Берчиком, прослужившим в семьѣ Вырубовой-Танеевой свыше 45 лѣт.

Неоднократные в дальнѣйшем обыски и аресты, безпокойство за судьбу царской семьи, переведенной к тому времени из Тобольска в Екатеринбург, все усиливавшіяся матеріальныя лишенія, не давали, повидимому, Вырубовой возможности лично наблюдать за изготовленіем дубликата ея дневника или хотя бы перенумеровать листки ея обширных записок, чтобы работа могла производиться в извѣстном порядкѣ. Послѣ перваго обыска и ареста Вырубова, как уже было указано, никаких бумаг у себя не держала («Я даже думать боюсь держать их у себя»). Поэтому в результатѣ и получилось, что в тетради Л. и В. Головиных и М. Гагаринской записи попали не в послѣдовательном хронологическом порядкѣ, а «вперемѣшку», как говорит в одном из сохранившихся писем М. В. Гагаринская. Это обстоятельство можно было бы также объяснить и желаніем переписчиц снять в первую очередь копіи с наиболѣе, по их мнѣнію, интереснаго и важнаго, нисколько не заботясь о соблюденіи хронологическаго порядка. Как бы то ни было, но в дубликатѣ, воспроизводимом в настоящем изданіи, всѣ записи Вырубовой оказались настолько перетасованными, что иногда идут даже в обратной хронологической послѣдовательности. Так, напримѣр, одна из тетрадок начинается записями 1915 г. и кончается записями 1910-го. Болѣе систематично все же даны в дубликатѣ записи, относящіяся к 1916 и 1917 г.г.

Распустить все ожерелье и перенизать всѣ записи в строгой хронологической послѣдовательности не составило

бы особеннаго труда, если бы переписчицы (из коих «Вѣрочка» Головина в то время была «еще совсѣм дитя») понимали все значенiе правильной датировки записей. Но как-раз по этой части безпечность всѣх трех молитвенниц потребовала впослѣдствiи больших усилiй для водворенiя той или иной записи на настоящее ея мѣсто. Только путем кропотливаго изученiя ряда исторических матерiалов можно было установить, что там, гдѣ, например, проставлено «1901», должно стоять «1910», что цифра, обозначающая мѣсяц, в дѣйствительности должна обозначать год записи, что, например, «13» поставлено вмѣсто «3» (3-й мѣсяц года, март) и т. д. Ничего не оставалось, как совершенно пренебречь сумбурной и явно ошибочной датировкой переписчиц; это предлагается и читателю, так как для достиженiя максимальной неприкосновенности текста признано цѣлесообразным над водворенными (по-скольку это было возможно) на свое мѣсто записями все же оставить даты в том видѣ, в каком они проставлены переписчицами в дубликатѣ дневника.

Вышеизложенныя обстоятельства являются также причиной того, что разбивку записей по отдѣльным годам возможно было провести лишь с 1914 г.

Попутно слѣдует указать, что в примѣчанiях так и в текстѣ даты приведены по старому стилю. Там, гдѣ они приведены по новому, это всякiй раз бывает оговорено.

Опасенiям Вырубовой суждено было сбыться. Дневник, которым она так дорожила, погиб. Об этом разсказывает Л. В. Головиной М. В. Гагаринская в письмѣ от 6 ноября 1919 г.

«...Случилось большое несчастье: когда Настя (сестра горничной Вырубовой, переносившая ея записки в кувшинѣ

из-под молока) несла записки, ей показались милиціонеры, думали, несет молоко. Она испугалась и бросила в прорубь». М. В. Гагаринская очень безпокоится, как отнесется Вырубова к этому извѣстію: «Ах, что только будет, как моя узнает!»

Но с гибелью ея бумаг для Вырубовой, в сущности, ничто не погибло. Вѣдь остался дубликат, хранившійся у ея стараго лакея Берчика (гдѣ-то, повидимому, в сыром мѣстѣ: чернила кой-гдѣ расплылись и смылись настолько, что разобрать нѣкоторыя мѣста удается с трудом). Не все ли ей равно, писаны эти тетради ея собственной рукой или благоговейными руками Вѣрочки и Шуры, раз и на этих листках запечатлѣно то же самое: «дорогая тѣнь» «учителя и пророка», образ «святой мученицы» Императрицы и весь пронесшійся вихрь ея дней, от провиденціальной встрѣчи с «Мамой» возлѣ озера в Царскосельском паркѣ и до послѣдняго их разставанія в вѣтреный и холодный день 21 марта 1917 г.

Но за границу вмѣстѣ с Вырубовой не попал и дубликат ея дневника. Ей было не до того, когда в декабрѣ 1920 г. она, оборванная и босая, стояла ночью посреди деревенской улицы, всматриваясь в темноту, в ожиданіи проводника-финна. Но даже когда опасность была уже позади, когда Вырубова была уже на финском берегу, она не строила никаких иллюзій насчет будущаго своего существованія. Она хорошо знала, что и дальнѣйшій ея путь будет усѣян отнюдь не розами. Не даром она еще в 1917 г. с такой неохотой говорила о заграницѣ. Вѣдь как-раз там теперь «всѣ эти генералы или великіе князья, которые пожелают пить кровь мою по каплѣ». И в Россіи, и за ея предѣлами Вырубова все равно оставалась одіозной фигурой. До революціи и послѣ нея «всѣ, и раньше и теперь, считали меня властолюбивой, продажной, хищницей, предателем... Ну, и что я могу сдѣлать и доказать, что это ложь?»

Несмотря на всю безнадежность, звучащую в этом вопросѣ, Вырубова, очутившись за границей, немедленно при-

нялась за писаніе своих официальных мемуаров, имѣвших несомнѣнную цѣль реабилитировать себя в глазах «всѣх этих генералов и великих князей». Но автоапологія ея шита бѣлыми нитками, поистинѣ являясь попыткой с негодными средствами.

Написанныя стилем пепиньерок Смольнаго института, вышедшія в 1922 г. в Парижѣ «Страницы из моей жизни» Вырубовой наивны, безпомощны и явно неправдивы. Что может быть нелѣпѣй желанія убѣдить мір в том, что черное есть бѣлое, что сибирскій мужик, назначавшій и увольнявшій министров, никакого касательства к государственным дѣлам не имѣл, что «русская смута» является слѣдствіем «психическаго разстройства». Как далеки, поэтому, сусальныя краски ея написанных уже по «измѣнившей» ей памяти, „post factum", воспоминаній от жесткой, неприкрашенной правды публикаемых ниже листков ея дневника.

Здѣсь под пером человѣка, стоявшаго возлѣ главных рычагов власти, дѣйствительно оживают — его психологическая атмосфера, граничившая с послѣдними степенями религіозной истеріи, патологической извращенности. От кого же мы об этом услышим больше, как не от Вырубовой, которая в роковой для русской имперіи період была «орудіем судьбы и тѣх, кто ее дѣлал, судьбу-то?»

Из всего изложеннаго выше читатель, повидимому, уже составил себѣ представленіе о том, что такое погибшій оригинал записок Вырубовой и как выглядит их уцѣлѣвшій дубликат. Для приведенія послѣдняго в порядок понадобились большія усилія, в результатѣ которых для исторіи спасен первоклассный источник — ключ к уразумѣнію многих сторон отошедшей эпохи.

Цѣнность воспроизведенных в настоящем изданіи записей совершенно непререкаема: историческіе портреты как первых персонажей, так и второстепенных героев, достигают здѣсь апогея выразительности; несмотря на все обиліе аналогичных матеріалов, опубликованных за по-

слѣднее десятилѣтіе, читатель о многих, весьма примѣчательных, фактах впервые узнает из настоящей книги; ряд же гипотез, доселе сомнительных и спорных, находит в записках Вырубовой вполнѣ убѣдительное разрѣшеніе.

Согласимся же, поэтому, вмѣстѣ с Вырубовой, что окончательная гибель ея записок была бы весьма горестна. Стоит только представить себѣ, что «этого никому никогда не возстановить».

Таким вступленіем начинают совѣтскія дѣвы О. Брошиновская и З. Давыдова пресловутый «Дневник», который вышел под их коллективной редакціей.

Находящаяся в эмиграціи А. А. Вырубова, узнав о появленіи впечати, как в совѣтской, так и в зарубежной «Дневника», в письмѣ, помѣщенном в газетѣ „Le temps„ категорически от авторства этого «Дневника» отказалась.

С своей стороны, помѣщая настоящій «Дневник», обращаем вниманіе читателя на явное несоотвѣтствіе грубаго и наглаго тона автора «Дневника» с представленіем о воспитанной и свѣтской женщинѣ. Та-же грубость и рѣзкость выраженій, допущенных на страницах «Дневника» и приписываемых многим лицам, в «Дневникѣ» упоминаемым, не согласуюся совершенно ни с высоким положеніем, ни с их воспитаніем и исторически не подтвреждается.

Невольно возникает мысль, не является ли фабрикація такого «Дневника» средством внѣдрять в умы легковѣрных лживыя представленія о царской семьѣ.

Злоба цареубійц не умолкает перед могилой мучеников.

Возрастающее среди широких русских масс обояніе памяти Императорской семьи заставляет совѣтских борзописцев опускаться до грубаго и лубочнаго подлога.

ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ.

(Французскій текст).

17 мая 10 *)

Мнѣ кажется — я несу на плечах кувшин с очень крѣпким вином. Кто его попробует — опьянѣет. Я боюсь его опрокинуть. Дорога каждая капля. Это все то, что я в себя впитала: слова, разъясненія Папы и Мамы *) и всѣх тѣх, кто плюет на них из-за меня.

Я должна пролить это вино. Записать все то, что меня волнует. Когда понадобится узнать жизнь наших правителей, ключ к этому можно будет найти в моей тетради.

Отец упрекает меня в тщеславіи, в том, что я бросаю семью, что не разсказываю ему того, что вижу. Но как разсказать? Разсказать — это значит сбросить на его спину

---

3) Дата (как и большинство послѣдующих) порставлена несомнѣнно ошибочно: Вырубова начала свой дневник уже послѣ 1905 года.

4) В тѣ годы, когда чета Романовых с нетерпѣніем ждала рожденія наслѣдника, в Петербург, в качествѣ молельщика о дарованіи сына, «антрепренером» Елпидифором Кананыкиным был привезен косноязычный юродивый Митя Козельскій. Отчетливо он произносил только два слова: «папа» и «мама». И с тѣх пор в интимном кругу Романовых так и стали называть Николая II и его жену.

всю ту грязь, которую сбрасывает на меня Мама.

Они не могут понять, что того, что может выдержать женщина, не может выдержать ни один мужчина. Женщина — словно кошка, которая все переварит в своем желудкѣ и заснет. Ни один мужчина, ни один царь, ни одна царица не скажут мужчинѣ того, что скажут женщинѣ. А почему? Потому что, когда кувшин опрокидывается, — женщину гораздо проще и легче сгубить. Она — это выжимки, губка, которая впитывает. Придет необходимость — и губку выжмут.

19 іюля.

Задыхаюсь! Вчера опять провела нѣсколько часов у Мамы. Она разсказывала мнѣ про 1905 и 1906 годы и потом — как и почему я стала ей так близка, с какого времени и с какого часа.

Она разсказала мнѣ сон, который приснился ей перед тѣм, как отправляться свадебным поѣздом в Россію. Он так ужасен, что я рѣшила его записать. Это было в день отбытія царскаго поѣзда. Мама разсказывает:

— Я не любила Ники. 5) Я его боялась. Бывали минуты, когда я его ненавидѣла. Но за нѣсколько дней до нашей свадьбы я почувствовала к нему такую жалость, такую теплоту... Он — моя судьба, это от Бога... его надо любить... С ним 6) у меня была дѣтская любовь; и он знал, что не смѣет помышлять о русской царицѣ. 7)

И потом Мама сказала, ей уже с дѣтства было извѣстно, что ее ждет исключительная судьба. В семьѣ на нее взирали, как на солнце. Это случилось так. Когда она роди-

5) Так в семьѣ называли Николая II.

6) Повидимому, рѣчь идет о дѣтской любви Александры Федоровны к ея двоюродному брату, принцу Генриху Прусскому («Геня»), впослѣдствіи (1888 г.) женившемуся на ея сестрѣ, принцессѣ Гессенской Ирэнѣ (Альберт-Вильгельм-Генрих, род. в 1862 г., брат Вильгельма II, адмирал германскаго флота).

7) Начало отношеній между Александрой Федоровной и Николаем II, вылившихся впослѣдствіи в любовь и брак (1894 г.), может быть отнесено еще к 1885 г.

лась, и ее принесли к королю 8), было уже темно. И вдруг луч солнца освѣтил комнату. Король испугался. Кормилица тоже. Тогда Агинушка 9) (она была взята в качествѣ няни) сказала:

— Молитесь Богу, родилась царица!

Что это было, откуда взялось это солнце? Никто не знал. Говорили о сѣверном сіяніи. Никто этого не знал. Это было чудо, так думает Мама.

Между прочим, я должна сказать, что я никогда не встрѣчала людей, которые вѣрили бы в чудеса и в чудесное так, как Папа и Мама. Мама даже еще больше Папы. Обыкновенно Мама говорит мало, и, когда она говорит о чем-нибудь серьезном, это так скучно и мало интересно. Но когда она заговаривает о чудесах или о необычайном, она тотчас же преображается, она почти горит. Папа замѣтил это тоже. Он говорит:

— Если бы ты не была царицей, то была бы пророчицей!

Мама смѣется, она говорит:

— Может быть, тогда бы меня больше почитали!

Папа говорит еще:

— Когда Мама ночью начинает говорить о чудесном, тѣло ея горит, подушка горит. И вот, — говорит он, — тогда нѣт никого лучше нея. Никого. Всѣ красавицы перед ней — труха.

Возможно.

9-е.

Отозвали, не дают кончить. Эти два дня все кипит. Всѣ говорят о 10) ..... Думѣ 11). Дума путает всѣх. Особенно Папу.

---

8) Великій герцог Гессенскій Людвиг IV (1837—1892), отец Александры Федоровны.

9) Повидимому, мисс Орчард — старшая камерфрау и бывшая няня Александры Федоровны, привезенная в Россію. Значится в «Придворном календарѣ» с 1895 г. по 1906 г. Довѣренное лицо.

10) Пропуск.

11) I Госуд. Дума существовала с 27 апрѣля по 9 іюля 1906 г.; II Госуд. Дума — 20 февраля по 3 іюня 1907 г.

10-е.

Обращаюсь опять к разсказу Мамы.

— Я росла, — говорит она, — как царица.... 12), только игра, и что серьезное еще не пришло. И когда Лиза 13) уѣхала в Москву, мнѣ было так страшно. Она выдумала, что солнце взойдет оттуда и, когда я пріѣхала во дворец, и Гнѣвная 14) там зашипѣла, как змѣя, и назвала меня Гессенская муха, и Ники не захотѣл меня сопровождать, я так разсердилась! И я рѣшила пребольно ужалить. Гнѣвная должна была узнать, что муха тоже может быть очень злой. А относительно Ники я подумала: «Не буду его любить, буду мучить!» И потом, знаешь, когда за мной пріѣхали, я стала собираться в Россію уже со злобой царицы. И вот, перед отъѣздом, у меня вдруг появилось к Ники такое доброе и мягкое чувство. Это были Божьи солнечные лучи. Его надо было любить ради Бога...

В послѣдніе дни перед моим отбытіем с царским поѣздом меня укладывали рано. Мнѣ дѣлали растиранія: боялись припадка.

23-е.

Мама заболѣла в возрастѣ 14 лѣт, когда у нея начались менструаціи. В это время у нея начинается сонливость. Она засыпает. Потом во время сна у нея дѣлаются конвульсіи. Она бьется по нѣсколько минут. Потом успокаивается. Снова засыпает. Начинает говорить или пѣть — ужасающим образом. Ее лечили. Это прошло. Когда ей исполнилось 18 лѣт, болѣзнь стала возобновляться, но рѣдко: два, три раза в год.

Она уже заранѣе чувствовала приближеніе судорог. За нѣсколько дней до отбытія царскаго поѣзда у нея была тош-

---

12) Пропуск в полторы строки.

13) В. кн. Елизавета Федоровна (1864—1918), вторая сестра Александры Федоровны, выданная в 1884 г. за в. кн. Сергѣя Александровича.

14) Так в кругу Александры Федоровны называли вдовствующую императрицу Марію Федоровну (род. в 1847 г.)

нота. Так всегда начинались припадки. Агинушка сдѣлала ей растираніе. Растираніе дѣлалось всегда перед судорогами. Его надо было дѣлать очень осторожно, так как оно могло подѣйствовать усыпляюще. В тот день она легла ровно в одиннадцать часов. Она уснула тотчас же. У нея находилась Агинушка. Ей приснился сон. Она так разсказывает:

— Я видѣла сон. Мнѣ приснилось, что прибыла царская карета. Впереди я увидѣла бѣлых лошадей, но очень маленьких, точно игрушечных. Это было забавно. Как повезут онѣ карету? А на козлах — царь Николай. На нем длинная бѣлая рубашка, на головѣ корона, разутый и в рукѣ золотой прут. Я спрашиваю — что это за наряд на царѣ. Мнѣ говорят, — так надо. А почему он сидит на козлах, а не рядом со мной? Потому что с этими лошадьми может справляться только он. Я засмѣялась: вѣдь это же не лошади, а игрушки!.. А теперь начинается самое ужасное... Он стегнул лошадей, онѣ понеслись, как птицы. Бѣгут по улицам, давя людей. Я слышу хруст ломаемых костей. Вижу кровь. Кровь брыжжет на меня, в лицо, на руки, я вся в крови. Меня бросает и швыряет во всѣ стороны... Я кричу, прошу остановиться... Но царь продолжает размахивать золотым прутем. И онѣ бѣгут, бѣгут!.. Мы очутились перед какой-то стѣной. Говорят, это Кремль. Хочу подняться — не могу. Вижу перед собой двух людей. Молодую в черной вуали, опирающуюся на палку, и рядом с ней мужика, рябого, босого, в бѣлой как и царь, шелковой рубахѣ, со страшными глазами. Я кричу, зову — никто не идет ко мнѣ... Подошла только эта дама. Она помогала мнѣ выйти из кареты. Я хочу итти, но чувствую, что мнѣ трудно двинуться . . . . Проснувшись, я долгое время не могла притти в себя.

Царица боится этого сна и никому его не разсказывает. Папѣ она разсказала этот сон уже позднѣе, когда они остались наединѣ. Он очень взволновался.

Мнѣ Мама разсказала этот сон, потому что она говорит:

— Когда я увидѣла тебя на берегу Лебяжьяго озера в Царскосельском паркѣ, я тотчас же тебя узнала: ты была та дама, которую я видѣла во снѣ...

9 іюля.

Я записала и сон Мамы, и то, что она говорит; это не что иное, как..... 15) Дѣло в том, что до тѣх пор я не ходила с палкой 16). Это случилось в вагонѣ.

6-й год.

До того времени ни Папа, ни Мама не обращали на меня вниманія. Я не была ни красива, ни интересна для того, чтобы выдвинуться. Это был только случай. Божье чудо.

В концѣ 4-го года 17) судороги у меня стали сильнѣе: бывали дни, что я не могла встать с постели, так как не могла держаться на ногах. Я по цѣлым дням лежала, и в тот день тоже. Но в тот день я встала и пошла в парк, к озеру. Там в встрѣтила Маму. Я хотѣла сдѣлать реверанс, у меня было намѣреніе бросить палку, но я побоялась упасть. Мама все замѣтила; она вдруг заволновалась; я подумала — от неожиданности. Я подошла к ней — я была в туфлях — и сдѣлала граціозный реверанс. Вечером меня позвали к ней, и с той поры, с того вечера, она меня очень полюбила, и я стала ея любимицей.

Мама говорит:

— Прошло уже болѣе десяти лѣт со времени того сна. Я его забыла и боялась вспомнить. Но, когда я увидѣла тебя в черном шарфѣ, с палкой, я узнала тебя тотчас же. Это ты помогла мнѣ выйти из кареты.

9.9.

В этом случаѣ мама говорит правду. Я знаю, что стала ей очень близка с тѣх пор, как она отняла у меня любимаго человѣка. Я могла бы написать об этом много печальнаго.

---

15) Непонятно. Возможно — «как собственное ея измышленіе».

16) В 1902 г. Вырубова болѣла брюшным тифом, что повлекло за собой заболѣваніе кровеносных сосудов ног.

17) Очевидно, «в концѣ 1904 г.».

17 августа.

Этот сон выдвинул ещо одного человѣка. 18) В нем наше спасеніе... Я боюсь теперь всего. Всѣ удары я должна принимать на свою голову. Отец всегда говорит, что царская милость остра и жгуча, как чесотка. Ну что ж, пусть так! Если бы я и хотѣла бѣжать от царской милости — не могу.

Вчера Мама говорила про 1905 и 1906 г.г. Они всѣ думают, что это Папа опрокинул горшок с угольями и что он поджег Россію.

Нѣт, это сдѣлала Мама. Она сдѣлала это для того, чтобы спасти трон. Мама при первом причастіи 19) дала клятву спасти Россію. Она говорит, что одна капля царской крови стоит дороже, нежели милліоны трупов холопов.

— Народ, — говорит Мама, — умирает потому, что его обманывает интеллигенція.

Это тѣ, кто хочет стать во главѣ государства.

Мама спасет от них трон.

19 сентября.

Одна вещь кажется мнѣ невѣрной.

Мама думает, что Папа слушается ея во всем, — это не так. Он всегда готов «надѣть черные штаны» и опрокинуть, когда нужно, горшок. Он отлично может любить — и всѣх обманывать. Он любит рѣшать сразу же. Ему также очень нравится, когда Мама и Гнѣвная думают, что он дѣйствует в их выгодах. Только бы онѣ были довольны.

А для него это вздор. Он смѣется над ними.

5 декабря.

Папа приказал, чтобы позаботились принять Беннигсена. 20) Этот гр. Беннингсен, очевидно, весьма занят своей судьбой. Говорят, он очень богат. Не думает ли Папа свя-

---

18) Григорія Распутина.

19) При принятіи православія 21 октября 1894 г.

20) Вѣроятно, граф Адам Павлович Беннигсен, офицер ЛГВ Коннаго полка.

зать его судьбу с судьбой Шуры? 21 Пускай он сам поговорит со мной.

5 марта 1909.

Я очень люблю Маму — так, как не люблю никого другого. Но, признаюсь, она держит меня тѣм, что я ея боюсь. Не то, чтобы я боялась царскаго гнѣва (отец меня этим пугает), тут что-то другое. Она заразила меня своим страхом. Она боится чего-то. Боится, но сама не знает, чего, она только что-то чувствует.

О, как она несчастна!

У нея всегда предчувствія и страх.

Она боится и ждет... ждет чего-то ужаснаго. Она человѣк довольно злой, вѣрнѣе — жестокій, но когда она спокойна — бывает очень добра и мягка. Но только с тѣми, кому она вѣрит; к сожалѣнію, она не вѣрит никому, даже Папѣ.

Но самая ужасная бѣда в том, что она очень мстительна. Ни одной обиды она не забыла и не простила, она это всегда говорит

— Они сразу же сдѣлали меня злой.

Они — это Витте 22) и Гнѣвная.

При дворѣ не тайна, что Мама и Гнѣвная — два бунтующих лагеря. И каждый из них старается перетянуть Папу на свою сторону. Несчастье этой семьи состоит в том, что Папа все время кидается то к Гнѣвной, то опять к Мамѣ. В дѣйствительности же он обманывает и Маму и Гнѣвную. Он смѣется над ними. Онѣ им управляют. Толкают его. И он как будто ведет их линію. Но недолго. Он старается сдѣлать по-своему, но от этого всѣм только хуже. По своей натурѣ он человѣк не злой, чувствительный, однако иногда бы-

---

21) Младшая сестра Вырубовой, Александра Александровна (Шура, Сана, Аля; род. в 1885 г.) б. фрейлина. С 1907 г. замужем за камер-юнкером А. Э. Пистолькорсом. З

22) Сергѣй Юльевич Витте (1849—1915), с 1905 г. — граф, статс-секретарь, член Госуд. Совѣта, б. министр путей сообщенія и финансов, б. предсѣдатель совѣта министров.

вает хуже всякаго изверга. Дикій и хищный звѣрь, когда разсердится. В нем живет какое-то непонятное упрямство. Гнѣвную оскорбляет, что им руководят другіе. И потому он держится своей линіи. Когда Мама начинает что-нибудь ему говорить, он отвѣчает:

— Я — царь, а царю можно только совѣтовать!

Иногда он начинает издѣваться и говорит смѣясь:

— Может быть ты и права, но я сдѣлаю так, как хочу.

Вот почему в концѣ концов все идет вверх ногами. Мама говорит, что Гнѣвная хочет вести свои любовныя дѣла, как Екатерина. 23) С той только разницей, что Катерина никого не пускала дальше своей постели, а у Гнѣвной они роются в письменном столѣ. Гнѣвная набралась от своего кавказца 24) вольных мыслей и толкает Папу на конституцію. Папа не понимает, что Россія — не Германія, что он — не Вильгельм Германскій. 25) Вильгельм управляет конституціей, а когда конституція будет в Россіи — она обернется против Николая, и его прогонят, когда найдут, что довольно. Мама убѣждена во всем этом. Но как внушить эти мысли Папѣ, она не знает. Внушить ему мало: его надо запугать. Когда его пугают, он становится грустным, его охватывает страх. В продолженіи нѣскольких дней он слушается и все исполняет, потом начинает пить и снова все приводит в безпорядок. И тут начинается та неразбериха, от которой всѣ министры теряют голову.

14 мая 09.

Вчера Мама сказала:

— Я люблю русскія сказки и русскія пословицы. Самая лучшая пословица — это: ночная кукушка денную перекукует.

---

23) Екатерина II.

24) Кн. Георгій Дмитріевич Шервашидзе (1847—1918) обергофмейстер, управляющій двором вдовствующей императрицы Маріи Федоровны.

2) Вильгельм II, германскій император, род. в 1859 г., вступил на престол в 1888 г., низложен в 1918.

Это значит — Мама думает, что она побѣдила Гнѣвную. Но мнѣ кажется — это не совсѣм так.

Иногда получается такая чепуха, происходит столько ненужнаго зла...

Чтобы уязвить Гнѣвную, Мама убѣдила Папу разрѣшить в. к. Павлу 26) имѣть дѣтей 27) при себѣ, а сама смѣется:

— Я знаю, что Павлик точно баран, а жена его овца, 28) но если их защищает Гнѣвная — пускай она помучается!...

Мама особенно не любит Витте. Он вобще ей непріятен, и, кромѣ того, ему покровительствует Гнѣвная. Она ненавидит его уже давно. И вот почему.

Когда бар. Фредерикс (29) спросил его, как он находит Маму (это было еще до свадьбы), он сказал:

— Въ ней мало мягкости, и характер скрытный... И, кромѣ того, Дармштадт всегда был гнѣздом нищих и шарлатанов!

Слова эти были переданы Папѣ (так думает Мама), и вслѣдствіе этого он был так холоден к ней первое время.

Другое большое оскорбленіе состояло в слѣдующем:

---

26) В. кн. Павел Александрович (1860—1918), младшій сын Александра II, ген. от-кав. Послѣ второго (морганатическаго) брака (27 сентября 1902 г.) был исключен со службы и выслан за границу. Во время русско-германской войны — сначала командир гвард. корпуса, затѣм инспектор войск гвардіи.

27) В. кн. Дмитрій Павлович (род. в 1891 г.) и в. княжна Марія Павловна — младшая (род. в 1890 г.). Послѣ второго брака в. кн. Павла Александровича воспитывалась, по распоряженію Александры Федоровны, у ея сестры, в. кн. Елизаветы Федоровны. Над ними была учреждена опека, при чем главным опекуном был Николай II.

28) Графиня Ольга Валерьяновна Гогенфельзен, рожд. Карнович (род. в 1865 г.); по первому браку Пистолькорс, впослѣдствіи княгиня Палѣй (офиціально получила этот титул 18 августа 1915 г.).

29) Барон Владимір Борисович Фредерикс, с 1913 г. — граф (род. в 1838 г.) ген-ад., ген-от-кав,- министр двора и удѣлов.

Однажды, уже спустя много времени послѣ свадьбы король Эдуард VII (30) (тогда еще принц Уэльскій), дядя Мамы обидѣл Папу. Это было так. Принц Уэльскій долго бесѣдовал с Витте, который знакомил его с А(лександром) III. А(лександром) II и вообще со всей династіей, так что он познакомился со всѣми царями. Во время завтрака принц восхищался фигурой и лицом Ал(ександра) III. Потом взглянул на Папу и сказал:

— Ни одной отцовской черты!... Жалко!

И прибавил:

— Положительно, большое сходство с императором Павлом.

Подобную мысль, по мнѣнію Мамы, могли внушить ему только министры, а главное — Витте, который с самаго начала не взлюбил молодого царя. Гнѣвная тоже говорила, что у Ники очень опасныя черты характера Романовых, от них только мог он унаслѣдовать угрюмый нрав и скрытность. И, зная эти черты, и она сама, и его министры всегда старались выпытать, что он думает. Конечно, лучше всего это дѣлал Витте, так как он очень умен.

13 октября.

Я записываю все это, потому что мнѣ очень часто кажется, что самыя важныя дѣла обдѣлываются здѣсь как бы случайно. И, главное, — все зиждется на том, что каждый устраивается так, как ему больше нравится, и на том, что кто-нибудь ловко надувает. В этом много зла и глупости.

В Ходынкѣ (31) Мама рѣшительно обвиняет Гнѣвную, и в. к. Сергѣя Александровича (32). Она говорит:

---

30) Эдуард VII (1841—1910), англійскій король, сын королев Викторіи, брат матери Александры Федоровны, великой герцогини Гессенской Алисы. Пріѣзжал в Россію в первый год царствованія Николая II.

31) Под этим обозначеніем в русскую исторію вошла катастрофа на Ходынском полѣ во время народнаго гулянья при коронаціонных торжествах в Москвѣ в 1896 г.

32) В. кн. Сергѣй Александрович (род. в 1857 г.), ген.-ад., ген.-

— Это все устроил этот барбос под давленіем Гнѣвной. Тут был умысел на жизнь царя. Хотѣли возстановить против нас московскую чернь.

И, несмотря на то, что всѣ разувѣряют Маму, она настаивает на том, что это так.

— Гнѣвная хотѣла сразу же подорвать престиж царя. И В(итте) также!... Она ни перед чѣм не остановится!

Мама хранит записку Власова (33). Как она ее получила, мнѣ неизвѣстно. Я думаю, ее тихонько подсунула Милица Черногорская (34). В этой запискѣ он пишет кн. Волконскому (35), (это было еще до Ходынки, во время коронаціи):

«Вдовствующая и молодая рвут меня в разныя стороны. Он же (36)—и тут, и там. Но только с канарейкой (37). Сюда он ее привезти не может. Так вот, дадим ему... (38) с золотой рыбкой, а там посмотрим!

Золотой рыбкой тогда называли одну московскую цыганку-гадалку, которая управляла Москвой и безмозглым барбосом Сергѣем.

Мама истолковала эту записку в том смыслѣ, что все

лейт., 4-й сын Александра II, московскій генерал-губернатор и командующій войсками Московскаго военнаго округа. Убит в Москвѣ Каляевым 4 февраля 1905 г.

33) Вѣроятно, Власовскій, Александр Александрович, с 1891 г. по 1896 г. московскій обер-полицмейстер.

34) В. кн. Милица Николаевна (род. в 1866 г.), жена в. кн. Петра Николаевича, дочь черногорскаго короля Николая.

35) Вѣроятно, кн. Михаил Сергѣевич Волконскій, член Госуд. Совѣта, сенатор, обер-шталмейстер, бывш. тов. министра народнаго просвѣщенія; умер в 1909 г.

36) Николай II.

37) Матильда Феликсовна Кшесинская, балерина.

38) В текстѣ — les verges дословно: «дадим ему розог с золотой рыбкой». Возможно, что у автора было: «пруды с золотой рыбкой» и что переводчики, прибѣгнув к словарю, вмѣсто слова «пруд», ошибочно воспользовались словом «прут», отчего и получилась безсмыслица.

уже было подготовлено к тому, чтобы обмануть Папу, и что Ходынка была цѣлой организацiей.

— Я не вѣрю, чтобы это был недосмотр. За такой недосмотр разстрѣливают! Тут нѣчто другое. Нужна была не гора трупов простого народа, а только одна голова!

Этому она вѣрила так же твердо, как и всѣм своим заключенiям.

Когда Муравьев (39) докладывал потом Папѣ о Ходынкѣ, она ему сказала:

— Теперь, царь, ты будешь знать больше, чѣм тебѣ докладывают министры!

26 iюня.

В бумагах Мамы была в то время записка Плеве (40), в которой он писал:

«Если вашему величеству угодно, Вы будете знать, кто главные враги трона и откуда ждать выпадов».

Он имѣл в виду великих князей А. (41) и Михаила (42).

— Ходынка, — говорит Мама, — показала мнѣ, что я должна спасти царскую семью. И что мнѣ не на кого надѣяться.

---

39) Николай Валерьянович Муравьев (1850—1908), министр юстицiи (с 1894 г. по 1905 г.). На Муравьева было возложено разслѣдованiе по дѣлу ходынской катастрофы. Будучи ставленником в. кн. Сергѣя Александровича, он обошел в своем заключенiи вопрос о виновности в ней послѣдняго. Новое разслѣдованiе было поручено б. министру юстицiи, графу Палену, верховному маршалу при коронацiонных торжествах. Пален установил, что в катастрофѣ была виновата, главным образом, московская полицiя.

40) Вячеслав Константинович Плеве, с 1902 г. министр внутренних дѣл и шеф жандармов. Род. в 1842 г., убит Сазоновым 15 iюля 1904 г.

41) В. кн. Александр Михайлович? Но в тѣ годы отношенiе к нему четы Романовых, было весьма благожелательно. О в. кн. Андреѣ Владимiровичѣ, 3-м сынѣ в. кн. Владимiра Александровича, не могло быть и рѣчи.

42) В. кн. Михаил Александрович (1873—1918), ген.-майор, член Госуд.Совѣта,младшiй брат Николая II, считавшiйся послѣ смерти в. кн. Георгiя Александровича (1898) и до рожденiя у Романовых сына (30 iюля 1904 г.) наслѣдником престола.

Гнѣвная сдѣлает все, чтобы убрать Папу с дороги. Прежде всего ея вліяніе на Папу сказалось в том, что он приблизил к себѣ великих князей. А она знала, что они могут явиться серьезной опасностью. Что она знала это дѣйствительно, видно из того, что, пользуясь при жизни А(лександра) III большим вліяніем, она настояла на том, чтобы их держали в страхѣ и на почтительном разстояніи, а тут их спустили с цѣпи. Их много и им много надо, особенно их б.... Чтобы урвать кусок пожирнѣе, всякій гнет по-своему и в свою сторону.

16 октября.

В своей запискѣ Плеве указывает Мамѣ, что Россія находится в опасности, что атаку на самодержавіе ведут не только соціалисты, но главным образом великіе князья.

«Его Величество Александр III», — пишет Плеве,— ... (43) Россію, а великіе князья хотят разорвать ее на куски. Опасность раздѣла идет от них. Они не только рвут ее на куски, но поговаривают и о чем-то худшем, нежели конституція».

19 октября.

Мама увѣряет, что под давленіем и под руководством Николая Николаевича старшаго (44) (?) был разработан план раздѣла Россіи на округа. На четыре части. Кавказ предполагалось отдать Николаю Николаевичу (45), Малороссію — М(ихаилу) А(лександровичу), а Сибирь — одному из Константиновичей (46). Центральную же Рос-

---

43) Неразборчиво.

44) В. кн. Николай Николаевич старшій (1831—1891), генерал-фельдмаршал.

45) В. кн. Николай Николаевич младшій (род. в 1856 г.), ген.-ад., ген.-от-кав., генерал-инспектор кавалеріи. С 20 іюля по 23 августа 1915 г. — верховный главнокомандующій. Затѣм — кавказскій намѣстник, главнокомандующій кавказской арміей и наказный атаман кавказскаго казачьяго войска.

46) Сыновья в. кн. Константина Константиновича и в. кн. Елизаветы Маврикіевны.

сію — Папѣ. И он должен был это провозгласить. Предлагали гогенцоллернскую систему.

Эту записку Мама получила уже давно, повидимому, через Рому (47) .... (пропуск) всегда старались разсорить всѣх великих князей. В этой работѣ принимала участіе Гнѣвная.

8 ноября. 09.

Вчера провела цѣлый день у Мамы, она третій день не выходит из своей комнаты. Она впервые узнала про Агинушку. Придворныя дамы ее не любят: онѣ на одних правах с нянькой; она очень близка к Мамѣ; ее называют «Совой» и «Графиней от корыта».

— Агинушка, — разсказывает Мама, — сказала мнѣ перед отъѣздом в Москву (48): «Я вижу на дорогѣ черный крест».

В ночь перед отъѣздом она дала выпить Папѣ и Мамѣ голубиной воды. Мама вполнѣ убѣждена, что Агинушка может отвратить всякую бѣду, если ее почувствовать за день. Она спасает Маму от болей, от сонливости и от тоски. Голубиную воду она приготовляет сама. Приносит святой воды, (воды) из колодца и прибавляет голубиной крови. Эту воду она дает пить Папѣ и Мамѣ и кропит ею их постель.

6-е

Из чудес Агинушки я отлично помню пророчество в ночь под Рождество Богородицы. В это время салон Бекеркиной (49) был особенно в ходу. Там орудовали молодой фон-Валь (50) и П. Д. (51) («Дурныш», как называл его

---

47) Установить точно, о ком именно идет рѣчь, не удалось. Повидимому, кто-то из родственников Александры Федоровны.

48) На коронаціонныя торжества.

49) Артистка императорских театров, танцовщица, выступавшая в Маріинском театрѣ в Петербургѣ.

50) Василій Викторович фон-Валь, в ту пору — ротмистр ЛГВ коннаго полка.

51) Петр Павлович Дурново, ген-ад., ген.-от-инф., член Госуд. Совѣта; с іюля по ноябрь 1905 г — московскій генерал-губернатор.

Папа.

Там впервые говорили о планѣ раздѣла Россіи на четыре округа. Этот слух очень волновал маму. В это время Гнѣвная вызывала Ламсдорфа (52). Там говорили, что если Папа не будет слушать Витте и не измѣнит своих мыслей относительно политики, то будет война с Японіей. По этому поводу Мама сказала Папѣ:

— Лучше какая угодно война, чѣм революція, или чтобы ты был старшим дворником у великих князей.

Папа согласился с Мамой и сказал, что Плеве, который чрезвычайно предан трону, говорит: «Война даст нам побѣду, и тѣм самым мы раздавим всякую революцію — и снизу и сверху».

13-е.

Мы сидѣли и разговаривали. Вдруг входит Агинушка. Она имѣла свободный доступ к Маленькому (53). Она была очень блѣдна, говорила шопотом и шаталась:

— Я только-что, — сказала она, — только-что видѣла что-то ужасное про тебя и про цариньку (так она зовет Папу).

— А что же? — спросила мама.

Она была очень испугана.

— Гроза, — говорит она, — гроза... Слышите — ломает деревья... вырывает с корнем... Птенцы из гнѣзд падают...

Дѣйствительно, в паркѣ гремѣла гроза, но мы этого раньше не замѣтили. Мы испугались. Она говорит:

— Нева из берегов выйдет... зальет красной волной... Страшно будет!... Шатается, шатается трон...

Мама вся дрожит.

— Как, — говорит, — опять война?

— Нѣт... нѣт... у тебя в домѣ кровь!

---

52) Граф Владимір Николаевич Ламсдорф (1845—1907), министр иностранных дѣл с 1900 г. по 1906 г.

53) Так называли наслѣдника Алексѣя.

Мама в отчаяніи вцѣпилась в меня:

— Что дѣлать?.. Что? Что?

—Бойся, — говорит она, — сѣдого ближняго и чужого гордаго... Сломи их — или они тебя сломят!

Мама полагает, что «сѣдой ближній» — это Н(иколай) Н(иколаевич), а «гордый» — Витте.

18 іюля 09.

Когда вчера (пріѣхал) Витте — мама его не приняла. Я не знаю, кто его больше ненавидит, Папа или Мама: Папа говорит:

— Я не выношу его, потому что он возстанавливает против меня интеллигенцію!

Интеллигенцію же Папа не любит и подавно. Он произносит это слово совсѣм особенно. Когда Папа говорит «интеллигенція», у него бывает такая физіономія, какая бывала у моего мужа, когда он говорил «сифилис».

Он всегда произносил это слово отчетливо, в голосѣ его был страх и какая-то особенная брезгливость.

Почему Папа боится интеллигенціи? Не понимаю этого!

Непостижимо, отчего оба они так не любят Витте. Теперь, когда он не у дѣл, это уж совершенно непонятно.

2 декабря.

Когда, бывало, в 190(?) и 1904 году вокруг меня кричали, я уходила: я была спокойна, потому что знала, что как бы Мама и Витте ни старались отвлечь Папу, война все-таки будет, будет. Иначе ему придется еще хуже. Кстати, я замѣтила, что Папа большой сторонник войны.

Он говорит:

— Война хороша, потому что всѣх увлекает. Во время войны никто не думает о мятежѣ,и она все выясняет. Кромѣ того, она приносит славу и создает имя в династіи...

Мама не может успокоиться, что война проиграна. Она считает, что (в этом) виновны тѣ, кто желал перемѣн:

Гнѣвная, Витте, Муравьев, Коковцев...(55).

Революція должна была совершиться до войны. Потому-то русская армія и не могла побѣдить.

Барон Нольде (56) говорит, что нельзя помышлять о войнѣ, когда царя не любят и не знают и когда царскіе генералы слывут ворами. Папа примирился с неудачной кампаніей легче, потому что эта война научила, как надо бороться с внутренним врагом. Это не так. Папа искренно думает, что это он усмирил революцію. Нѣт, это сдѣлала Мама. Ея оскорбленное чувство. Ея болѣзнь потерять трон. Между прочим, она говорит — напрасно Папа думает, что довольно удалить двух-трех лѣвых министров — и революція будет побѣждена. Мама всегда боится новой вспышки и всегда стоит настражѣ. А Папа всегда все скоро забывает.

Извольскій (57) ведет опредѣленную линію: он хочет проложить через мои уши путь к Маминому письменному столу. О, лисица! Не понимаешь того, что проложить-то его я проложу, но прибавлю кое-что и от себя.

11 мая.

Вчера Папа опять поучал меня, чего ждет от меня Россія. Удивительно, как он совершенно не понимает, что я только человѣк... И еще спрашивал, люблю ли я Россію? Ну, разумѣется! Всякій любит то, что приносит ему пользу, или то, что ему выгодно. Что была бы я без Россіи!

13 мая.

Опять Извольскій! Когда он мнѣ что-нибудь говорит,

---

55) Владимір Николаевич Коковцов (род. в 1853 г.) с 1914 г. граф; статс-секретарь, член Госуд. Совѣта; с 1904 по 1905 и с 1906 по 1914 г. — министр финансов; с 1911 по 1914—предсѣдатель совѣта министров.

56) Вѣроятно, барон Эммануил Юльевич Нольде, управляющій инспект. отдѣлом собственной е. в. канцеляріи, позднѣе — управляющій дѣлами совѣта министров.

57) Александр Петрович Извольскій (1865—1923), гофмейстер; с 1906 г. по 1910 г. — министр иностранных дѣл, впослѣдствіи — русскій посол в Парижѣ (с 1910 г. по 1917 г.).

он думает: «Как бы эта дура (это я) чего не напутала!» И не понимает того, что я на всѣх кобелей плюю — с ног до головы. Всѣ они — глина с кизяком, самая настоящая глина; я видѣла такую, когда ѣздила в Полтавскую губернію, гдѣ бабы обмазывают ею свои хаты. Но он думает, что он благороден, что он мрамор. Так он говорит о себѣ.

9 іюня.

Мама говорит:

— Извольскій — что мѣдная копѣйка: выдохся! Но его надо еще подержать, так как он здѣсь еще нужен: англо-русское соглашеніе (58). Дурак, думает — я ему вѣрю... Эти Дарданеллы (59) — это дѣло наших врагов, Милюковых (60) и других!

17 іюня.

Событія, событія!.. Нѣт проходу от этих дур! Вчера была Извольская (61). Она точно чирій: если придавить — завоняет. Пищала:

— Ах, Аннет, если бы... если бы помочь... если бы...

Я не хочу. Я слушаю их только по необходимости, Слушаю и думаю:

—Ну, выкладывай, дура, с чѣм пришла!

Но она кудахчет, как курица над просом:

— Мамѣ, — говорит она, — неизвѣстно, что народ ея не знает... и не любит... И придворныя дамы тоже ея не любят... Она или горда, или застѣнчива... Это очень плохо; с помощью придворных дам она могла бы сдѣлать много

---

58) Англо-русское соглашеніе по дѣлам Персіи, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г. (опублияовано 13 сентября 1907).

59) Проливы на Черном морѣ.

60) Павел Николаевич Милюков (род. в 1859 г.), историк, член Госуд Думы 3 и 4 созыва от г. Петербурга, основатель и лидер партіи к.-д., редактор газеты «Рѣчь», руководитель того теченія русскаго либерализма, которое в вопросах внѣшней политики оріентировалось на соглашеніе с Англіей (Реакціонеры тяготѣли к монархической Германіи). Сторонник аннексіи Дарданелл.

61) Маргарита Карловна Извольская, рожд. гр. Толль, жена А. П. Извольскаго.

хорошаго, так как погоду дѣлают дамы!

И потом просила устроить молодого Родзянко. Всѣм извѣстно, что он для нея не только кузен, но и еще кое-что.

10 іюля.

Когда я разсказывала Мамѣ о том, как к ней относятся придворныя дамы, она засмѣялась:

— Не любят?.. И народ тоже? Ну, это еще не бѣда! Надо, чтоб боялись. А заставить бояться — это я сумѣю.

Да, это Мама умѣет.

11 апрѣля 8-го.

— Убійство великаго князя Сергѣя Александровича. — разсказывает Мама, — произвело на меня такое впечатлѣніе, что у меня сдѣлался припадок.

Это потому, что она боялась не анархистов, но тѣх, кто их (62) не понимал. Тѣх не укрывают лѣвые министры. Они могут погубить всю династію. Папа тоже не боится анархистов. Не вѣрит в революцію. Он боится только своих. Но несмотря на этот страх, сходится и сближается легко. Легко соглашается. И много обѣщает. Гр. Воронцов-Дашков (63) говорит:

—Молодой царь отталкивает честных дворян не отказами, но обѣщаніями.

Никто не имѣет стольких врагов, как Папа. Как среди тѣх, кому он покровительствует, так и среди тѣх, кто впал в немилость. Вѣроятно потому, что он всегда дѣйствует под давленіем. Его приказанія бывают иногда путанными. Мама отвергает то, что предлагает Гнѣвная, даже если и согласна с ней. Она не допускает, чтобы царь думал, что там ведут правильную линію.

11 марта.

Мама опять больна, и потому мы много бываем вмѣстѣ.

---

62) Царя и царицу.

63) Граф Илларіон Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916), ген.-ад., член Госуд. Совѣта, министр двора в продолженіе царствованія Александра III и в началѣ царствованія Николая II (до 6 мая 1897 г.). С 1905 г.—кавказскій намѣстник.

Она разсказала мнѣ о тѣх двух періодах, относительно которых ходит столько сплетен. Мама не любит вспоминать о них. Мы говорили об Орловѣ (64). При дворѣ по поводу этого много лгали. Мама сказала:

— Я такая же женщина, как и всѣ, начиная с Гнѣвной и кончая Аришей-прачкой (молочная сестра великой княгини Ольги (65), любимица Мамы). Всѣ другія могут любить. Я же не смѣю. Когда я была еще очень юной, я любила Г.. (66). Но мы знали, что это невозможно. Это было очень тяжело и очень оскорбительно.. Папу я вначалѣ только переносила. А потом пришла нѣжность и постоянная боязнь за него. За каждый час... Это слишком утомительно... А он, Орлов, был первым, кто увлек меня. С ним было бы очень легко... Но я никогда не была его любовницей. Потому что я должна была рожать дѣтей и всегда думала, что наслѣдовать царскій трон или взойти на него должен царскій сын. Поэтому я никогда не могла имѣть любовника. Я боялась еще и того, что если бы у меня был ребенок от другого, он был бы сильнѣе, чѣм дѣти царя, и от этого всѣм было бы плохо. Поэтому наша любовь была печальна, как и все.. Я любила бесѣдовать с ним и пѣть ему...

Дѣйствительно, Мама становится очень красива, когда поет.

— Он не любил говорить со мной о политикѣ, потому

---

64) Александр Афиногенович Орлов (1862—1908), ген.-майор свиты е. в., командир ЛГВ Уланскаго ея велич. полка, позднѣе — командир 2-й бригады 2-й кавалерійской дивизіи. Участвовал в подавленіи движенія в Прибалтійском краѣ в 1905 г. «Орлов-Балтійскій».

65) В. кн. Ольга Александровна (род. в 1882 г.), младшая сестра Николая, в 1901 г. выдана за принца Петра Александровича Ольденбургскаго. Впослѣдствіи брак этот был расторгнут, и в 1916 г. Ольга Александровна вышла замуж за адъютанта своего б. мужа, ротмистра ЛГВ Кирасирскаго имени Маріи Федоровны полка, Николая Александровича Куликовскаго.

66) Неразборчиво: «Геню»?— Генрих Прусскій.

что моя судьба казалась ему очень страшной. И он боялся, что Гнѣвная и великіе князья окажутся сильнѣе меня.

Мама разсказывала, что он никогда ни о чем не просил ее.

— Я бы ему не отказала. Он не любил Агинушку ..... (67) удалить эту сову от меня, чтоб он ея не видѣл.

Та не любила его и подавно. Может быть потому, что Мама чувствовала себя с ним хорошо и не слишком в ней нуждалась

— Утрата Орлова была для меня таким тяжким горем, что я боялась потерять разсудок, и только ожиданіе Маленькаго — я опасалась за него — спасло меня... Папа сказал однажды, что он ничего не потерпит, как муж и царь. Но я ему сказала — и он мнѣ повѣрил — что я его никогда не обману. Я могу имѣть дѣтей только от моего мужа и царя...

Это вѣрно. Я знаю, Мама вѣрит в Бога. Если ей кажется ,что это от Бога — она не обманет ни за что. Кстати, это удивительно: когда она говорит, ей нельзя не вѣрить; это не то, что Папа.

5 октября. 10.

Между прочим, я слышала случайно, что Орлов, который никогда не вмѣшивался в политику, склонял Маму к тому, чтобы она держалась лѣваго крыла, потому что придворные обманут. С придворными трудно ладить, так как они сильны. И потому они будут вертѣть и увлекут в болото. Если бы он не ушел так рано, может быть, все было бы по-другому. Мама признает это и говорит, что на то была воля Божья... Чтобы спасти династію, надо было потерять его... Мама вѣрит, что придворные вѣрны трону, так как они поддерживают и защищают его интересы, как помѣщики и дворяне. Но я думаю, что это не так: Милюков и Родичев (68) и даже Витте — такіе же помѣщики и дво-

---

67) Пропуск.

68) Федор Измайлович Родичев (род. в 1856 г.), член Госуд.

ряне.

23 мая.

С ужасом разсказывает Мама о двух страшных ночах: о ночи 9-го января, послѣ Гапона (69), и о ночи подписанія акта 17 октября (70), акта конституціи. Виновниками этих событій считают Витте и Мирскаго (71). По поводу 9 января Мама разсказывает:

— Наканунѣ у Витте была депутація рабочих и предъявила свои условія. И от него зависѣло ликвидировать дѣло с самаго начала. Он этого не сдѣлал, разсчитывая насильно ускорить развязку. И расчет его был вѣрен.

9-е января показало Мамѣ еще кое-что — что ей не на кого надѣяться... что от министров попахивает чесноком.

И самым ужасным было то, что вопрос войны и мирной конференціи был уже рѣшен Папой. И когда, она об этом узнала, было уже поздно. Она убѣдилась теперь во вліяніи министров на Папу. Всѣ они знали, что согласіе у Папы нужно вырвать раньше, чѣм она что-либо провѣдает. И, когда 9 января гроза разразилась, Мама говорила:

— Лѣвые рвут Россію на части, прикрываясь народом.... Но и правые готовы оставить царя; за это они жестоко поплатятся.

Поэтому нужно удержать Папу, а сдѣлать это может только она. И с этого момента она вплотную подошла к дѣлам правленія.

Думы всѣх 4-х созывов, представитель либеральнаго тверского земства, лидер к.-д. партіи.

69) Священник Георгій Гапон (1873—1906), служившій и рабочим и охранному отдѣленію; герой кровавой эпохи 9 января.

70) Акт 17 октября 1905 г. «Об усовершенствованіи государственнаго порядка» — манифест о гражданских свободах, вырванный у правительства послѣ всеобщей забастовки, которой завершилось революціонное движеніе 1905 г.

71) Кн. Петр Дмитріевич Святополк-Мирскій (1857—1914), ген.-ад., министр внутренних дѣл (с августа 1904 г. по январь 1905 г.), с которым связана так называемая эпоха «политической весны», министр «общественнаго довѣрія».

Когда Мама узнала, что акт уже подписан, с ней сдѣлался припадок. Она стала просить Папу измѣнить свое рѣшеніе, но Папа отвѣтил:

— Я — царь...

И Мама возразила ему:

— Царю все можно!

В этом участвовала Гнѣвная — сам он на это не рѣшился бы. Он боялся за свою жизнь и за трон.

— Всю ночь, — разсказывает Мама, — великіе князья убѣждали Папу. Но было уже поздно.

Тогда Мама рѣшила отомстить странѣ за то, что она силой вырвала у него конституцію.

— Я заставлю ее проклясть этот день... и смыть это пятно кровью!

Мама сама повела контр-атаку против либералов.

В это время она получила письмо от императора Вильгельма, в котором он писал, что для нея явилась теперь возможность показать себя царицей, и совѣтовал принять мѣры предосторожности: ни лѣвое, ни правое крыло — только центр, благоразумный центр может помочь ей. Особенно же совѣтовал не вѣрить правым.

Мама считала, что он не прав: он не знал Россіи. Держать ее можно только кулаком.

Другой непріятной вещью, о которой Мама не любила говорить, было ожиданіе наслѣдника и вся грязь вокруг этого.

— Ты знаешь, как мы оба любим дѣтей... (72). Я должна признаться, что рожденье первой дѣвочки нас ра-

---

72) Александра Федоровна вообще была чадолюбива. Так, в 1916 г., 5 іюня, будучи уже матерью пятерых дѣтей, она пишет Николаю: «Как-то грустно даже — у нас нѣт больше маленьких!» И далѣе, 25 сентября 1916 г. по поводу жены генерала Шевича: «Старая, жирная, почти без зубов, а она моя ровесница! У нея был ребенок три года тому назад, счастливая женщина!» («Переписка Романовых». Т. IV. Госуд. Изд. 1926). Возможно, что в Александрѣ Федоровнѣ говорило и желаніе обезпечить себѣ и Николаю мужское потомство.

зочаровало, рожденье второй — огорчило, а слѣдующих наших дѣвочек мы встрѣчали с раздраженіем, — бѣдныя малютки! И все это происходило потому, что рядом шипѣла Гнѣвная. В ея унылом гнѣздѣ уже называли наслѣдника, в особенности — послѣ смерти С. А. (73).

Мама помнила два случая, когда Витте и Воронцов-Дашков и, особенно, в. к. Николай Николаевич намекали относительно возможнаго наслѣдника. Это было в 1900 г. Во время выставки Витте уѣхал в Париж, он был также и в Копенгагенѣ, у короля Христіана (74), гдѣ в это время находилась Гнѣвная. Говорили о в. к. Михаилѣ Александровичѣ, как о возможном наслѣдникѣ. Витте указывал, что Михаил Александрович болѣе подходит для трона, так как от отца он унаслѣдовал необходимыя для управленія государством идеи, а от матери — ум и дипломатическія способности (75). Эти толки дошли до арміи.

Другой случай произошел во время болѣзни Папы (76), еще до рожденія Маленькаго. Опять всплыл Михаил Александрович. Куропаткин (77) разсказал все это Мамѣ.

---

73) Очевидно, читать слѣдует: Г. А. — в. к. Георгій Александрович (1871—1898) наслѣдник престола.

74) Христіан VII (1818—1906), датскій король, отец Маріи Федоровны.

75) Витте разсказывает об этом эпизодѣ нѣсколько иначе. Во время его бесѣды с королем Христіаном, на вопрос послѣдняго, что представляет собою в. кн. Михаил Александрович, он отвѣтил: «Чтоб опредѣлить личность Михаила Александровича, я сказал бы: император Николай есть сын своей матери и по своему характеру и по натурѣ, а в. кн. Михаил Александрович есть больше сын своего отца». (Воспоминанія». Т. I.).

76) Осенью 1900 г. Николай болѣл в Ялтѣ брюшным тифом.

77) Алексѣй Николаевич Куропаткин (1848—1925), ген.-ад. В 1904 г., будучи военным министром, был назначен командующим Манчжурской арміей, а затѣм — главнокомандующим всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствовавшими против Японіи. В русско-германскую войну — главнокомандующій арміями Сѣвернаго фронта. С 22 іюля 1916 г. — туркестанскій генераг-губернатор и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа.

Эти слухи убивали ее окончательно.

В это время, по совѣту в. кн. Милицы, были привезены из Кіева четыре слѣпыя монахини. Онѣ привезли с собой четыре свѣчи и четыре бутылки с Вифлеемской водой. Онѣ зажгли свѣчи, окропили водой царское ложе и предсказали рожденье наслѣдника послѣ того, как солнце обернется четыре раза. Когда же послѣ этого родилась в. кн. Анастасія (78), их отослали обратно в Кіев. Так предсказали онѣ рожденіе наслѣдника. Мама была в полном отчаяніи. Она опять видѣла черный крест перед собой. Она впала в тоску и ничего уже нѐ замѣчала. Как-то одна из дѣвушек, А—ва, застигла их ночью с Папой в молельной. Об этом узнали, и послѣ этого дѣвушка заболѣла и была сослана в дальній монастырь. Тогда черногорская княгиня привлекла ко двору, через Прот...... (79) Митю (80). Этот юродивый говорил только то, что ему открывалось свыше. Первые дни он пугал Маму тѣм, что предсказывал всякіе ужасы. Мама просила его помолиться о рожденіи наслѣдника. Он помолился, потом причастил всѣх. Причастіе он давал изо рта. Тут случилась большая непріятность. Когда он давал из своего рта причастіе в. княжнѣ, ее стало тошнить, и она его выплюнула, сказав, что оно дурно пахнет. Она вообще очень капризна. Ее увели. Но Мама боялась Божьяго гнѣва. Послѣ этого у великой княжны появилась сыпь. Заговорили о зараженіи. Митя был удален.

Затѣм появился француз Филипп (81). О нем ходило много сплетен. Но он излечил Маму от припадков, успо-

---

78) Младшая дочь Романовых (1901—1918).

79) Неразборчиво.

80) Юродивый Митя Козельскій — Дмитрій Попов, мѣщанин г. Козельска Калужской губ.

81) Француз из Ліона. Врачевал различными «чудодѣйственными» средствами. Знавшіе его люди говорили, что он человѣк неглупый, имѣет какую-то «мистическую силу над слабонервными и нервными больными». С Филиппом познакомилась за границей

коил нервы; она стала лучше спать и окрѣпла. Столик Мудро (столик для спиритических сеансов) предсказал, что у нея будет сын, и так как она чувствовала себя лучше, то подумала, что это беременность. Врач подтвердил это. Потом, когда доктор уѣхал, Мама опять стала горевать: было опредѣлено, что это опухоль. Профессор отмѣнил лекарство Филиппа, так как оно дѣйствовало плохо. Всѣ издѣвались над ними, и Мама это знала.

— Послѣ этого, — разсказывала Мама, — я видѣла страшный сон, и я уже знала, что у меня родится сын. Это было в ночь под мои именины. Я спала. Вдруг над моим изголовьем я вижу точно отверстіе в потолкѣ, и оттуда—легкій вѣтерок, пріятный такой. Я вдыхаю его с радостью. Внезапно оттуда спускается как бы бѣлая косынка, или крылья, и около меня, перед моей кроватью — какой то человѣк: босой, в бѣлой рубашкѣ, подпоясанный веревкой; он спокойно осѣняет меня крестным знаменіем и что-то шепчет. Я хочу разбудить Папу, но он все шепчет, хочу что-то спросить, но он тихо удаляется. Говорю: «Кто ты, скажи!», а сама не могу отвести от него глаз. «Алексѣй — человѣк Божій!», — шепчет он и исчезает... Я стала тихо плакать. Когда Папа проснулся, я сказала ему, что у нас будет сын Алексѣй. И с того момента я ждала и надѣялась.

В это время Плеве, знавшій, о чем молились царь и царица, убѣдил их помолиться у монахов святого Серафима Саровскаго (82), молитвенника за царскую семью. Всѣ

одна из черногорок. Через нее он проник к великим князьям Николаю и Петру Николаевичам, а затѣм — к Николаю I. и Александрѣ Федоровнѣ. Филипп мѣсяцами проживал секретно в лѣтних царских резиденціях, занимаясь «бесѣдами» и мистическими сеансами. В награду за его успѣшное леченіе Николай пожелал удостоить его степени доктора медицины. Военно-Медицинская академія, не желавшая этого, обратилась за справками на родину Филиппа: было установлено, что Филипп нигдѣ законченнаго образованія не получил и что карьеру свою начал в качествѣ подмастерья у мясника.

82) В роду Романовых существовало преданіе о предсказаніи

Романовы признавали это. Папа и Мама отправились туда.

— Одно меня удивило при посѣщеніи мощей, — разсказывает Мама. — Я ожидала увидѣть спокойный и свѣтлый лик, но увидала что-то темное... страшное... Священники объяснили нам, что, вѣроятно, среди молящихся присутствуют бунтари и богохульники. И послѣ стало извѣстно, что, дѣйствительно, в одном ресторанѣ пили и кутили молодые люди, и князь Хилков, ...:.:.(83) и в: к: Константин Константинович (84) изображали святого в непристойном видѣ. Были произведены аресты. Кн. Хилков был через двѣ недѣли переведен в один из сибирских полков.

— Послѣ, — говорит Мама, — мы омылись у мощей святой водой и стали ждать рожденія наслѣдника.

9 іюня.

Надо сказать — Мама большаго ожидала от Саровских реликвій.

— На меня все производит исключительное впечатлѣніе.. И я слишком готовилась... А для Папы Серафим — наш всегдашній святой. Для него он связан с рожденіем Маленькаго.

Маму очень поразила Паша-молельщица (85), или, как ее еще называют, матушка-Прасковья.

Мама говорит — она несомнѣнно святая. У нея вид

отшельника Серафима, основателя Саровской пустыни (в Тамбовской губ.), которое касалось ряда будущих царствованій. Часть предсказанія, относившаяся к Николаю II, гласила, будто бы, слѣдующее: «В началѣ царствованія сего монарха будут несчастія и бѣды народныя. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правленія будет свѣтлая и жизнь государя — долговременная». («Послѣдній самодержец», матеріалы для характеристики Николая II, «Голос Минувшаго», апрѣль 1917).

83) Неразборчиво.

84) В. кн. Константин Константинович (1858—1915), ген.-ад., ген.-от-инф., генерал-инспектор военн. учебн. заведеній, почетный президент Академіи Наук, поэт «К. Р.».

85) Паша Дивѣевская, юродивая, проживавшая в Дивѣевской женской обители близ Саровскаго монастыря.

ребенка. Ясное и доброе лицо, с дѣтскими или ангельскими глазами.

Она благословила Папу, дала поцѣловать руку, сказала:

— Будет маленькій!

С Мамой же случилась странная вещь. Мама не любит вспоминать об этом. Паша не захотѣла ее благословить. Хотѣла оттолкнуть руками.

Мама ушла грустная и обиженная. Потом объяснилось, что она боится чернаго. А на Мамѣ было что-то черное.

Когда Мама пришла послѣ обѣдни, на ней была пестрая шаль. И Паша погладила ее по лицу, дала руку и сказала, показывая красную куклу (она играет в куклы) и красную ленту:

— Много будет, много!

И все время размахивала красной лентой.

Мамѣ объяснили потом, что она сказала, — с маленьким придет много крови.

Это значит, что великіе князья намѣчают вмѣстѣ с Витте наслѣдника. Они хотят дворцоваго переворота.

7 сентября.

Боже мой, Боже мой! Как гадка жизнь! Рома разсказывает:

— Вчера в одном из салонов (вѣроятно, Лили) был Папа.... веселый... И, когда Лили вышла, он укусил ее. Показалась кровь. Тогда в. к. Николай Николаевич сказал:

— Попроси царя, чтобы он записал тебя в святые мученики. Он это может.

И потом устроили пакостную церемонію постриженія. Папа уже уѣхал.

Гадости, мерзости! Если бы Мама это знала!

11 ноября 01.

Мнѣ от него не надо ласк, это мнѣ отвратительно, а мнѣ говорят:

— Папа приходит к тебѣ не просто так.

Послѣ его ласк я два дня не могу двинуться. Никто не знал, какія онѣ дикія и зловонныя. Я думаю, если бы он был просто.... ни одна женщина не отдалась бы ему по любви. Такіе как он, кидаются на женщину только пьяными. Он в это время бывает отвратителен. Он сам говорил мнѣ:

— Когда я не пьян, я не могу... Особенно с Мамой.

В нем много тоски. Когда он печален, глаза у него жалостные, он точно мученик. Тогда я смотрю на него и говорю:

— Уходи... уходи... уходи! Ты не сумѣешь довести дѣла до конца!... Уходи... уходи... уходи!

Говорю это — и знаю, что ему некуда уйти: живого царя не отпустят.

Он это понимает.

Когда он бывает у меня, говорит:

— Одну я любил... Одну ласкал по-настоящему — мою канарейку (так называет он Кшесинскую), а другія — что? Другія всѣ одинаковы... Брыкаются, как суки.

Он говорит:

— К тебѣ хожу, потому что с тобой могу говорить, как со стѣной!

Много гадкаго и много страшнаго разсказывает Папа. Я знаю — говорят, что он очень жесток, но он не жесток, он скорѣе сумасшедшій, и то не всегда—временами. Он может, напримѣр, искренно огорчиться, поблѣднѣть, если в его присутствіи пихнуть ногой котенка (что любит продѣлывать Рома), это его взволнует. И тут же может спокойно сказать (если заговорят о лицах, которыя ему непріятны):

— Этих надо разстрѣлять!

И, когда говорит «разстрѣлять!» — кажется, что убивает словами. И когда слышит о горѣ впавших в немилость, он счастлив и весел. Он говорит с огорченіем:

— Отчего я этого не вижу!?

В нем много непонятной жестокости. Точно хищный звѣрь. Он и с женщиной обращается, как дикій звѣрь.

17 с.

Между прочим, я присутствовала однажды при случкѣ кабана с молодой свиньей. Это было на фабрикѣ Ко-ва. Мы спрятались с Шуркой и смотрѣли. И когда кабан вскочил на нее и стал ее мять, и когда она была вся в крови, металась и стонала, он пыхтѣл... пѣна... дрожал...

Я разсказала ему об этом. Он очень смѣялся. Так смѣялся, что слезы выступили на глазах. Это значило — он очень доволен.

23 октября.

Я говорю, что Папа может убить словом. Этот случай не дает мнѣ покою. Он думал, я этого не знаю, но я видѣла как он может быть жесток. Как он расправляется с тѣми, кто перед ним провинится. И если он это надумает — это не шутка. Уже при одной мысли об этом я сжимаюсь в комок. Это страшно. Жутко. Зачѣм пришлось мнѣ это узнать!.. И он хитрый. Злой и хитрый.

Вот что было.

У няни Агинушки есть внук (крестник). Всѣ его знают как Петрушу. Он работает в гаражѣ. Извѣстный гимнаст. Дѣти его любят. Великій князь Дмитрій (86) и Владя (87) также.

Однажды, когда мы сидѣли за маленьким столиком,

---

86) В. кн. Дмитрій Павлович, флиг.-ад., ротмистр лейб-гвардіи Коннаго полка, сын Павла Александровича и в. кн. Александры Георгіевны, умершей в 1891 г. послѣ рожденія Дмитрія Павловича.

87) Кн. Владимір Николаевич Орлов, (род. в 1868 г.), ген.-майор свиты е. в., завѣдующій походной канцеляріей Николая. Дружба государя с Орловым началась в 1905 г., послѣ одной знаменательной бесѣды, когда Орлов развил Николаю свои соображенія относительно таинственных пружин революціи, заключавшихся в масонствѣ. Под масонством кн. Орлов представлял себѣ «нѣчто скрытое, мрачно-загадочное, подпольное, соединенное с черными мессами и потаенными убійствами. И этот всемірный союз еврейства правил міровой интригой против самодержавія русскаго царя».

Мудро показывал что-то ужасное. Между прочим, в отношеніи мамы и Орлова. Их имена все время переплетались и руки тоже. И Мама была очень испугана. Особенно, когда увидѣла тѣнь мертваго Орлова. И Папа оскорбился и ушел. Приревновал к тѣни. При этом верченіи Мудро, кромѣ меня и Роббки (88), не было никого. Агинушка слышала об этом и передала Петрушѣ. Папа отнесся к этому серьезно. Ночью он был у меня. Он впал в тоску. Утром убил Виру (маленькую собачку Мамы). Часто ходил к Гнѣвной.

О чем там говорили, не знаю.

Мама мнѣ потом разсказывала, он ночью так сжал..... что пришлось положить компресс. Мама оставалась на другой день в своей комнатѣ. Маленькаго к ней не приносили. Папа был оскорблен, что руки их переплетались во время предсказанья.

20 ноября.

Пріѣхала новая гадалка Гриппа (89). Ей 30 лѣт. Она очень хороша, очень ловка. Обжигает, как печь. Папа говорит про нее:

— В одну ночь она может принять три поколѣнія царской семьи, а потом пить свой шоколад в кровати.

К ней льнут всѣ кобели. Всѣ ея боятся, особенно ея предсказаній. У нея странная манера гадать. Она берет своей... (90) На груди у нея длинная черная блестящая лента. Один конец она дает тому, кому гадает. Велит держать правой рукой. Другой конец прикрѣплен у нея на груди (черным скарабеем-жемчужиной). Закрывает глаза, и тот, кому она гадает, тоже. И потом потихоньку начинает говорить тихим голосом. Но так вѣрно, что кажется — это не она говорит, но ты говоришь сама.

Когда она мнѣ гадала, у меня было такое чувство,

---

88) «Ромочка»?
89) Агриппина.
90) Недописано.

словно боюсь заговорить сама. Мнѣ казалось, я слышу собственный голос. В этом было что-то пріятное. Испытываешь трепет, закрываешь глаза и впадаешь в дремоту. Чрезвычайно сладостное ощущеніе. Она говорит невѣроятныя вещи. Никого не боится и этим берет. Мнѣ кажется, она смѣется над Папой.

Но Маму она боится.

Папа говорит:

— Никакая опытная женщина (91), никакое желаніе не дают такого трепета, как ея шопот...

Она гадает с глазу на глаз. Она сказала мнѣ раз по поводу Мамы:

— Аннет, ты не боишься, что она тебя задушит?

Я сказала, что не думаю об этом.

— Так подумай!... И помни, если Маму не задушат, она задушит своими тонкими пальцами и Папу и тебя... Папу за то, что он может помѣшать, тебя — за то, что ты будешь знать... Она такая злая!.. И, если ее не уберут, она сойдет с ума!. У Мамы будет горе... А тебѣ надо остерегаться!

Странно, я вѣрю Гриппѣ, я знаю, что она видит далеко, но я не думала об этом. Это так страшно!

23 сентября.

Я видѣла такую жестокость по отношенію к Петрушѣ, что просто не могу писать: мнѣ страшно! Но скрываться перед собой я тоже не могу... Это было так ужасно, так страшно!

Когда Агинушка разсказала ему про маленькій столик, его постигло несчастіе. А случилось это потому, что он был очень красивый мальчик; ему не было и 18-ти лѣт.

Великій князь Дмитрій и Владя очень любили играть с ним в кегли. Великій князь Владимір (92) говорит, что

91) В текстѣ буквально — «не невинная».

92) В. кн. Владимір Александрович (1854—1909), ген.ад., ген-от-инф., командующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. 3-й сын Александра II.

он красив, как грек, и хитер как еврейскій бог. Но в. к. Марія (93) часто звала его к себѣ чинить машину, и вот несчастный мальчик разсказал ей, что говорил маленькій столик, и как руки Орлова и Мамы переплетались, — разсказал все.

Как и от кого провѣдал об этом Папа, положительно не знаю. Думаю — от Ромы, вѣдь он продал и глаза и уши, все. Папа повел розыск через Игната (94). Он пришел ко мнѣ вечером в таком раздраженіи, что мнѣ впервые стало страшно царскаго гнѣва.

— Гаденыша!.. Гаденыша! — кричал он.

Я тотчас же поняла, о ком он говорит.

Того, что царских б.... (это было его любимое слово) тѣшит!

Я поняла. Я знала, что так он называл Петрушу. Войдя, мальчик бросился перед ним на колѣни и поблѣднѣл.

Он уже был полумертв.

Папа спросил:

— Был ты у б....?

— Был...

— И разсказал?...

— Да...

— Все, что слышал от Совы (так называют Агинушку)?

И тут царь ударил его по лицу каким-то очень острым желѣзным предметом... Кровь — и половина подбородка у него отвисла... И опять кровь...

Никакого отвѣта... Удары... кровь...

Я бросилась к дверям.

— Стой! Смотри и помни!

Я не шевелилась больше.

Потом пришел Игнат и унес его в мѣшкѣ.

---

93) В. кн. Марія Павловна (1854—1923), дочь великаго герцога Мекленбург-Шверинскаго Фридриха-Франца II, жена в. кн. Владиміра Александровича. С 1909 г. президент Академіи Художеств.

94) Довѣренный служащій, употреблялся для конфиденціальных порученій.

13 декабря.

Гриппа исчезла.

18 декабря.

О Гриппѣ не говорят. В послѣдніе дни Папа видѣлся с ней очень часто. Но она над ним издѣвалась. Вѣроятно, побѣдила его.

Я знаю об этом от Мамы. Папа разсказал ей, что она называла его «прислужником цариц» и еще «футляром для приказов».

Зачѣм он разсказал это Мамѣ?

Ничего не понимаю. Мама тоже на нее разсержена.

— Ники, — говорит она, — бросает мой хлѣб этой собакѣ.. Пускай! Я не ревнива! Ему нужны всякія гадости... Иначе он меня погубит...

Так, Мама говорит, что послѣ Папы у нея вся спина в синяках и кровь. Это я знаю и по себѣ.

За нѣсколько дней до исчезновенія Гриппы Мама сказала Папѣ:

— Нехорошо, что Гриппа хочет завладѣть царской короной для своей....

Папа очень смѣялся, смѣялся до слез, потом сказал:

— Я подрѣжу ей язычек, даром, что он и острѣе и сладостраснѣе, нежели у всѣх великокняжеских б...., собирающихся у Бакеркиной.

Ну, она и исчезла...

18 мая.

У Бакеркиной были всѣ, и Николай Николаевич сказал, что Папа заблуждается, думая, что Витте удовольствуется титулом «сіятельства». Нѣт, ему захочется сдѣлаться «величеством» с лѣвой руки. И это так и будет, потому что русская корона опирается одним концом на....(95) Романовых, а другим — на безмозглую Гессенскую муху.

---

95) Многоточіе в текстѣ.

7 іюня.

Я выслушивала все, что Мама говорила об Орловѣ. Любила? Что ж, конечно, она его любила. Но зачѣм она разсказывала об этом мнѣ? Странно.

9-го.

Я понимаю — когда Мама говорит о Соловушкѣ (так она называла Орлова), она хочет показать мнѣ, что он любил только ее. Или, может быть, она думает, что его любовь ко мнѣ была таким пустяком, о котором не стоит и говорить. Странно.

Но о Соловушкѣ мнѣ хотѣлось бы разсказать все. Я не думаю, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь, прочел то, что я написала. А если даже и прочтет, то это будет уже послѣ моей смерти и, вѣроятно, послѣ смерти тѣх, о ком я пишу.

Если бы у меня была дочь, я дала бы ей прочесть мои тетради, чтобы спасти ее от возможности или от стремленія сблизиться с царями. Это такая грусть! Точно тебя погребают заживо. Всѣ желанія, всѣ чувства, всѣ радости — все это принадлежит уже не тебѣ, но им. И ты сама уже не принадлежишь себѣ. Из всѣх подданных, я (свободная и любимая Мамой) болѣе, чѣм кто-либо другой, лишена досуга (или свободы). Мама грустит — я должна быть с нею, Мама весела — конечно, мнѣ приходится оставаться с нею, больна — она меня зовет; чувствует себя хорошо — не отпускает меня от себя.

Я не имѣю и не должна имѣть привязанностей.

Я выслушиваю все, но сама не смѣю говорить. Кому и что скажешь?

Вот только записывать — это мой отдых. Это удается рѣдко.

В субботу я вернулась раньше, напилась своего любимаго чаю с медом и начала писать... За мной пришли. Мама была больна, посылали за доктором. Она должна была лечь... И смѣшно и грустно! Право же, это обидно: взять здороваго, нормальнаго человѣка и сдѣлать из него игрушку!

23-го.

Я все собираюсь писать о Соловушкѣ и все отрываюсь... Ура! Я свободна до субботы. Почти два дня!... Ура!..

О, мой Соловушка! И ты, ты обманул меня!.. По доброй ли волѣ, или тебя принудили?

Когда мы встрѣтились, мнѣ было 16 лѣт. Другія в эти годы только издали, по наслышкѣ, знают о том, что называется любовью, настоящей любовью, не той, о которой читаешь в книжках. Сестра и тетка (96) могут подтвердить тебѣ, что я ни о ком не хотѣла ни знать, ни слышать. Я была так счастлива... Но он меня не замѣчал... Потом он женился, пріобрѣтая связи и....(97). Графиня Стенбок-Фермор, его жена (98), дала ему все. Забавно: все это могла бы дать ему женитьба на мнѣ. Но этого не случилось.

Я встрѣтила его уже молодой дѣвушкой на придворном балу. Он был вдовцом, я — взрослой дѣвушкой. Какое счастье охватило нас! Дѣтская любовь превратилась в настоящую... Но не прошли еще и первые дни счастья, как на горе его увидѣла Мама... и полюбила. (Она говорит, что это ея первая такая сильная любовь).

Любил ли он ее — не знаю, но кто может уйти от любви царицы? Он говорил, что страдал от нашего разрыва. И это правда... Он обидѣл меня еще и тѣм, что говорил, что я нравлюсь царю... Какая гадость! Этим он хотѣл меня утѣшить или оправдать себя.

Мама нуждалась в близком человѣкѣ, который мог бы покрывать ее, нужна была ширма. И этой ширмой она сдѣлала меня. По своей любви ко мнѣ. Она говорила, что видѣла меня во снѣ, и что во снѣ я ее спасла. За это она

---

96) Тетка Вырубовой по отцу, Надежда Сергѣевна Эйхлер, жена обер-гофмейстера, или же по матери — Екатерина Илларіоновна Толстая.

97) Неразборчиво.

98) Евдокія Владиміровна Орлова, рожд. графиня Стенбок-Фермор (1872—1895).

вознаградила меня по-царски: не во снѣ, но наяву ,совсѣм просто, она отняла у меня моего дорогого.

И вот, когда Соловушка был с Мамой, она предложила мнѣ выйти замуж за Вырубова (99). Он служил в походной канцеляріи. Это давало мнѣ возможность всегда быть с ними. Мой муж не слишком мнѣ нравился, да и никто не мог мнѣ нравиться, так как я любила другого... А этот другой... на моих глазах он ласкал... любил...

Мама была виновницей моего замужества. Мама дала мнѣ понять, что это было неизбѣжно. Тут умѣют сказать: «Проглоти этот кусок, или ты им подавишься!»... Да, так и случилось...

Теперь я была замужней женщиной, и дом мой мог служить мѣстом для свиданій. Мама любила меня, так что никто не удивлялся этому проявленію ея привязанности. Мы были женаты уже год. Это было в Петергофѣ. Муж, помня мою молодость, ревновал к прошлому. Это бывало из-за Соловушки, который..... (100). Это была ложь. Соловушка оставался вѣрен Мамѣ. В этом отношеніи он ея очень боялся и говорил, что в любви она может быть страшнѣе, чѣм в гнѣвѣ.

Было 11 часов вечера. Мамина карета только-что отъѣхала. Соловушка обыкновенно уходил через балкон минут десять спустя и шел по направленію к гим... (101).

В этот вечер Мама была особенно жестока: я должна была охранять любовь того, кто меня когда-то любил.... Я отпустила Зину (102) и Берчика (103) и сидѣла одна. Вдруг — звонок. Я узнала звонок мужа. Я крикнула Соловушкѣ, он мог еще выпрыгнуть в окно. На столѣ оста-

---

99) Александр Васильевич Вырубов (род. в 1880 г.), старшій лейтенант, дѣлопроизводитель морской походной канцеляріи.

100) Недописано.

101) «К гимназіи»2 «К гимнасткѣ»?

102) Горничная Вырубовой.

103) Лакей Вырубовой, прослужившій в семьѣ Танѣевых больше 45 лѣт.

лись его перчатка и хлыст. Муж вошел и нервно и быстро прошел к себѣ. Потом вернулся. Увидѣл перчатку и хлыст. И вскипѣл:

— Чья это перчатка? Чей хлыстъ?

Я молчала.

—Здѣсь был Орлов?

— Да, был.

— Б.....! — крикнул он и дал мнѣ пощечину.

Я хотѣла что-то сказать, но он так толкнул меня, что я ударилась о выступ печки. На мой крик прибѣжала Зина.

Что могла я сказать моему мужу? Могла ли выдать ту, для которой он приходил? Могла ли простить пощечину, которой не заслужила? Могла ли я жить с человѣком, котораго не любила и который меня оскорбил?

В эту ночь я уѣхала к отцу. С замужеством моим было покончено.

Мой Соловушка! Твоя любовь не дала мнѣ ничего, кромѣ оскорбленій.

Послѣ всего этого я никого и никогда не полюблю... Мама этому не вѣрит. Но я знаю, что это так.

26 декабря—8.

Сплетни! О, какія сплетни!

Соловушка отличился на усмиреніи в Эстляндіи, и Папа благоволил к нему. Нас обливали помоями... Папа в них захлебывался. Нервничал. Отправка Соловушки в Египет была рѣшеніем Папы.

Забавно. В ту же ночь, когда муж дал мнѣ пощечину, двумя часами позже разыгралась еще одна печальная комедія. Это было уже во дворцѣ. Послѣ скандала со мной мой муж (бѣдный, он тоже был жертвой царей!) пошел в офицерское собраніе. Там собираются всѣ великіе князья и всѣ сіятельныя б.... Что он там говорил, не знаю. Там был Ромочка, и через час Папа знал уже все, что у нас произошло (имен не называли, но он узнал). Он пришел к Мамѣ. Что сказал он Мамѣ, не знаю, но он отшвырнул ее.

И объявил ей, что Соловушка будет через три дня выслан.

Было так: Вырубов лечился за границей (104), а Соловушка — в Египтѣ. Они выѣхали почти в один день. Папа еще раз показал свою дурость: он хотѣл избѣжать скандала и еще больше раздул его. Такова его манера играть с огнем и подливать в него масла.

9 августа.

Припадок у Мамы продолжался 6 минут. Но самое ужасное, что в бреду она называла его имя. Папа смотрѣл на нее с ужасом. Вечером он спросил меня:

— Если Мама умрет, будет ли Маленькому хуже?

И затѣм:

— Если что-нибудь случится, я буду тому причиной. Я оскорбил ее. Царицу нельзя так оскорблять...

И прибавил:

—Но я люблю ее и боюсь ее потерять. С ней я потеряю много.

11-го.

Мамѣ лучше.

Может быть, это было в первый раз, что она скрыла от меня такое большое горе и еще большее оскорбленіе. Я узнала, что в ту ночь, когда у меня произошел разрыв с мужем, во дворцѣ был какой-то скандал.. Я узнала это не от Мамы.

Вот как она об этом разсказывает:

— Ники вернулся разсерженным, как никогда. Сжал мнѣ руку до боли и выругался скверно, по-русски... И, когда я встала, чтобы уйти, он толкнул меня, я упала в кресло. Тут он что-то крикнул. Потом я поняла: «...с сыном в монастырь!»... Это было ужасно, этого я никогда не забуду и не прощу!.. Потом он спросил меня, пойду ли я опять к нему. Я сказала, что пойду. Тогда он сказал: «Что же, пойдешь на кладбище?»

Послѣ этих слов Мама заболѣла, она хворала нѣсколь-

---

104) В Швейцаріи.

ко дней. Припадки стали сильнѣе. Ее терзал вопрос, как умер Соловушка.

3 мая.

Смерть Соловушки поразила нас обѣих. Но мое положеніе было лучше: я могла открыто оплакивать его. Он был жертвой... А Мама?

Только у меня могла она его оплакивать, ужасая меня своими воспоминаніями. Мама была на его похоронах. Это был первый случай. Из-за этого было много толков. Мы ходили на кладбище (105) вмѣстѣ и носили цвѣты.

4 іюня.

Отец спросил меня вчера, вѣрю-ли я в то, что Соловушка умер естественной смертью. Как из мѣшка посыпались насмѣшки, грязные намеки, недосказы. Каждый поцѣлуй Мамы, каждое слово — все было смѣшано с грязью, все расцѣнено. Сколько платила ему Мама за его ласки... Как печально! Какая гадость, какая грязь!

Я говорю, неужели же нельзя любить прекрасную молодую женщину только потому, что она царица? Отец говорит — нельзя. Но почему же, почему?

6 іюня.

Кто отец Маленькаго?

Этот вопрос носится в воздухѣ. Об этом говорят у Гнѣвной, в салонѣ Бакеркиной, в полку (106), на кухнѣ и в гостиной царя. Как гадко! Как скверно! Маленькій — сын Папы, это ясно. Если сплетни будут продолжаться, в. к. Петр Николаевич (107) и в. кн. Милица Николаевна будут высланы первыми.

(Русскій текст).

7 августа — 10.

Одного понять не могу — как это случилось, что ве-

---

105) А. А. Орлов похоронен на Казанском кладбищѣ в Царском Селѣ.

106) Вѣроятно, Уланскій ея вел. полк, которым в свое время командовал А. А. Орлов.

107) В. кн. Петр Николаевич (род. в 1864 г.), ген.-ад., ген.-лейт.

ликія княгини Анастасія (108) и Милица от старца (109) отвернулись? Кто его привел? Кто ему открыл двери дворцов? Кто привел его к Папѣ и Мамѣ? Николай Николаевич (110).

Еще недавно, когда Анастасія Николаевна не была великой княгиней, Мама ее очень любила.

— Она, — говорила Мама о ней, — женщина большого ума и свѣтлых глаз. Она видит лучше и дальше многих. Государственный дѣятель! Я очень любила ее слушать. Мнѣ с ней легко. Но довѣряться ей нельзя. Она может быть искренна только с тѣми, от кого взять нечего. А чуть почувствует, что есть чѣм поживиться — пошла хитрить, лукавить.

Потом, когда Анастасія Николаевна стала великой княгиней, Мама много смѣялась, когда вспомнила одну

по гвардейской кавалеріи.

108) В. кн. Анастасія Николаевна (род .в 1867 г., дочь черногорскаго короля Николая и сестра в. кн. Милицы Николаевны. Была замужем за герцогом Юріем Лейхтенбергским. С 1906 г. — замужем за в. кн. Николаем Николаевичем.

109) Григорій Ефимович Распутин (Новых), крестьянин с. Покровскаго, Тюменьскаго уѣзда, Тобольской губ. Родился в 1871 г., убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Тяготѣл к хлыстовщинѣ, понимая основы этого ученія своеобразно, примѣнительно к своим порочным наклонностям. Считал, что «человѣк, впитывая в себя грязь и порок, внѣдряет тѣм самым в свою тѣлесную оболочку грѣхи, с которыми борется; благодаря этому достигается преображеніе души, омытой грѣхами». («Паденіе царскаго режима». Т. IV. Госуд. Изд. 1926. Показанія Бѣлецкаго 20 іюля 1917 г.). Главным своим призваніем считал «снимать с людей блудныя страсти».

110) Вскорѣ послѣ перваго появленія Распутина в Петербургѣ (в началѣ 900 гг.) он был введен архимандритом Феофаном в общество благочестивых великосвѣтских кліентов послѣдняго, в том числѣ и к в. кн. Николаю Николаевичу, который первоначально был усердным почитателем Распутина. Но постепенно произошло охлажденіе, и Николай Николаевич перестал принимать «старца». В 1914 г. Николай Николаевич уже настаивал перед царем на удаленіи Распутина, чего «старец» никогда не мог ему простить и послѣ чего стал распространять слух о том, что Николай Николаевич мечтает о коронѣ.

вещь. Это было за нѣсколько мѣсяцев до свадьбы великаго князя и Анастасіи Николаевны. Она назвала его «добрым боровом» и сказала:

— А с ним.... должно быть тепло!

Мама смѣялась и говорила:

— Боров с лисичкой! Пара хорошая!

9 сентября.

Великая княгиня Анастасія говорила мнѣ про сибирскаго пророка:

— Это человѣк исключительной святости. Очень своеобразен. Необыкновенный. А главное — ему многое открыто. Я полагаю, что он Мамѣ может сказать больше всѣх этих... Особенно, что в нем подкупает — это его праздность (111), доходящая до грубости. Он мнѣ сказал между прочим: «Аннушка» (это я) и я — связаны судьбой с Мамой. Мы всѣ вокруг нея вертимся. Точно цѣпью привязаны».

Эти слова произвели на меня странное впечатлѣніе. Вспомнила сон Мамы. Ей снилось в ночь перед ея выѣздом в Россію, будто сѣла (в текстѣ ошибочно написано «сама») в царскую карету, запряженную бѣлыми лошадьми. А лошади маленькія, как игрушечныя. А правит лошадьми царь Николай. И. будто, одѣт он в длинную бѣлую рубаху, опоясанную золотым поясом. На головѣ корона, ноги босыя, а в рукѣ длинный золотой прут. Взмахнул кнутом, — а кони. как птички понеслись. Несутся. несутся, и не остановить их никак. Хочет крикнуть Мама — а дух у нея от быстрой ѣзды захватывает. Несутся кони, по дорогѣ давят людей. Льется кровь... Много крови... Треск раздавленных костей... Кровь заливает лицо. Мама кричит. зовет — никто не слышит. Только когда карета остановилась у красной стѣны. Мама увидѣла лицо Папы и спросила: «Что это?» Он сказал: «Кремль». И тут Мама увидѣла, что идут двое — женщина в черной шали, опи-

---

111) Вѣроятно — «правдивость».

раясь на палку, и мужчина — мужичек с такими странными глазами, в такой же, как Папа, бѣлой рубахѣ, опоясанной веревкой.

— И только эти двое, — говорит Мама, — и подошли ко мнѣ и вынули меня из окровавленной кареты... Но тут, — говорит Мама, — новый ужас: хочу пойти — и не могу; какая-то тяжелая цѣпь тянет меня к землѣ. Когда посмотрѣла — увидѣла, что на меня одѣта цѣпь, как ожерелье, и на ней пять дѣтских головок...

Мама говорит:

— Когда пришли эти двое — женщина с палкой и мужик со страшными глазами — они сбросили эту странную цѣпь и повели меня.

И каждый раз, когда Мама вспоминает этот сон, то говорит:

— Ты — это та, которая сняла с меня цѣпь...

Не знаю почему, но когда Анастасія мнѣ сказала, что сибирскій пророк говорит, что я и он связаны с Мамой, то у меня явилась мысль, не он ли тот второй, что видѣла во снѣ Мама рядом со мной.

11 октября — 11.

Это было так странно. Великая княгиня Анастасія просила меня не запаздывать к вечернему чаю. Сказала —будет старец Григорій.

Когда я пріѣхала в Сергіево (112), то кромѣ великой княгини и Николая Николаевича, за столом был еще Ромочка(?) и князь (Побирушка) (113). А он ко мнѣ таким пѣтушком разлетѣлся:

---

112) Ст. Сергіево Балтійской ж. д., гдѣ находилась мыза в. кн. Николая Николаевича «Беззаботное».

113) Кн. Михаил Михайлович Андроников (Побирушка) — извѣстный авантюрист (1875—1919). С. Ю. Витте пишет:

«Кн. Андроников — это личность, которую я до сих пор не понимаю. Одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимает никакого положенія, имѣет маленькія средства, неглупый, сыщик — не сыщик, плут — не плут, а к порядочным личностям, несмотря на свое княжеское достоинство, причисляться не может.

— Вот поглядите — это лучшій сын народа. Богоизлюбленный сын...

Потом, когда он пришел и стал тихо так гладить мою руку, я почувствовала дрожь — вот, когда лѣтом выйдешь из воды и вѣтерком обдует, то такая дрожь бывает. А он тихо так гладит мою руку и говорит:

— А ты меня, Аннушка, не чурайся! Вот вѣдь когда встрѣтились!.. А дороги наши давно сплелись... Вмѣстѣ итти будем!

А потом сердито так закричал:

— А будешь слушать брехни, будешь бѣжать — заплутаешься. Слышь — от меня не уйдешь!

Он не кончил курса в пажеском корпусѣ, хорошо знает языки, но малаго образованія. Он вѣчно занимается мелкими дѣлами, влѣзает ко всѣм министрам, великим князьям, к различным общественным дѣятелям, постоянно о чем-то хлопочет, интригует, ссорит между собой людей, что доставляет ему истинное удовольствіе, оказывает нужным ему людям мелкія услуги, конечно, он ухаживает лишь за тѣми, кто в силѣ и в модѣ и кто открывает ему иногда двери. Это какой-то политическій мелкій интриган из любви к искусству».

Сухомлинов в своих «Воспоминаніях» говорит об Андрониковѣ, что «по наружному виду — это Чичиков: кругленькій, пухленькій, сѣменящій ножками, большей частью облекающійся в форменный вицмундир с черным бархатным воротником и золотыми пуговицами. Он зачислялся обыкновенно по тому министерству, патрон котораго к нему благоволил, пользуясь за это взаимностью князя, и приходил в ярость, когда его вышибали из списков вѣдомства с перемѣной министра. Числясь только по вѣдомству, не получая ни содержанія, ни наград, он пользовался лишь виц-мундиром. Способность втираться к власть имущим была у этого человѣка совершенно исключительная. Весьма немногим из тѣх, кто был намѣчен князем, удалось избѣгнуть чести пожимать его нечистую руку. А были и такіе, которые в нем души не чаяли. Тайна его положенія обусловливалась тѣм фактом, что отдѣльные министры пользовались его услугами, чтобы быть освѣдомленными относительно их коллег и о том, что дѣлается в других министерствах».

Сам Андроников характеризовал себя, как гражданина «желающаго как можно больше принести пользы». («Паденіе царскаго режима». Т. II. 1925. Допрос Андроникова 8 апрѣля 197 г.).

Потом уж я ничего не соображала. Куда ни погляжу — все его глаза вижу.

Потом Анастасія Николаевна и говорит:

— Вѣдь правда — удивительный человѣк? Как он тебѣ понравился?

Хотѣла что-то отвѣтить — и не могу. Расплакалась. Когда уѣзжала — его не видѣла. Он куда-то уѣхал с Николаем Николаевичем.

9 января.

Я сказала Мамѣ:

— Он необычайный. Ему все открыто. Он поможет Маленькому. Надо его позвать!

Папа и Мама боялись. А у Маленькаго шестой день кровь шла (114).

— А что, если не поможет?

А он так ослаб, он был в опасности.

— А что, если он не поможет? — говорила Мама. — Знаешь ли ты его? Вѣрить ли ему?

И я уж и сама не знаю, как это случилось, но я сказала Мамѣ:

— Он пророк. Ему многое дано от Бога. Он сказал, что он со мной связан одной цѣпью, и эта цѣпь приковала нас к Мамѣ...

И еще сказала Мамѣ:

— Помнишь сон?

И Мама испуганно сказала:

— Аня, пусть он придет. Это... Да будет воля Божья!

---

114) Наслѣдник страдал гемофиліей — кровоточивостью, происходящей от плохой свертываемости крови. Гемофиліи были подвержены многіе представители мужской линіи семьи Александры Федоровны. Так, от гемофиліи умер брат Александры Федоровны, а также дядя ея, герцог Альбанскій Леопольд (1853—1884). Этой же болѣзнью страдали с дѣтства и племянники Александры Федоровны, сыновья принца Генриха Прусскаго и третьей сестры Александры Федоровны, принцессы Ирены.

И, когда совершилось великое чудо, и Маленькій был спасен, Мама сказала:

— Аня, это он! Это его я видѣла во снѣ! Это он!

Сказала мнѣ Мама:

— Когда старец положил свою руку мнѣ на голову и сказал: «Вот, дитя твое спасено!» — я уже знала, что он посланник Бога.

7 мая 9 г.

Опять вспоминаю, как это было.

Машенька 115) пришла ко мнѣ и сказала:

— Чудный, чудный! Боюсь его — и без него уже не могу!

И при этом вся блѣдная, трясется... Глаза большіе... И слезы...

Я не поняла, о ком она.

Говорю ей, чтобы разсказала все толком. А главное, чтобы успокоилась. А то вдруг Маленькій проснется и спросит ее.

А она вся трясется. Потом и говорит:

— Я о сибирском пророкѣ. Чудный он. Мял меня, тискам, 116) на пол бросил, бил... А я в слезах его руки и ноги цѣловала... И такая во мнѣ благодать и такая во мнѣ радость, что скажи он «умри!» — лягу! И нѣт во мнѣ для него ни в чем отказу. Его послѣдняя раба по гроб жизни!

Я никогда не видала такого благоговѣнія. И когда я у нея спросила:

— Что же он повелѣл тебѣ дѣлать теперь?

она сказала:

— Он сказал: «Пойди ко всѣм ,кого встрѣтишь, всѣм

---

115) В текстѣ написано ошибочно «Маминька». Марія Ивановна Вишнякова, воспитанница петербургскаго воспитательнаго дома и школы ученых нянь при нем, откуда предпочтительно и брали нянь к дѣтям царской семьи. Предполагалось, что эти безродныя дѣвушки не будут подвергаться никаким нежелательным посторонним вліяніям.

116) Возможно, что — «таскал».

скажи: «Явился большой пророк, который всему міру несет великую радость... очищеніе от грѣхов плоти...» И еще сказал мнѣ: «Запомни, что мои лучшіе дары я берегу и понесу в царскіе покои. Чтобы на себя принять всякое горе, которое может с ними приключиться!»...

И послѣ этого она, как в бреду, ушла от меня.

11 іюня — 9.

Шурочка 117) говорит, Вел. Княгиня 118) ей сказала:

— До тѣх пор, пока ты будешь бѣгать к этому развратному мужику, для тебя мой дом закрыт.

И еще сказала:

— ... 119) и твоему мужу 120) даны ключи (он уже . . .) 121).

А Шурочка, как овечка, присмирѣла.

7 сентября.

Машенька потом говорила с Мамой. Тогда уже Маленькому дали няньку. Она разсказывала Мамѣ о раденіи старца. Мама слушала ее с умиленіем, потом мнѣ сказала:

— И старец и Мэри (так она Машу зовет) — они оба из народа, и их вѣра, как все, что исходит от них, чисто народная. У них мы должны учиться вѣрить и воспринимать все просто, без раздумья.

9 сентября.

Маша разсказывает:

— Когда мнѣ выпал высокій счастливый жребій быть няней Маленькаго, я пошла помолиться, чтоб Господь мнѣ помог честно выполнить это дѣло. И по дорогѣ мнѣ встрѣтился странник, Васенька Блаженный. Я ему дала пятачек и половину просвиры. Он от пятачка отказался, а просвиру

117) Александра Александровна Пистолькорс.

118) Иниціалы отсутствуют.

119) Пропуск.

120) Алексанр (Аксель) Эрикович Пистолькорс (род. в 1885 г.), сын гр. Гогенфельзен (кн. Палей) от перваго брака, сводный брат в. кн. Дмитрія Павловича; камер-юнкер, был причислен к государственной канцеляріи, б. офицер Кавалергардскаго полка.

121) Пропуск.

взял. «Иди», говорит, «дѣвушка, с миром. Господь тебѣ поможет. А трудовую копеечку на свѣчку отдай». Я так и сдѣлала. А ночью во снѣ видѣла, будто во дворцѣ я. Колыбель передо мной золотая, вся в каменьях дорогих. А в колыбели дитя как ангелятко — все в бѣлом. Не то шелк, не то полотно, как тюль тонкое. И гляжу на дитя — и взять его на руки боюсь: такое оно нѣжное и хрупкое. Не дай Господи — уроню, думаю. Расказнят меня. Руки так и трясутся. А он, Маленькій, проснулся и радостно так лопочет и рученки тянет. Я к нему. Взяла на руки — он смѣется. И мнѣ так свѣтло и радостно! Хочу в глазаньки его посмотрѣть, и вдруг — Мать Пресвятая Богородица! — вижу у него на лобикѣ черный крест, этак между глазами. Испугалась я, думаю, не я ли оцарапала. А сама так и дрожу, и надо мной голос чей-то. «Не бойся, дѣвонька, я из мужиков, и ты из мужиков... оба мы царскій корень соблюдали!» Поглядѣла кругом — никого нѣт. А голос точно в ушах звенит! Уж послѣ, — говорит Машенька, — вошел старец и позвал меня: «Дѣвонька!» Я сразу его голос признала. Он, он самый во снѣ ко мнѣ приходил!

Между прочим, Мама мнѣ разсказывала, как Маша была оставлена в няньках.

Когда Маленькому должны были дать мамушку, то я помню, как всѣ измучились. Первая кормила три дня и заболѣла (доктор признал нервное потрясеніе, вызванное страхом, что не угодит). Вторая тоже: побыла пять дней — у нея оказалось мало молока (у нея был первый ребенок, и она по нем тосковала, оттого уменьшилось молоко). Третья кое-как приспособилась. А когда подбирали няню, то Мама многих отослала. А когда вошла Маша, то Анастасія, 122) тогда еще крошка, залепетала:

— Няня, няня!

Мама сказала:

---

122) В. княжна Анастасія Николаевна.

— Господь через младенца указывает, что эта будет няня!

Так и порѣшили на ней. Хотя доктор и обратил вниманіе Мамы на то, что Маша очень нервная. Но мама сказала:

— Мое сердце к ней тянется. Я ей довѣряю.

1 марта 1910.

Что дѣлается с Зинотти? 123) Не понимаю. Только один раз я видѣла ее такой возбужденной. Это было в Петергофѣ. Двор выѣхал только в іюнѣ. Уже начались бѣлыя ночи. Мама в этот год чувствовала себя лучше. Устраивались балы. Мама с Орловым танцовала... Я с замираніем сердца слѣдила за ними. Дѣйствительно, это была поразительная пара. Она — гордая, величественная от любви. Вся, как солнце. Горит... И он — сильный, сильный, такой красивый! Счастливый и гордый ея любовью... И так мнѣ было больно... Я глаз не могла оторвать от этой пары. Я никогда не думала особенно о своей красотѣ. Меня иногда смущала моя полнота, но я и об этом мало думала. А тут у меня такая зависть к Мамѣ: трое дѣтей, а такая гибкая, стройная. И я искренно тогда повѣрила в то, что он ее, Маму, просто любит. От этой мысли пришла разбитая, глаза горѣли, а слез не было. Сидѣла одна. Вдруг — Зинотти. Она ко мнѣ рѣдко ходила. Да и как ей уйти? Она никому не довѣряла Маму, особенно послѣ смерти Агинушки. Да и вообще она рѣдко кого жаловала. Ко мнѣ была привязана.

Пришла взволнованная. Быстро так заговорила. А когда она говорила быстро, я ее с трудом понимала. У нея слова так и сыпались. Слог 124) итальянскаго с нѣмецким и еще французскіе и русскіе отдѣльныя слова.

Из всего я поняла одно:

---

123) Магдалина (Мадлен) Францевна Занотти (Зинотти), камерфрау Александры Федоровны.

124) Вѣроятно, «смѣсь».

— Мама любит этого офицера, и это большое будет несчастье.

И когда я ей говорила о том, что Мама умный и честный человѣк, что она ничего лишняго себѣ не позволит, что она прежде всего — царица, а потом уже любящая женщина, Зинотти раскричалась, стала топать ногами и говорить:

— Ты ее не знаешь, никто не знает! А она... и не только она, а всѣ женщины в ея семьѣ такія, что из-за любви у них — безуміе, эшафот... монастырь, тюрьма!

И столько страшнаго наговорила мнѣ Зинотти. И сама дрожала от страха:

— Удержи ее, удержи!

А когда я ей сказала, что ей это легче дѣлать, чѣм мнѣ, что она ей ближе, — она заплакала.

— Вот уже больше мѣсяца, — сказала она, — как Мама запретила мнѣ говорить об Орловѣ. Пригрозила тюрьмой, высылкой на родину... И я не того боюсь, — боюсь, что без меня она, Мама, погибнет... О, — кричала Зинотти, — ты не знаешь, никто не знает, а я знаю, что она безумная, безумная, как ея мать! И я так за нее боюсь!

Я, чтобы успокоить Зинотти, обѣщала ей поговорить с Мамой. А она мнѣ сказала:

— Бѣдная, бѣдная! Только вы, русскіе, так можете: отдать любимаго — и не возненавидѣть, и не отомстить!

Она все знает. От нея ничего не скроешь.

Кстати — как она похожа на Маму! И если Мама безумная, то и в ней не мало безумія.

(французскій текст.)

3 февраля 10 г.

Вчера мнѣ сообщили, что меня не только не любят, но даже ненавидят за то, что я ничего не понимаю в политикѣ. Они говорят, особенно князь Андроников, что политическая каша — это я сама. Вот дурак (или сумасшедшій)! Сам все затѣвает, роется в мусорной ямѣ, требует, чтобы я вела его линію. Да у него нѣт никакой линіи!

Кто ему больше заплатит, тому он и служит! Они всѣ пробираются к Мамѣ через меня: я — мост. И эти дураки хотят перейти через мост мокрыми ногами так, чтобы не оставить слѣдов. Идіоты! Подлецы! Хотят выбросить мнѣ копейку с рубля, чтобы замести слѣды.

Врете вы, — я занимаюсь политикой. Я этого не хотѣла, но меня в нее втянули. И, пожалуй, теперь вы попляшете. Если я — мост, то вы — гнилыя балки, вы сгніете под мостом.

7 мая.

Я им очень нравлюсь, когда разыгрываю простушку. Ну, хорошо...

(Русскій текст.)

19 марта.

Гучков (125) был у отца. Говорил с возмущеніем:

— Это упадок! Это упадок! В вопросы искусства и литературы не должно впускать людей, чуждых искусству!

Он возмущен тѣм фактом, что несмотря на всѣ старанія П. А. Столыпина 126) «Анатема» 127), Леонида Андрее-

---

125) Александр Иванович Гучков (род. в 1862 г.), политическій лидер праваго крыла русской буржуазіи. Крупный московскій домовладѣлец и промышленник, член Госуд. Совѣта, гласный московской городской думы и член управы. В 1902 г. сражался с бурами против англичан. В 1903 г. ѣздил в Македонію во время возстанія. В Японскую войну — уполномоченный Краснаго Креста. Основатель «Союза 17 октября». В мартѣ 1910 г. был избран предсѣдателем Госуд. Думы III созыва. Во время русско-германской войны — предсѣдатель центральнаго военно-промышленнаго комитета. Послѣ Февральской революціи — военный министр 1-го Временнаго Правительства.

126) Петр Аркадьевич Столыпин (1862)—1911), б. саратовскій и гродненскій губернатор, ковенскій предводитель дворянства, с 1906 г. по 1 сентября 1911 г. — министр внутренних дѣл, премьер-министр. Лидер національно-монархической реакціи. Провел аграрную реформу, имѣвшую цѣлью созданіе крестьянской буржуазіи. Вдохновитель избирательнаго закона 3 іюня 1907 г., ограничившаго доступ в Госуд. Думу представителей рабочих и крестьян.

127) Герой этой пьесы, Анатема (Сатана), не постигает, несмо-

ва 128) к постановкѣ не разрѣшена.

— Подумайте, — говорит он, — с одной стороны — два величайшіе таланта нашего времени — Леонид Андреев и артистка Вѣра Комиссаржевская 129), а с другой — фанатики, невѣжественные церковники! Помилуйте, вѣдь это позор! Мы станем посмѣшищем Европы!

Отец обѣщал ему поговорить со мной, что он и сдѣлал.

Говорила сегодня по этому поводу со старцем.

— Так, говоришь, Гучков сердится?

— Еще бы! И во всем обвиняет Гермогена. 130)

— Так, так! — весело засмѣялся старец, — пущай на него валят! А ему что?

Оказывается, старец говорил Папѣ:

— «Анатема« — бѣсовское представленіе. Не надо его... Народ смущать будут... Они должны знать, что только Григорій с дьяволом борется... — А то — в театрѣ! Срамота! Сегодня в театрѣ дьявол, а завтра — Спаситель! Это не годится!

И еще сказал старец, что надо, чтоб запрещеніе шло не от Папы, а от церкви. От епископа:

— Власть, мол, и рада бы, да церковь не пускает!

На мой вопрос старцу, нельзя ли все-таки пропустить эту пьесу, старец сказал:

— Не надо. Не смѣют они про божественное. Ишь какіе!.. Ежели этому уж так хотѣлось про божественное,

---

тря на страстныя усилія, міровой гармоніи и старается доказать, что в основѣ человѣческаго существованія лежит ложь, а всякое добро в конечном счетѣ приводит к злу.

128) Леонид Николаевич Андреев (1871—1919), извѣстный писатель.

129) Вѣра Федоровна Комиссаржевская, извѣстная драматическая артистка, умерла в 1910 г. Рѣчь здѣсь, повидимому, идет о надѣлавшем в свое время много шуму запрещеніи епископом Гермогеном панихид по ней в Саратовѣ.

130) Гермоген (1858—1919), епископ саратовскій, враждовавшій с Распутиным. В качествѣ члена синода проживал в Петербургѣ, в Ярославском подворьѣ.

должон сам явиться, писатель-то... А то Гучкова! Он мой враг, и ничего ему не будет!

Я больше не стала говорить по этому поводу.

7 сентября 11 г.

Отец Феофан (131) пришел к Мамѣ и сказал ей:

— Господь надѣлил тебя, Царица, большим умом и чистым сердцем, поэтому я пришел тебѣ сказать: отрекись от старца Григорія, ибо он не от Бога, а от дьявола!

И Мама сказала, указывая ему на дверь:

— Уйдите, и мои глаза вас больше не увидят.

Он еще хотѣл говорить, но Мама сказала ему:

— Уйдите, или я забуду, что вы были моим духовником. Я бы не хотѣла этого забыть...

И он вышел.

Меньше одним гонителем.

1 марта 11 г.

Старец говорит:

— Был у Сазонова. 132) Это человѣк толковый. Но, кажется, плетет сѣть для меня. Ишь каков! Думает, мужика поймать легко! Врешь, стерва! Зубы обломаю!

К Сазонову пріѣхал Иліодорушка 133) (предан. душа).

---

131) Феофан (род. в 1873 г.), епископ ямбургскій, викарій петербургскій, духовник Александры Федоровны. С 1909 г. — ректор Петербургской Духовной академіи. Ввел к Николаю и Александрѣ Федоровнѣ Распутина. Разочаровавшись в «старцѣ», выступал против него.

132) Георгій Петрович Сазонов, гласный петербургской городской думы, сотрудник газеты «Новое Время». издатель газет «Голос Земли», «Россія» и журнала «Экономист». В 1903—1905 г.г. примкнул к Союзу Русскаго Народа. Тяготѣл к вліятельным лицам из духовенства.

133) Іеромонах Иліодор (Сергѣй Васильевич Труфанов), окончил Петербургскую духовную академію. Стяжал извѣстность погромно-патріотическими выступленіями в Саратовѣ и Царицынѣ, а также выступленіями против Распутина, с которым познакомился в 1903 г. Первоначально Иліодор вѣрил в Распутина как в пророка. Дружба длилась восемь лѣт. Но потом Иліодор «прозрѣл» и предпринял против Распутина обличительную кампанію.

Старец был с ним ласков. Поцѣловался с ним.

А я знаю, чувствую, что Иліодор ждет момента предать старца.

23 мая 11 г.

Мама получила письмо от в. к. Павла Александровича — прелестную пастель с фотографіи Маленькаго. 134) Удивительно красивый снимок. Мама говорит:

— Как тяжело, что ни одного знака вниманія ни от кого не можешь принять просто. То-есть с сознаніем, что это преподносят тебѣ за тебя самое, потому что любят тебя. Все это выслуживаніе, все это неискренно.

Мама часто говорит сквозь слезы:

— Кромѣ тебя и старца, во всей большой Россіи нѣт ни одного человѣка, который был бы мнѣ лично искренно предан. Нѣт такого!

Бѣдная Мама, она дѣйствительно очень одинока.

А Папа? Развѣ из его семьи хоть один человѣк относится к нему искренно? Конечно, нѣт. Гнѣвная? Но для нее он не сын, а царь, да еще рядом с ненавистной царицей. Тут уж нѣт мѣста чистой любви. Брат? Нѣт, там и вообще нѣт и не может быть любви. А это так странно. Так как они оба — и Папа и Мама — так нуждаются в близком, родном человѣкѣ. В этом секрет их любви к старцу.

5 іюня.

У Сазонова был проф. Мигулин 135), этот жид Манус 136), и еще какіе-то англійскіе купчики-голубчики.

---

134) В. кн. Павел Александрович послал Александрѣ Федоровнѣ от имени своей жены пастель, сдѣланную в Парижѣ с фотографіи наслѣдника художницей Монтовани Гутти (См. письмо Павла Александровича из Франціи от 28 марта 1911 г., опубликованное в книгѣ «Николай II и великіе князья». Госуд. Изд. 1925).

135) Петр Петрович Мигулин, профессор финансоваго права, публицист. Участвовал в журналѣ «Экономист».

136) Игнатій Порфирьевич Манус, д. с. с., купец 1-й гильдіи, крупный биржевой дѣлец, директор О-ва вагоностроительных заводов, предсѣдатель правленія Русскаго Транспортнаго и Страхового

Они подъѣзжают к Папѣ, а так как самим ходу нѣт, то думают проложить дорожку через старца.

— Вот, — говорит старец, — погляди, какую-то записку дали. Они, вот, хотят какіе-то болота осушить у Каспія... Степи, говорят, там дарма пропадают... Ну и хлѣбный банк устроить надо... 137) А какіе они осушители? Они только гадить умѣют!.. А то — осушить! Пакостники они, вот что! А что им нужны деньги, так это вѣрно. Ну, и скажу Папѣ, пущай даст им денег... Деньги вѣдь и нам, Аннушка, нужны! Вот, хочу нынѣ опять к Иліодору съѣздить. Он хоть и подлец, а за ним народ бѣгает... Вот я соберу народ-то и обдѣлять буду. Люблю, когда за мной народ бѣжит! Когда народ восхваляет, у меня сила увеличивается!

А когда он говорит про народ и про подарки для народа, то чувствуешь, что это искренно. И что это его большой душѣ дѣйствительно нужно. Ему нужно, чтоб за ним шли тысячи тысяч. Какая большая сила в этом человѣкѣ! Его враги упрекают его в том, что он «мужик», а того не понимают, что только среди мужиков, только среди них еще могут рождаться такіе необыкновенные. А не среди аристократіи, вымирающей, дохлой, протухлой аристократіи. «Мужик» — ну и пусть мужик. А сами кланяются ему в пояс, цѣлуют руки, называют пророком (и ему не вѣрят). И на каждом шагу пакостят. Для меня, для Мамы. для нас всѣх — он не только пророк, а наш спаситель. Наш бог. Мы идем за ним смѣло. И ничего нам не нужно от него. А они? Тоже, аристократы называются! Пресмыкаются... У, гады!

3 мая.

Подъѣхали ко мнѣ. Проф. Мигулин говорит:

О-в, участвовал в кружкѣ кн. Мещерскаго и в газетѣ «Гражданин» (под псевдонимом «Зеленый»). Глава нѣмецко-распутинскаго кружка.

137) Рѣчь идет о проектѣ образованія компаніи для орошенія Закаспійских степей и хлѣбнаго банка, имѣвшаго цѣлью устранить на желѣзных дорогах залежи хлѣба послѣ сбора урожая.

— Старец обѣщал, но вѣдь он человѣк не от земли... Поэтому считали нужным вас, Анна Александровна, со всѣм ознакомить. Имѣется проект образовать компанію на паях по орошенію Закаспійских степей.

Оттуда, как говорит профессор, потекут богатства. И еще попутно предлагается сьорганизовать банк...

Все это подробно изложено в докладной запискѣ на имя Папы.

Я взяла докладную записку. Сказала, что подумаю. Хочу заставить этих господ разговориться. Им нужны деньги. А за деньги надо платить деньгами. Он, ученый, профессор, говорит, что старец, не от земли, а потому может и не уяснил себѣ, что нужно это теплой компаніи. Он, правда, не понял — надо ли осушить или оросить степи, но зато вѣрно понял, что этим пакостникам дѣла нѣт ни до осушки, ни до орошенія, им бы только казна. Это он вѣрно понял. Это поняла и я.

Старец велѣл подождать с подачей докладной записки.

7 мая.

Хорош и муженек Саны. Говорит:

— Шурик сама еще дитя, и потому прощаю ей ея увлеченіе старцем, но требую соблюденія приличій.

А сам около старца так и увивается.

У, продажныя твари!

Баронесса Ос.-Б. 138) была на пріемѣ у Мамы. Ее приняли очень тепло, как вдову любимаго генерала. Когда она стала собираться уходить, зашел Папа. Он успокоил ее насчет ея сына и дочери. Потом она дала Мамѣ маленькую черную тетрадь.

— Это, — сказала она, — от вашего исповѣдника, от Феофана... Нѣсколько слов о Григоріи Ефимовичѣ...

И, низко присѣдая, добавила:

---

138) Разсказывая о том же эпизодѣ, Иліодор в своих записках называет это лицо вдовой офицера Хіоніей Б. («Святой чорт», «Голос Минувшаго», март 1917 г.).

— Примите это как искреннюю заботу о вас ваших вѣрноподданных рабов.

Мама поглядѣла на тетрадь и передала ее Папѣ. Папа читал и хмурился. А потом сказал:

— Одно из двух: или Феофан был подлецом, когда привел к нам Григорія, или он подлец теперь, лая на него.

Мама поцѣловала Папу и сказала:

— И тогда, и теперь. Григорій наш друг и спаситель, но он человѣк простой, не знает ни наук, ни хитростей. А они всѣ — и Феофан, и Гермоген, и Иліодор — они сильны в науках и казуистикѣ. И они, когда вводили к нам Григорія, разсчитывали на то, что сдѣлают его орудіем для себя. Но он оказался сильнѣе их, потому что в нем есть дух Божій. Так они теперь хотят убрать его от нас, чтобы расчистить себѣ дорогу. Но они ошиблись. Казуистика их подвела.

Потом Мама разсказала, как она, будучи студенткой, 139) спросила у . . . . 140) что такое казуистика. И он, не задумываясь, ей отвѣтил:

— Это такая поповская наука, которая одним ключом открывает двери ада и двери рая — в зависимости от того, кого впускает.

Папа весело смѣялся. Потом сорвал переплет, а тетрадь разорвал пополам и бросил в камин. Баронесса Ост.-Б. три раза пріѣзжала, но Мама ее не приняла. Ея сын отсылается на Кавказ. Баронесса в отчаяніи.

9 іюня.

Ну, уж этого я не ожидала!

Баронесса была у старца на Гороховой. Во всем ему покаялась и просила защиты. Потом пріѣзжала молодая баронесса. Зиночка (ея дочь, совсѣм еще дитя). Старец

---

139) Императрица Александра Федоровна в свое время слушала лекціи по философіи и даже имѣла степень доктора философіи, полученную в Гейдельбергском университетѣ.

140) Неразборчиво, может быть — у «профессора».

назвал ее «Живчик». Подарил ей подушечку (дает немногим) и сказал:

— Ужо все будет хорошо!

Молодой барон Ос.-Б. возвращен с полпути. Дѣло с их имѣніем тоже улажено. А зато теперь она уже всюду слѣдует за старцем. Он называет ее «Мой Живчик».

Не бывать бы счастью, да несчастье помогло!

Старец разсказывает: ему когда-то Феофан говорил в первые дни, когда вводил старца во дворец:

— Сюда (т.-е. во дворцы) ходить часто не слѣдует, а то двери начнут скрипѣть. Потом помнить надо, что ходить надо через «домашній узкій проход».

И вся эта мудрая наука ни к чему не привела: для него всѣ входы и выходы закрыты.

Мама говорит:

— Если бы не то, что он был моим духовником, я бы с ним иначе поступила. Его спасает то, что я его помню. Но и только.

13 мая.

Старец говорит:

— Вчера Сазонов и профессор возили меня к Витте. И чего этому умнику от меня надо? Глядит — будто узоры с меня рисует. А тут не иначе, как чего-нибудь надо!.. Тоже вот про эти Закаспійскіе степи говорил. «Про эти», говорит, «степи мы с доктором Бадмаевым 141) отцу, покой-

---

141) Петр (Жамсаран) Александрович Бадмаев («Гнилушка», «Сова», «Клоп»), д. с. с., тибетскій врач, уроженец Восточной Сибири (1851—1919). Учился в Иркутской гимназіи. В 1871 г. поступил в Петербургскій университет. Принял православіе, при чем крестным его отцом был Александр III, в ту пору еще наслѣдник. Начал практиковать в Петербургѣ в 1875 г. Лечил, главным образом, травами, вывезенными с Востока. С 1890 г. состоял в теченіе нѣскольких лѣт лектором монгольскаго языка в Петербургском университетѣ. Занимался крупными коммерческими аферами, преимущественно ж.-д. концессіями. Был близок к сферам высшей полиціи (В. П. Семенников «За кулисами царизма». Архив тибетскаго врача Бадмаева. Гос. Изд. 1923). «Человѣк несомнѣнно весьма

ному царю Александру, говорили»... Ишь, как эти степи их за живое задѣли! Их послушать, так вся страна обогатится. А мнѣ так сдается: мужику новая забота — господам пожива!.. А Витте-то? Граф так злобой и кипит, и меня ненавидит, и Папу не жалѣет!... А хвостом так и вертит! «Мы да мы!.. Россія да Россія»! И что ни слово, то умность!.. Хитрый барбос!.. А банк-то, видно, и ему в зубах застрял!

Старик сказал:

— Обо всем поговорить надо с Побирушкой. Пускай обмозгует, что да как. Догорѣть 142) Папѣ недолго. А надо, чтоб с умом и с головой.

18 мая.

Когда старец привел Иліодора в Мраморный дворец 143) у меня было такое большое желаніе сказать ему:

умный; в отношеніи своего леченія обладает большой дозой шарлатанства. Его леченіе всегда связано с различными интригами и политикой» (Витте «Воспоминанія». Т. I).

142) Вѣроятно — «доложить».

143) В 1910 г. Иліодор пріѣзжал в Петербург за книгами для монастырской библіотеки. Вот как описывает он встрѣчу с Вырубовой в Мраморном Дворцѣ: «Во дворцѣ Распутина встрѣтили Танѣев, Сана, его младшая дочь, и ея муж, камер-юнкер. Танѣев, хитренькій старичек, отвел Распутина в сторону, о чем-то с ним таинственно поговорил, взял портфель и удалился. Распутин начал бесѣдовать с Саной. Во время бесѣды нѣсколько раз цѣловал Сану, а муж был здѣсь и как-то невинно, по-младенчески, улыбался. Минут через десять пріѣхала Вырубова. Сана с мужем попрощались и ушли. Распутин прямо-таки танцовал около Вырубовой; лѣвой рукой он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее цѣловал. Я грѣшно думал: Фу, гадость! И как ея нѣжное, прекрасное лицо терпит эти противныя жесткія щетки. А Вырубова терпѣла и, казалось, находила даже нѣкоторое удовольствіе в этих старческих поцѣлуях. Наконец Вырубова сказала: Ну, меня ждут во дворцѣ, надо ѣхать. Прощай, отец святой! Здѣсь совершилось нѣчто сказочное, и если быдругіе говорили, то я не повѣрил бы, а то сам видѣл. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом до обѣих ступней Распутина, потом поднялась, трижды

— Отойди от этого пакостника!

И когда старец приласкал меня, видя мою горечь, он такими скверными глазами смотрѣл на меня. Не понимает такой простой истины, что старец для меня — не мужчина, и я для него — не женщина.

17 іюня.

На-днях стала писать о Зинотти. О том, что она была в такой тревогѣ по поводу романа Мамы с Орловым много лѣт тому назад.

А теперь, вторично, по поводу старца. Зинотти его не любит. Но боится в этом сознаться. Вчера она получила какія-то свѣдѣнія о том, что старец захватил в свои руки не только Маму, но и Папу. Гнѣвная сказала при этом:

— Эта женщина (Мама) треплет корону по грязи!

И сказала:

— Боюсь, что она будет роковой для династіи!

Зинотти сказала:

— Я не люблю Гнѣвной. Она враг Мамы, значит и мой враг. Но она очень умна, и у нея открытые глаза. И вот, я такое думаю, что Мама послѣдняя русская царица!.. Нельзя править такой большой страной, опираясь на разум дикаго мужика!

Зинотти сказала:

— Я задумала одну вещь. Если это не отвлечет Маму от этого дьявола...

Я не знаю, на что пойдет эта сумасшедшая. Но надо быть настороже.

Зинотти потом спохватилась:

— Я говорила тебѣ, Аня, а ты, как и Мама, запуталась в его сѣтях... Мухи, несчастныя мухи! Этот паук вас обсосет!

Вчера говорила с Шурой относительно Зинотти. Она

поцѣловала старца в губы и нѣсколько раз — его грязныя руки. Ушла. (С. Труфанов. «Святой чорт)).

говорит, что ея муж увѣряет, что всѣ ее считают близкой родственницей Мамы.

Она незаконная дочь какого-то итальянца и принцессы дармштадтской Алисы. 144) Так говорят. Числится воспитанницей герцогини Алисы. Это офиціально.

Во всяком случаѣ, может это только чисто случайно, но между ней и Мамой большое сходство. Та же гордая поступь. Тѣ же мрачные глаза и та же величавая красота в движеніях. Может, случайно...

5 іюля.

Это ужас, ужас! Ужас! Только сумасшедшая Зинотти могла до этого додуматься. Если Мама не сошла с ума и не умерла от разрыва сердца, то ее спасли только молитвы старца.

И главное, что поразительно, что это сдѣлала Зинотти, та самая Зинотти, которая готова душу отдать за Маму. Она искренно ей предана. И, между тѣм, злѣйшій враг не мог бы придумать худшаго.

А было вот что.

Мама нервничала. Под конец с ней был припадок. Я ушла к себѣ в 11-м часу. Не успѣла убрать голову ко сну — вдруг телефон. Мама говорит:

— Если ты не очень устала, приходи ко мнѣ. У меня такая тоска... Пойду, помолюсь... Придешь — почитаем.

Я собралась итти. В это время — с ногой что-то неладное. Прошло в общем полчаса. Подъѣхала ровно в 12. Поднялась. Прошла лѣвым проходом. Не успѣла дойти, как услыхала крик Мамы. Сразу не сообразила откуда. По крику думала — она умирает. Кинулась к ней — она лежит в молельнѣ, ударилась головой о диван. Сколько прошло времени, не знаю. Но, когда я прибѣжала к Мамѣ, из-за божницы выбѣжала какая-то тѣнь. И если бы Мама

---

144) Мать Александры Федоровны, великая герцогиня Гессенская Алиса (Мод-Мари; 1843—1878), вторая дочь англійской королевы Викторіи.

не лежала передо мной, я сказала бы, что прошла Мама. В таком же мягком халатѣ, тот же чепец, и, главное, та же походка.

Но Мама лежала тут же, и я рѣшила, что это от испуга у меня галлюцинація.

Я открыла огонь. Никого не должно звать. Только лишнія сплетни.

Крикнула Зинотти, но она не отозвалась.

Потерла Мамѣ виски. Дала понюхать соль. Перевела ее и уложила. Мама глядѣла на меня безумными глазами. Только через час (было начало второго) она заговорила. И то, что она мнѣ разсказала, было так страшно, что я приняла это за бред. А разсказала она мнѣ вот что.

Когда она вошла и опустилась перед образом Спасителя, то услыхала какой-то шорох, подняла голову и увидѣла женщину. Женщина держала в руках черный крест и лист бумаги, а на бумагѣ черными буквами написано:

«Гони Григорія, он дьявол и несет смерть всему дому!»

И когда Мама это сказала, то вся задрожала. А потом тихо так прибавила:

— И главное, эта женщина — как будто я сама! Как будто мой двойник!

Я прочла с Мамой молитву старца «Господи, очисти разум мой от злого духа, умудри и проясни меня!»

Когда Мама стала успокаиваться, я позвала Зинотти, чтобы приготовить Мамѣ питье (она одна умѣла его приготовить).

Когда Зинотти вошла, я вздрогнула: на ней был такой же халат. Она смутилась, вышла и скоро вернулась, в бѣлом чепцѣ и в таком же передникѣ. Мама стала засыпать. При видѣ Зинотти задрожала. Выпила питье и заснула. Я пріѣхала домой во втором часу.

Страшная мысль, что это могла сдѣлать Зинотти, не давала мнѣ покою. Могла убить Маму, могла убить! Эта мысль сверлила гвоздем. И это сдѣлал не враг, а друг!

Ужас, ужас, ужас!

Утром, раньше, чѣм я собралась уйти, зашла Зинотти, страдающая, несчастная. С безуміем в глазах. Созналась, что все это сдѣлала она. Давно уже задумала. Для этого приготовила такіе же, как у Мамы, халат и чепец. Думала, что Мама ее примет за свое отраженіе в стеклѣ. Когда Мама опустилась на колѣни, опустила свѣт, освѣтила...145) Когда Мама крикнула, она испугалась: думала, что Мама умирает. Хотѣла к ней броситься, но в это время увидѣла меня.

Все это она разсказала сквозь слезы, умоляя:

— Спаси, спаси Маму!

При чем говорила: если для здоровья Мамы это нужно, то она сознается. Пусть ее казнят, все равно, — только бы Мама была жива.

Я успокоила ее, как могла. Взяла с нея слово, что она никогда больше ничего подобнаго не сдѣлает. И сказала ей, что об этом никто не должен знать, так как Мамѣ будет тяжело ея лишиться: она не только камеристка Мамы, но и ея лучшій друг. Мама выросла на ея руках.

И все же у меня в душѣ большая горечь против нея. Если друзья там безпощадны в борьбѣ со старцем, то чего уж ждать от врагов!

9 іюля.

Была у старца. Все в общем разсказала ему, не называя Зинотти. Звала его пріѣхать, повидать Маму. Она бродит, как тѣнь.

— Пугали, — говорит, — мной пугали! Это не дьявол, а люди... Сдѣлаю, чтоб то страшное, ночное позабыла! Сдѣлаю! Все будет хорошо, пока я с ней!

Был у Мамы. Оставался с ней больше часу. Когда ушел, я пришла к Мамѣ. Тихая, спокойная. Спрашивает:

— А что со мной было? Отчего Папа так волнуется за мое здоровье?

---

145) Неразборчиво.

О, святой старец! Ты исцѣлил ее! Она все забыла! 146)

4 іюля.

Мама все забыла. А старец не забыл. Он только умѣет скрывать, если его что мучает.

Был у меня. заходила Великая Княжна Ольга 147) Старец ей читал, вѣрнѣе, разсказывал житіе святых. Пѣли пѣсни. В это время зашла Зинотти. Позвала Великую Княжну Ольгу. Она вышла. Ушла. Вскорѣ уѣхала. А Зинотти зашла ко мнѣ, передала от Мамы книгу (я больна, второй день не выхожу). Когда Зинотти зашла, старец отошел к окну. Играл с Бэби. 148) Потом вдруг повернулся, подскочил (именно подскочил) к Зинотти и, глядя в упор в ея глаза, сказал:

— А ты, совушка, не пугай Маму! Слышишь, не пугай! А то я тебя пугну! Вон, поганая!

Зинотти сразу растерялась. Она плохо понимает по-русски. Но, очевидно, старца поняла. Поблѣднѣла и, кланяясь, вышла.

Когда она ушла, я стала цѣловать руки святого старца. Как узнал? Откуда узнал?

Он, точно отвѣчая на мой вопрос, сказал:

— Я, вот, с того часу, как ты сказала, все думал: кто бы такое придумать мог? Понял сразу, что баба. Уж очень больно ущемить хотѣла... По-бабьи это... Да вот, не

---

146) О гипнотической силѣ Распутина говорил неоднократно М. В. Родзянко («Крушеніе имперіи». Изд. «Прибой» 1927). С. П. Бѣлецкій сообщает: «Я имѣл в своих руках нѣсколько писем одного из петербургских магнетизеров к своей дамѣ сердца, жившей в Самарѣ, которыя свидѣтельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим магнетизером, лично для своего матеріальнаго благополучія, на Распутина, бравшаго у него уроки гипноза и подававшаго, по словам этого лица, большія надежды, в силу наличія у Распутина сильной воли и умѣнія ее в себѣ сконцентрировать». («Паденіе царскаго режима» Т. IV. Показанія Бѣлецкаго 20 іюля 1917 г.).

147) В. кн. Ольга Николаевна (1895—1918), старшая дочь государя.

мог придумать. Татищева? 149) Так нѣт, та и стерва, и трусиха. Да и какая ей корысть в петлю лѣзть?.. Думал, от Гнѣвной, — так гдѣ взять такого вѣрнаго человѣка?... Об этой гадюкѣ позабыл. Не мог думать. Знаю, что уж очень она Маму бережет... А тут, как она вошла, — меня точно ударило! Осѣнило. Она, она, проклятая!

Я в слезах во всем созналась старцу.

Он меня успокоил:

— Ложь во спасеніе. Это хорошо. Это Богу хорошо!

Когда он ушел, я в первый раз за все это время облегченно вздохнула. Меня избавила мысль, что я скрыла от старца его врага.

15 іюня — 11.

Меня поражает то, как этот человѣк, без особых знаній, без придумочек, только по наитію, познает истину. А вышла исторія поразительная.

Епископ Гермоген с Иліодором и компаніей были одурачены — вѣрнѣе же, — сами хотѣли одурачить Маму и Папу. И в эту исторію запутали еще и в.к. Елизавету Федоровну. Они всѣ знают, что Папа (даже болѣе Мамы) дорожит образом Казанской Богоматери. 150) Для этого разсказывают про какого-то плута-богоненавистника (151). Он из тюрьмы прислан слезничать, что он, мол, виноват в похищеніи образа Казанской Богоматери, и что, если его выпустят на волю и куда-то повезут, то он отыщет спрятанную икону. В.

---

148) Наслѣдник Алексѣй.

149) Возможно, что переписано ошибочно и что читать надо «Тютчева» — Софья Ивановна, фрейлина, состоявшая при великих княжнах, пытавшаяся бороться с Распутиным, из-за чего впослѣдствіи и была отставлена.

150) Икона была похищена из Казанскаго женскаго монастыря для продажи старообрядцам, среди которых жила старая легенда о том, что пока эта икона не будет в руках старообрядцев, они не получат свободы исповѣданія своей вѣры. Иліодор принимал участіе в розысках иконы.

151) Содержавшійся в читинской каторжной тюрьмѣ товарищ похитителя иконы Чайкина.

к. Елизавета Фодоровна расчувствовалась и уже пошла пѣть акафисты. А тот жулик ее, как младенца, опутал. Она легко поддается обману. А епископу Гермогену и компаніи это было нужно, чтобы вернуть себѣ вниманіе Папы и Мамы. А когда об этом узнал старец, то телеграфно сообщил Мамѣ: 152)

«Всѣ врут. Иконы нѣт. Григорій.»

И это он понял не умом, а высшим чутьем.

7 мая.

Была у меня Варечка. 153) Прелестная дѣвочка. В ней что-то есть от отца. Удивительные глаза. Та же лучистость и глубина. И когда смѣется — такая же мужицкая хитрость. Ее трудно называть красивой, но очень интересна. Жалуется:

— Нѣт житья от подруг: отвернусь — слышу в спину: «Мужичка! Навозом пахнет! Капустой несет!», а повернусь к ним — либо сторонятся, либо льстят. А одна, — (это, очевидно, так прямо и сказано), — говорит: «Счастливая ты, Варя! Твой отец все может сдѣлать! Что бы ты ни попросила — все тебѣ дадут». Потом добавила: «Поэтому Мамочка 154) сказала: «Ее, пожалуйста, не трогайте, — (это меня), — а то всѣх нас разнесут... Потому что — правая рука царицы!» И оттого ко мнѣ всѣ так странно относятся. А главное — ненавидят. А что я им сдѣлала? Когда Дима 155) принес конфеты, я всѣх одѣляла. И одна из медвѣжат 156) говорит: «Подлиза!» Всѣ зашикали, запугали. Она вечером прибѣжала извиняться и так вся дрожала: «Не сердись, не говори Злюкѣ 157), а то она скажет Мамочкѣ, и моего папу ушлют!» Я ее с трудом успокоила.

152) Из с. Покровскаго.

153) Дочь Распутина, учившаяся в гимназіи Стеблин-Каменской.

154) Возможно, что рѣчь идет о начальницѣ гимназіи.

155) Сын Распутина Дмитрій.

156) Возможно, что в гимназіи так называли воспитанниц младших классов.

157) Классная дама?

Но откуда, почему такое отношеніе? Уж лучше бы я, как Митя, ѣла дома колтунки. 158) И была бы, как он. А то— среди мужиков «барышня», среди барышень «мужичка». Никто к себѣ не допускает!

Жалко дѣвочку.

9 мая — 9.

Теперь понимаю, откуда вѣтер дует. Это .... (159) и надолго будет памятно. Бѣдныя дѣти. А главное, тут ничѣм помочь нельзя.

Отец Александр 160) разсказывал Мамѣ о тайном подаяніи. Это ей очень понравилось.

— Это, — говорит она, — как в сказкѣ: голодный человѣк протягивает руку — и находит богатство. Находит счастье...

Мы долго говорили о том, может ли богатство дать полное счастье. Конечно, никто из нас не может себѣ представить, что должен почувствовать голодный, когда у него вдруг откроется возможность быть сытым. И быть сытым не раз, а долго, может быть — всегда. Мы рѣшили найти такую семью, «которую можно осчастливить». Я должна была найти ее и сдѣлать это в канун сочельника. Говорила с Берчиком. Он указал мнѣ семью вдовы Л. Она из старинной дворянской семьи. Замужем была (ушла из семьи) за каким-то актером. Долго бѣдствовала с ним. Теперь вдова. Трое дѣтей. Дочка одна кончила 6 классов гимназіи, — пришлось взять из гимназіи, потому что нечѣм платить. А трое маленьких. Живут только тѣм, что мать вяжет и штопает чулки. А дѣвочка (между прочим — красавица, как говори Берчик) дает грошевые уроки. И то только пока тепло, так как в холод выйти не в чѣм. Одна

158) Пельмени.

159) Пропуск.

160) Протоіерей Александр Васильев (1867—1918), духовник царской семьи, пресвитер придворнаго (При Зимнем дворцѣ) собора Спаса Нерукотвореннаго Образа. Законоучитель наслѣдника.

кофтушка и одна пара ботинок. А дама эта, несмотря на нищету, — гордая.

Разсказала Мамѣ. Оля 161) тоже приняла участіе в этих бесѣдах. Рѣшено было снести им узел нарядов и сластей и деньгами 3.000 (деньги дала Мама) и написать письмено: «Молитесь Богу за Александру и Алексѣя и будьте счастливы.»

Вопрос был в том, как передать все. Подойти, постучать в окно и уйти (так дѣлается тайное подаяніе)? Но это неисполнимо, так как они живут в дворницкой, в бывшем домѣ ея отца (пріютил ее дворник, и окно выходит в коридор). Кромѣ того, может случиться также, что выйдет дворник и получит все. Или кто-нибудь из его семьи. Этот, наиболѣе романтическій, способ не подходит. Надо что-то другое. Послать по почтѣ? Тоже неудобно. Кто ее там знает? Может и не отдадут (говорят, она живет под чужой фамиліей, а какая у нея фамилія — мы не знаем). Рѣшили так, что Митя 162) (ему очень нравится все романтичное) одѣнется в студеньческое пальто, зайдет, спросит Валентину Викторовну (так ее зовут) и отдаст ей пакет. И сразу же выйдет. По крайней мѣрѣ, мы будем знать, что это попало в тѣ руки, что мы желали.

Так и сдѣлали.

Мама приходила ко мнѣ с Олечкой, все сама просмотрѣла. Олечка положила свои кружева и свои двѣ косынки. Мнѣ кажется, что этого не слѣдовало дѣлать: вещи настолько хороши, что могут пойти лишніе толки. Но ей так хотѣлось положить эти вещи, она так радовалась при мысли, как та дѣвочка (она, пожалуй, одних лѣт с Великой Княжной Ольгой)будет радоваться и примѣрять кружева, что ей нельзя было отказать. Туда же были положены три рубашечки Маленькаго и в них записка («Молись за Алексѣя»), много конфет и сластей.

---

161) В. княжна Ольга Николаевна.
162) В. кн. Дмитрій Павлович.

Вечером, часам к девяти, Митя.... (163) и погрузил на себя узел. Постучал в окно. Ему открыл дворник и на вопрос, гдѣ живет Валентина Викторовна, провел его в полутемную каморку. Митя вошел. Увидѣл трех дѣтей, играющих на полу с кошкой, а на кровати лежала и стонала женщина.

— Я, —говорит он, — в первый момент растерялся. Но больная постучала в стѣну и слабо позвала: «Лили!»... Я бы сразу ушел, как было условлено, но я не знал, сюда ли я попал... В это время вошла дѣвушка (вѣрнѣе, дѣвочка) в сѣром каком-то рваньѣ — (так он разсказывал). И когда она вошла, я прямо растерялся. Такіе глаза! Безумно красивые глаза!... И тонкія темныя брови... А волосы — цѣлыя снопы золота! Я спросил, здѣсь ли живет и могу ли я видѣть Валентину Викторовну. Дѣвушка растерялась и сказала: «Мама больна. А я, вот, я дочь Валентины Викторовны... А что вам угодно?» Она, очевидно, очень терялась. Тогда, — так разсказывает Митя, — я сказал: «Вот это возьмите!»Подал ей узел и конверт и быстро вышел. За мной кто-то пошел, но я быстро скрылся...

Прошло больше двух недѣль. Олечка приходила ко мнѣ и часто спрашивала:

— Аннет, а как ты думаешь, та дѣвочка еще счастлива?

— Мнѣ кажется, что в этом нельзя сомнѣваться...

Уже весной Берчик мнѣ сказал:

— А знаете, Анна Александровна, замѣсто счастья, Бог-вѣсть что в ту семью внесли!

Я уже забыла, в чем дѣло.

— А в Сочельник, помните?

Вспомнила.

— Ну так вот. Они поправились. Квартиру другую... и все такое... Она шляпы дѣлает, магазин у нее... Дѣти— так прямо ангелочки!

---

163) Многоточіе в текстѣ.

— Ну так и хорошо! Что же ты ворчишь?

— А, вот, Великій Князь с того самого дня за дѣвочкой этой бѣгает. Видѣли его с ней в городѣ... Не было бы худа, не знает вѣдь, в чем дѣло. Думает и вправду студент.

А раз было народное гулянье. Я ѣхала с дѣтьми. Вижу — навстрѣчу молодая дѣвушка, везет колясочку с ребенком (калѣкой). Берчик указал мнѣ:

— Эта та самая... в Сочельник которая... А это братишка ея больной...

Дѣвушка, дѣйствительно, необыкновенно красивая, однако, больше похожа на еврейку или грузинку (с зелеными глазами).

9 сентября — 10.

Сегодня опять услышала об этой несчастной Лили. Мѣсяца два тому назад в «Новом Времени» появилась замѣтка:

« В воскресенье, 19 мая, в Павловском паркѣ молодая дѣвушка стрѣляла в студента. Когда раненаго подняли, он отказался себя назвать. Предполагают, что это один из великосвѣтских романов.»

Больше об этом ничего не было.

Потом оказалось, что так закончилось наше «тайное благодѣяніе». У Великаго Князя с Лили затянулся роман. Когда дѣвушка узнала об обманѣ, то выстрѣлила в своего героя, не зная, кто он. Когда ее арестовали, она себя не назвала, боясь напугать мать. Потом Великій Князь хлопотал об ея освобожденіи, но сказал полицмейстеру, что хотѣл бы избавиться от этой семьи, чтобы убрать их из Царскаго. А в то время Митя уѣхал полѣчиться к отцу. Отец навел справки. Оказалось, что эта дама, мать Лили, была вдова еврея; ей жить, конечно, было нельзя в Царском. Но она что-то скрыла — уж не знаю — словом, жила под чужим именем. Ну, и ее вмѣстѣ с Лили арестовали. А дѣтей у нея отняли. Она умерла в тюрьмѣ, а Лили куда-то услали.

Все это вышло ужасно. Великаго Князя не было. Он

об этом узнал только когда вернулся, мѣсяцев через восемь. Страшно волновался.

— Вот, — говорит Митя, — наши полицейскіе... 164) Готовы человѣка живьем съѣсть! Перестарался, мерзавец!

Он собирался было навести справки о том, куда дѣвалась Лили. Потом рѣшил ограничиться выговором полицмейстеру... И еще боялся. что дойдет до Мамы.

Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

А мы так искренно вѣрили в то, что наше «тайное даяніе» принесет счастье всей семьѣ.

7 мая — 11.

Старец ѣдет. 165) Ждем его с нетерпѣніем. Мама говорит:

— Он единственный человѣк, который вносит мир в мою душу.

И дѣти его ждут. Любят его святыя слова. Оказывается, он задержался. Совершил паломничество в Саров. И не один, а с народом. Его большой душѣ надо, чтобы всякій, кто будет около него, возрадовался. А посему Мама сегодня отправила ему 3.000 рублей на подарки для народа.

9 іюня — 1.

— И вот, — говорит старец, — эти министры — ослы: велят из Царицына убрать Иліодора, а это не понимают, что за ним сто старух поплетутся и такой рев подымут, что никакими пушками не заглушишь... Дурьи головы! Надо, чтобы все спокойно!

И опять о Л. Толстом вспомнил:

— Папѣ, — говорит, — на графов не везет: графа Л. Толстого за характер синод оттолкнул, графа Витте (так как он граф — Витте) зовут за большую умность — так это не годится: плохое то хозяйство, когда хозяин умнаго приказчика боится!

---

164) Многоточіе в текстѣ.

165) Весной 1911 г. Распутин совершил путешествіе в Іерусалим и затѣм, вмѣстѣ с большим числом паломников в Саров.

Да, прав старец, прав святой пророк!

Мама говорит:

— Если бы я не была царица, то была бы с тѣми, кто против царей!..

Думаю — если бы старец не был святым человѣком, то был бы тоже с тѣми, кто против.

9 іюля.

Старец говорит:

— Царскіе министры много дальше не видят своего носа. Вот им граф Лев Толстой чѣм-то не по нутру пришелся. Они синоду и напѣли. А этот и рад. Вѣдь попы — души продажныя... Тоже вот, выслужиться хотѣли — ему отреченіе от церкви... 166) Думали — он заплачет, в ножки поклонится: «Дайте, мол, свое благословеніе!» А он и не подумал! А Папа, как стал помирать графъ Толстой, 167) печально так сквозь слезы сказал: «Не он перед церковью, а перед ним церковь виновата, что он не как христіанин, без покаянія умирает. Церковь сумѣла наказать, а не сумѣла на свою сторону перетянуть!» Вот что сказал Папа, а они думали — царю-батюшкѣ угодили! Щенки слѣпые, а не правители, дальше сиськи суки не видят!

И как он прав! Ах, как он прав!

Отреченіе графа Л. Толстого от церкви внесло большую горечь во всю царскую семью.

Мама говорит:

— Граф Л. Толстой — величайшій міровой ум, геній... И этот человѣк, который жил в наше время, относился злобно к нам, потому что к нему церковники примѣнили такую же плеть, как к любому поваренку. И это так тяжело! Особенно потому, что вся Европа это нам поставила в вину. И еще потому, что «Война и мір» это — лучшая русская книга...

Меня нѣсколько удивило, что Мама так отозвалась об

---

166) В 1901 г.

167) Л. Н. Толстой умер 7 ноября 1910 г.

этой книгѣ, так как граф Толстой очень откровенно высказывает в ней свои симпатiи солдатам, а не генералам, и еще посмѣивается над царем Александром Павловичем... И вообще над царями... Но в этом отношенiи Мама вѣрна себѣ, она человѣк культурный, и от этого ей не уйти.

А раз она мнѣ сказала:

— Ах, Аннет, если бы я не была царицей, то присоединилась бы к тѣм, кто нас царей, ненавидит, — так много жестокости! Такая узкость!.. Но мы, цари, — помазанники Бога и должны нести свой крест...

Папа его имѣет.

Странно, когда всмотришься в Папу и Маму, оба они «Не для величiя и славы», как им для них поет поэт державный К. Р. (168) Они люди глубокой вѣры, тишины... Любят свой покой, своих дѣтей... Ну, и судьба поставила их царствовать Конечно, положенiе не только обязывает, но и развращает. Особенно власть.

Это я знаю по себѣ. Власть очень портит. Кружит голову. Сбивает с пути скромной, молитвенной жизни. И все же Мама — величайшая мученица. В ней, в буквальном смыслѣ, все болит. У ней столько отвѣтственности, столько забот и так мало чистой радости.

18 iюля.

Столыпин настаивает, чтобы как-нибудь убрать Илiодора из Царицына. Он сказал Папѣ:

— Нельзя допустить (хотя бы и на религiозной почвѣ) устраивать погромы. Илiодор — погромщик и опасный монах. Сильно дѣйствует на толпу. Этот сумасшедшiй несет позор. О нем слишком много говорят. Его надо убрать из Царицына. Там готовится бунтовское гнѣздо.

Я думаю — Столыпин прав. Илiодор — это злокачественная язва. Его надо обезсилить. А старец говорит:

— Надо еще маленько выждать, а то, ежели так, на-

---

168) В. кн. Контантин Константинович.

храпом, Иліодорушку уберут, народ его мучеником признает. А народ страсть как мучеников любит!

Как он мудро разсуждает!

9 сентября.

Однако, синод, под вліяніем Столыпина, настоял на своем. Иліодора перевезли из Царицына в Новосильевскій монастырь. (169) Шуму чтоб меньше было. А старец обидѣлся, что без него порѣшили. Сказал:

— Ежели они без меня рѣшают, то я это рѣшеніе смахну... Пущай остается в Царицынѣ, пока я того требую!

Мама хоть и очень обижена на Иліодора за эту мошенническую исторію с образом Казанской Богоматери, но старцу не рѣшилась отказать, и потому рѣшеніе синода отмѣнили и Иліодора оставили в Царыцинѣ.

А князь Андроников пріѣзжал и говорил:

— Отец Григорій по добротѣ своего же врага Иліодора защищает. А этот враг только выбирает удобный момент, чтобы его раздавить!

Я его успокоила, сказав, что раздавить старца не так просто, так как Иліодора и Гермогена Мама терпит только по милости Григорія Ефимовича. И что его слова довольно, чтобы их убрать. Кн. Андроников улыбнулся:

— Анна Александровна, а вы развѣ не знаете, что старец также смертный, а у этих голубчиков рука не дрогнет убить того, кто им станет на дорогѣ?

И так он это сказал, что у меня мурашки по тѣлу забѣгали.

Так много врагов, так много врагов! И главное — со

---

169) Иліодор был назначен настоятелем Новосильскаго монастыря (в Тульской губерніи), но бѣжал оттуда обратно в Царицын, гдѣ «сидѣл с народом в монастырѣ 20 дней», пока не была получена (3 апрѣля 1911 г.) от митрополита Антонія телеграмма с извѣщеніем, что «Государю Императору, во вниманіе к мольбам народа, благоугодно было 1-го апрѣля разрѣшить іеромонаху Иліодору возвратиться из Новосилья в Царицын». (С. Труфанов, «Святой чорт»).

всѣх сторон. Сохрани его, Господи!

6 іюля — 11.

Папа еще при первом свиданіи с Иліодором, когда старец велѣл его Папѣ принять, сказал ему:

— Ты во всем должен слѣдовать указаніям старца, и если тебѣ дана возможность жалить, то пускай свое жало против революціонеров и жидов. А министров и других правителей не трогай!.. А главное, во всем слушайся Григорія Ефимовича. Его Бог избрал нам в совѣтники. Умудрил его. (170)

А что сдѣлал Иліодор? Он не удовольствовался еврейскими погромами, а стал кидаться на губернатора. (171) Этого мало. Отрастил зубы и бросился на самого старца. Тут уже придется накинуть цѣпь!

7 сентября — 10.

Ненавижу Иліодора! Ненавижу! Несмотря на то, что старец говорит:

— Его должно почитать, потому — на ем благодать!

И все же ненавижу.

Что-то в нем есть такое, что дѣлает его отвратительным. Гадливым. Он когда смотрит, то кажется проникает глазами. И в позах его что-то стыдное. Я знаю: враги старца говорят, что старец своим касаніем оскверняет женщину. Но так говорить могут только враги и люди с развратом в помыслах. От касаній старца чувствуешь только, что поднимаешься над землей. Что ничего тебѣ не надо. Ничто тебя не трогает. А есть высшее, сладостное, что кружит тебя над землей. И это не ласка его, не сладострастіе, а горячая волна божественнаго. И никакія радости не сравнить с этим сладчайшим туманом.

---

170) Эти слова Николая приводит в своих записках и Иліодор. (С. Труфанов. «Святой чорт»).

171) Епископ Гермоген обличал 5 октября 1909 г. «язычествовавшаго» гр. С. С. Татищева, саратовскаго губарнатора. Александра Федоровна, а с нею и Вырубова, полагали, что обличителем выступал не Гермоген, а Иліодор.

Вспоминаю величайшій трепет моего существа.

Когда мы пріѣхали к старцу, (172) то он водил нас по деревням. Чтобы, — так говорил он, — я видѣла, в какой грязи живет народ. Какой горькій хлѣб крестьянскій. И еще для того, чтобы видѣть, как его почитает народ.

Когда мы шли по улицѣ, то я видѣла, как крестьяне кидались ему в ноги и молили:

— Благослови, спаси, помолись за нас!

И он, такой жалостливый, поднимал их и обдѣлял. И я никогда не представляла себѣ, что он так много раздает народу.

И я не могла и подумать, что он дѣлает это только для нас. Потому что, когда я вечером шла с Варей (173) и к нам присоединилась старуха Ириша (она не вѣрит в Григорія Ефимовича, говорит, что он не от Бога) и все же водила нас по дворам и показывала: «Тут он избу починил, там корову купил, там — лошадь. Там на дѣтей дает. На его счет обучаются, на его счет лѣчатся...» Это требует десятков тысяч.

— Такой царской щедрости никто никогда не видѣл!— говорят крестьяне.

Вечером П. Д. (174) нас кормила чѣм-то очень жирным и сладким. Пили вино, пѣли пѣсни.

Вся комната старца увѣшана коврами. Мягко-красная оттоманка. Против нея, на столѣ, божница, в ней икона Божьей Матери. В черной без позолоты оправѣ. Старинное письмо. Когда смотришь издали, то видишь только блѣдныя тѣни. А когда зажигается лампада, то святой лик свѣтлѣет.

Когда стало тихо, то двое взяли нѣчто похожее на цимбалы, стали играть. Старец, подпѣвая, стал кружиться.

---

172) По порученію Александры Федоровны, Вырубова, в сопровожденіи нѣскольких поклонниц Распутина, ѣздила в Покровское, чтобы ознакомиться с тѣм, как живет «старец» у себя на родинѣ.

173) Младшая дочь Распутина.

174) Очевидно, П. Ф. — Прасковья Федоровна, жена Распутина.

Пѣснь усиливалась. Усиливалась круженіе-пляска. И старец, указывая на Божью Матерь сказал:

— Глядите, плачет, о нас скорбит!

Когда же, в великом круженіи, мы всѣ пали ниц перед старцем, я увидѣла на глазах Богоматери сіяніе.

И когда, утопая в мягком коврѣ... в изнеможеніи... Это была высшая благодать... Высшее трепетаніе...

6 сентября.

Ненавидѣла Иліодора всегда, особенно теперь! Отец сказал, что вчера он прислал письмо, в котором описывает «раденіе» старца с Марьей Ивановной. И я знаю, что все, что он пишет, — это клевета, чтобы очернить старца.

А с Марьей Ивановной было так:

Она, как лучшая молитвенница старца, никогда его не принимает у себя, развѣ — когда идут от Мамы. Он заносит ей для Маленькаго что-нибудь. В этот раз тоже так было. Марья Ивановна ушла, оставив Маленькаго спящим. Пришел старец. И когда дверь открылась, и Маленькій зашел (он оставил свой волчок на кровати Марьи Ивановны), то они его не замѣтили. Он испуганно закричал.

Пришел отец Александр. Маленькій слушал его. Но все жаловался на головную боль. Мама позвала старца, и Маленькій закричал:

— Не хочу! Он будет меня душить, как Машу!

И это особенно было непріятно потому, что при этом был отец Александр. Он скоро ушел. Старец стал гладить Маленькаго, и головная боль у него прошла, и он воробышком прыгал по комнатѣ.

7 октября.

Как об этом узнал Иліодор? Но развѣ это поймешь? Уши и глаза всюду. За каждым шагом слѣдят. И все оскверняют. Всюду гадят. И никуда не уйти от них.

10 октября — 11.

Вчера Мама говорила:

— Когда в началѣ войны с Японіей запахло этим несчастным бунтом, который они называют революціей...

Между прочим, Мама всегда говорит: «В Россіи никогда не может быть революціи, а может быть только бунт... А бунт надо усмирять нагайками, так как мѣченый холоп лучшій работник!» Я бы не сказала, что в данном случаѣ Мама особенно дальновидна, но возвращаюсь к ея разсказу.

— Итак, — говорит Мама, — во время Японской войны было предложено устроить нѣчто вродѣ «Sûreté général» (175) и дѣло было поручено Комиссарову (176).

Мама говорила, что он проявил необычайную прозорливость. Вся заграничная шифрованная переписка, как в волшебном фонарѣ, проходила перед нашими правителями, им оставалось только дѣлать выводы. Он раздобыл десять шифров: американскій, японскій, китайскій и др. Работа

---

175) Отдѣленіе Французскаго министерства внутренних дѣл, на которое возложено наблюденіе за посольствами и военными агентами (контр-шпіонаж).

176) Михаил Степанович Комиссаров (род. в 1870 г.), ген.-майор, б. помощник начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія. В 1915 г. — начальник варшавскаго жандармскаго управленія; послѣ эвакуаціи откомандирован в распоряженіе министра и товарища министра внутренних дѣл; агент Хвостова и Бѣлецкаго при Распутинѣ. В 1904 г., когда началась война с Японіей, Комиссаровым, в ту пору ротмистром, было организовано при департаментѣ полиціи бюро для наблюденія за иностранными посольствами и военными агентами. Работа была чрезвычайно конспиративной (малѣйшая неудача могла вызвать европейскій скандал, и всѣ послы покинули бы Петербург) и чрезвычайно сложной (один только китайскій шифр составлял 6 томов). Были разработаны 12 шифров. Всѣ документы, бумаги и шифры доставлялись ночью на дом к Комиссарову, проживавшему под чужим именем и под видом иностранца. Там их фотографировали и наутро уносили в департамент полиціи, так как Комиссаров не рисковал оставлять их у себя, опасаясь внезапнаго обыска по требованію какого-либо посольства. Особенное значеніе имѣло это бюро при заключеніи Портсмутскаго договора: бюро узнавало американскія условія раньше, чѣм американскій посол в Петербургѣ. В 1906 г. русскому послу в Англіи был сдѣлан запрос относительно существующаго в Россіи бюро, и послѣднее было раскассировано. («Паденіе царскаго режима» Т. III. 1925).

шла удивительно, но кто-то предал. И пришлось ликвидировать. И вот, Мама говорит, что, по ея мнѣнію, Комиссаров сам состряпал, сам и разрушил. Далѣе Мама говорит:

— Этот же человѣк составлял и печатал прокламаціи о еврейских (177) погромах (178), а когда все стало извѣстно. перевернул горшок с углями на другую голову.

И, вот, она говорит, этот человѣк предлагался в качествѣ охранителя старца. Да он не только убьет, а еще пойдет с красным флагом по улицѣ! Нѣт, нѣт, ему вѣрить нельзя, такіе люди опасны!

1 февраля.

Старец сказал папѣ:

— Тѣм, что обер-прокурор Лукьянов (179) со скандалом убрал Иліодора, только дуракам языки развязал. Вон, послушайте, что говорят: «Царь, мол, послал Иліодора жидов бить, да и спутался. Как Дума на царя нападать стала, царь от своего слова отказался, и Иліодор предан жидам. То-есть Думѣ». Вот что говорят!... А развѣ хорошо такіе слухи слушать? Вѣдь думать надо, что стѣной за Иліодора народ. Так надо сдѣлать так, чтоб бабьяго реву не было, чтоб народ его прогнал. Вот что надо. А пока

---

177) В текстѣ ошибочно написано — «европейских».

178) Витте в своих «Воспоминаніях» (Т. II) разсказывает, что Комиссаров печатал, по личной своей иниціативѣ, погромныя прокламаціи, которыя массами разсылались по провинціи. Печатались онѣ на станках, забранных при арестах революціонных типографій. Эта секретная типографія помѣщалась в подвальном этажѣ департамента полиціи. Комиссаров же, при допросѣ его 4 мая 1917 г. чрезвычайной слѣдственной комиссіей, утверждал, что ему лишь однажды пришлось быть свидѣтелем того, как печаталось воззваніе к солдатам послѣ нападенія латышей на кавалерійскій отряд в Туккумѣ в 1905 г.

179) Сергѣй Михайлович Лукьянов (род. в 1855 г.), извѣстный патолог, б. директор института экспериментальной медицины. С 1902 по 1905 гг. — товарищ министра народнаго просвѣщенія, в 1906 г. — член Госуд. Совѣта, с 1909 г. по 1911 г. — обер-прокурор синода.

что — терпѣть! А Лукьянова, прихвостня Столыпина, думскаго по ихача — гнать в шею надо! Вот!

И при этом сердито закричал:

— А то дождешься, что всѣх думских собак на нас пустят! Вот! Гнать его, стерву!

Папа сказал:

— А кого поставим?

Старец указал на Саблера (180).

— Не человѣк, а воск, чистый воск! Подогрѣешь — и жми его! Вот царскій послушник!.. И церковник! Вот!

Назначеніе Саблера Мама привѣтствует.

4 іюля.

Папа указал старцу, что Дума высмѣивает смѣщеніе Лукьянова и замѣну его Саблером. А старец и говорит:

— Дума — это собачья свадьба. Свои собаки дерутся, а всѣ вмѣстѣ ходят и чужих не подпускают! Вот что — гнать ее надо, эту Думу!

О, если бы это ее так же просто было прогнать, как всякаго отдѣльнаго министра! Но это не так просто. Тут уже опредѣленно борьба за власть. Папа охраняет самодержавіе, а Дума это самодержавіе обстрѣливает, — пока только рѣчами, но впослѣдствіи может быть худшее.

5 марта.

Вопрос о діакониссах (181) прямо разросся в борьбу. Вокруг него ,конечно, разгорѣлись страсти. С одной стороны — великая княгиня Елизавета Федоровна с московским митрополитом Владиміром, с другой — Мама со старцем.

---

180) Владимір Карлович Саблер (род. в1845 г.), сенатор, член Госуд. Совѣта, с 1911 г. по 1915 г. — обер-прокурор синода. Орудіе пацифистской и германофильской партіи, клеврет Распутина.

181) В. кн. Елизавета Федоровна добивалась разрѣшенія ввести в основанной ею в Москвѣ Марфо-Маріинской общинѣ, настоятельницей которой она состояла с 10 апрѣля 1910 г., чин діаконисс на протестантскій лад и устройства при общинѣ общежитія, богадѣльни и пріюта для дѣтей, больных и калѣк, с цѣлью «врачеванія душевных и тѣлесных недугов».

Для чего нужны в. к. Елизаветѣ Федоровнѣ діакониссы? Ясно. Она хоть и отшельница, но очень властолюбивая. Ей нужен свой штат, свои вѣрноподданные, хотя бы и в монастырских рясах. И еще одно — в .к. Елизавета Федоровна любит все обстановочное, декоративное, а в этом отношеніи католическая церковь дает больше. А діакониссы — это прямое явленіе католическаго монастыря... Еще думается мнѣ и нѣчто другое. Тут у в. к. Елизаветы Федоровны может-быть и другое — если не совсѣм, то хоть отчасти навязать нам главенство церкви над престолом. Во всяком случаѣ, діакониссы не дают ей покою. Старец сразу не понял, а потом сказал:

— Ишь, какая молитвенница!.. У католиков над царем — папа римскій, а у нас московская мама будет! Пускай убирает руки, пока пальчиков не отрубили!

А Папа так разсмѣялся в первый момент. Не знал, как от в. к. Елизаветы Федоровны отдѣлаться, отписаться.

А старец говорит:

— Мы на нее епископа Гермогена напустим. Пускай ее законами запугает.

И только этим и удалось разбить тенденцію о діакониссах.

Я очень рада, что всѣ старанія в. к. Елизаветы Федоровны разбиты. Казалось бы, если человѣк уходит в монастырь, то тѣм самым отказывается от властолюбія и честолюбія. Но это не так.

6 іюля.

Бадмаев был. Говорит, на этих днях будет у меня Мигулин. Лично мнѣ этот человѣк очень непріятен. У него особенная манера говорить, предлагая какой-нибудь проект. А всѣ его проекты сводятся к одному: поставки, концессіи, банки и т. д. Он так нахально смотрит в глаза и говорит:

— Это для нас (подчеркивая для н а с) будет очень полезно!

Когда он был у меня нѣсколько дней тому назад, я его отпугнула:

— Не для нас, а для вас это нужно, — сказала я ему в отвѣт на его проект о пріисках.

Он на минуту вздрогнул:

Потом так завилял:

— Я думал, что вы мнѣ разрѣшите считать интересы государства нашими общими интересами...

Кстати, с ним этот Рубинштейн (182). (Между прочим, всѣ говорят: «Евреи трусливы, жулики и трусы». Глядя на этих людей, вслушиваясь в их мудреные проекты, я думаю: «Жулики, но не трусы!» Очень откровенно издѣваются над нашей простотой). Этот Рубинштейн мнѣ положительно нравится. Когда заговорили об отчисленіях, он сказал:

— Многоуважаемая Анна Александровна, я знаю толк в бриллiантах и еще лучше — в оправѣ! — намекая на ту безтактность, которую себѣ позволил Побирушка, оставив пакет с надписью: «5 каратов, 8 каратов» и т. д. Страшно мало в нашем обществѣ умных людей, а потому когда встрѣчаешь таких, как вот он, то это особенно пріятно. И думается мнѣ, что такіе вездѣ будут на мѣстѣ. А то — кичиться породой, а подносить в пакетиках!

---

182) Дмитрій Львович Рубинштейн (род. в 1876 г.) кандидат юридических наук, директор правленія Общества Петро-Марьевского и Варвароплесскаго объединенія каменноугольных копей, страхового общества «Волга», Русско-Французскаго банка и пр. Крупный спекулянт и биржевой дѣлец. Через Распутина, котораго он поддерживал матеріально, Рубинштейн проводил своих кандидатов на министерскіе посты. Оказывал давленіе на прессу, так как ему принадлежала большая часть акцій газеты «Новое Время». 10 іюля 1916 г. Рубинштейн был арестован комиссией генерала Батюшина по подозрѣнію в способствованіи видам непріятеля и выслан затѣм в Псков. Ему инкриминировалось: продажа русских процентных бумаг, находившихся в Германіи, через нейтральныя страны во Францію, продажа акцій Общества «Якорь» германским дѣльцам, взиманіе высоких комиссіонных за сдѣлки по выполнявшимся за границей русским заказам и пр. По настоянію Александры Федоровны, дѣло Рубинштейна было передано министру юстиціи, и

9 сентября.

Мама взволнована. Император Вильгельм пишет ей:

«Я вѣрю в твой критическій ум и твою гордость. И все же и до меня доходят эти ужасы о твоем и Ники увлеченіи «старцем». Для меня это совершенно нѣчто непонятное. Мы — помазанники Божьи, и наши пути перед Богом должны быть такіе же чистые и недоступные для черни, как все, что люди от нас .... (183) А это ваше увлеченіе равняет вас с толпой. Берегитесь. Помните, что величіе царей — залог силы».

Дальше он пишет о том, что в заграничной прессѣ выступленіе одного старца — Иліодора — против другого — Распутина — разсматривается, как бунт церкви против власти. И самое ужасное, что цари являются не усмирителями бунта, а играют роль разжигателей. «Имя царицы рядом с именем какого-то темнаго проходимца! Это ужасно!»

Это письмо, как громом, поразило Маму.

— Никто никогда не смѣет вмѣшиваться в нашу жизнь!

Мама особенно нервничает, зная, что это письмо продиктовано или внушено ея «отцом» (184). О нем она всегда говорит с особой и нѣжной любовью, и это ее оскорбило.

— Почему они всѣ вмѣстѣ и каждый в отдѣльности стараются мнѣ навязать свои правила? Кто дал им это право? Как они смѣли! Ах, как они смѣли! И главное, этот Іуда-предатель Иліодор! Старец о нем, как о своем любимом братѣ, хлопотал. Ни на минуту не забывал о нем, и он, он явился предателем!

Утром получаю письмо от Лелички (185).

---

6 декабря 1916 г. Рубинштейн был освобожден. Но прекратить дѣло не удалось, в виду запроса о нем в Госуд. Думѣ.

183) Пропуск.

184) Так Александра Федоровна называла принца Генриха Прусскаго.

185) Ольга Владиміровна Лохтина, жена д. с. с. инженера, одна

«Боюсь за старца. Боюсь. Они — епископ Гермоген и Иліодор, как черные вороны... Черные вороны хотят клевать чистое тѣло. Боюсь, могут пролить кровь. Сдѣлай все, чтобы примирить их. Разорви свое сердце, но не дай свершиться между ними ужасному! Жди меня к вечеру».

Это письмо — сумбур и страх, как и все, чѣм живет в послѣднее время Леличка. Оно меня напугало. Но я не знала, в какую сторону направить свое наблюденіе.

Говорила с Александром Эриковичем.

Он сказал:

— Не пугайтесь и, главное, не пугайте Саны. Эта Ольга Владиміровна всегда что-то выдумывает. Во всяком случаѣ, весь день будем имѣть за ними наблюденіе.

Старец был у Головиных (186). Мама звонила мнѣ, что Иліодор пріѣхал, говорил со старцем. Бесѣда мирная. Дружно обсуждали. Поѣхали в Ярославское подворье, гдѣ ждал епископ Гермоген. Старец доволен.

Выслушав это сообщеніе, Мама успокоилась. Думала, Александр Эрикович прав. Леличка преувеличивает. Они сговорились, значит — все хорошо. Успокоилась, хотя в душѣ не довѣряла Иліодору. Но, думала я, он боится старца, а потому смирится и убѣдит епископа Гермогена тоже смириться. Их, конечно, терзает зависть к старцу. Но они должны смириться.

Когда пріѣхал старец, мы все поняли.

Я омывала его ноги слезами. Как они смѣли! Как смѣли!

Били... истязали... могли убить... (187) И только испугались Божьяго суда...

из наиболѣе изступленных поклонниц Распутина (а позднѣе — Иліодора), кончившая сумасшествіем.

186) Мать и дочь Головины — ревностныя поклонницы Распутина.

187) 16 декабря 1911 г. епископ Гермоген, Иліодор и нѣсколько священников, пригласив Распутина в Ярославское подворье, потребовали от него, чтобы он прекратил свои посѣщенія царскаго двор-

Когда они подняли руки на старца, он, старец, сказал:

— Да будет воля Твоя!

И рука епископа Гермогена повисла, как плеть.

Свершилось нѣчто страшное. Они пошли открытым бунтом против старца и против Папы и Мамы. Знают ли они, какая судьба их ждет? (188)

Леличка, обливая слезами руки старца, шепчет все то же:

— Примирите, примирите их... Или случится большое горе! Старец говорит:

— Поздно. Я еще надѣялся на то, что они поймут... что им без меня нельзя... А они, вот, не понимают... Думали, убьют Григорія — к Мамѣ пройдут... Врут, проклятые!

Когда вечером пришел Иліодор, этот бунтовщик, этот одержимый гордостью и злобой дьявольской в смиренном одѣяніи монаха, то я молила Бога:

— Всели в меня, Господи, дух смиренія, не дай нанести оскробленіе принявшему сан!

И, когда он заговорил, я отошла к окну, боялась на него смотрѣть. А когда старец сказал, указывая на Иліодора: «Заманили и хотѣли убить... Крестом... крестом убить», то я почувствовала, что готова броситься... рвать... терзать...

ца. Произошла ссора, перешедшая в побоище, во время котораго еп. Гермоген бил Распутина по головѣ нагрудным престом. В избіеніи Распутина дѣятельное участіе принимал и благочестивый Митя Козельскій. Священник Восторгов, извѣстный дѣятель Союза Русскаго Народа, разсказывал со слов епископа Гермогена, что Митя Козельскій в разгарѣ побоища пытался даже оскопить «старца» ножницами.

188) 8 января 1912 г. синод посрановил лишить епископа Гермогена епископства и сослать его в Жировецкій монастырь в Литвѣ, а Иліодора заточить в исправительный монастырь во Флорищевѣ, Владимірской губерніи. Иліодор подчинился рѣшенію синода не сразу и нѣкоторое время скрывался у д-ра Бадмаева. Там-то у

И когда Александр Эрикович поднял свой кулак (189), я вспомнила его слова:

— Этой рукой сам 80 революціонеров казнил!

Да, я знаю, что Александр Эрикович умѣет отстаивать друзей Папы и Мамы...

Очевидно, о том же подумал и Иліодор, глядя на кулак Александра Эриковича, потому что голос его стал тише, когда он стал пробираться к двери.

Смиренный схимник, одержимый бѣсовской гордостью, — о, как я его ненавижу! И нѣт таких мученій, которыя могли бы искупить его грѣх перед старцем. Знал ли он, понимал, на кого поднял свою руку?

Когда он ушел, старец мрачно поник головой.

— Не хотѣл с ним войны. Пожалѣть его хотѣл.. А он сам... сам себѣ яму копать хотѣл...

Вскорѣ всѣ разъѣхались.

Я осталась со старцем. И он тихо сказал:

него и зародилась мысль написать свою знаменитую записку о Распутинѣ, предназначавшуюся Николаю и напечатанную два года спустя, с большими сокращеніями, в газетах в Россіи и за границей. Иліодор расчитывал, что Николаю передаст эту записку Бадмаев. Но Бадмаев на это не согласился и лишь пообѣщал ему передать ее дворцовому коменданту, В. А. Дедюлину, с тѣм чтобы Дедюлин передал ее по назначенію. («Святой чорт», «Голос Минувшаго». Март 1917). Покровительствуя Иліодору, Бадмаев вел в то же время (весьма, впрочем, осторожно) кампанію против Распутина. Очевидно, тибетскій врач не дооцѣнивал в данном случаѣ сил «старца» и слишкомдовѣрял счастливой звѣздѣ Иліодора. Позднѣе Бадмаев исправил свою ошибку и без колебаній перешел в лагерь Распутина. (В. П. Семенников. «За кулисами царизма». Архив тибетскаго врача Бадмаева. Госуд. Изд. 1925).

189) А. Э. Пистолькорс участвовал в 1905 г. в подавленіи революціоннаго движенія в Прибалтійском краѣ. Вспоминая об этом вечерѣ, Иліодор пишет: «Я сидѣл и молчал, ища глазами какой-нибудь предмет подороже и поудобнѣе, чтобы, в случаѣ нападенія на меня, запустить им во всю лѣзшую на меня компанію. И думал: «С бабами-то я расправлюсь одним маленьким креслом. Как махну им, так и разбѣгутся всѣ. Но вот Пистолькорс, драгунскій офицер, с сильными большими кулаками — как с ним-то справлюсь?

— Аннушка, они не меня, а Папу... Маму оскорбили... И я рад за них пострадать... Но зачѣм они такую злобу имѣют?

И его святые глаза покрылись такой любовью... такой лаской ко всему міру...

10 мая.

Леличка не хочет успокоиться:

— Пойми, они оба, оба — лучшіе сыны....... (190) бѣс искуситель...

Она вся, как в огнѣ, горит. Написала Мамѣ:

«Сестра Александра, моя госпожа и царица. Стань между ними, соедини их руки, и да будет между ними мир и любовь. Они, вот, не могли понять — всѣ, и даже и Аннушка, — что они оба — Иліодор и Григорій — братья во Христѣ, лучшіе сыны церкви... и от войны между ними может случиться страшное шатанье трона... Шатанье трона! Царица, помири их!» (191)

Мама очень любит Лелю. Но это письмо ее огорчило.

— Не могу, — сказала она, — протянуть руки тому,

Вѣдь он храбрый и жестокій, он, по его собственным словам, во время революціи один своими руками повѣсил 85 латышей в Прибалтійском краѣ» (С. Труфанов. «Святой чорт»).

190) Пропуск.

191) Иліодор разсказывает: «Когда старец, обличенный мной, сослал меня во Флорищеву пустынь, то О. В. Лохтина, не теряя надежды на мое примиреніе с отцом Григоріем и на возстановленіе прежней компаніи для управленія, как она выражалась, двором, нѣсколько раз пріѣзжала во Флорищеву пустынь. Я ее до себя не допускал, а только из окна перечислял подвиги отца Григорія и просил ее бросить его и возвратиться в семью. Она никогда ничего мнѣ на это не отвѣчала. Пріѣзжая в пустынь, она ходила вокруг моей кельи, забиралась на стѣну, на крышу дома, и все кричала одно и то же: «Иліодорушка, красное солнышко!» Монахи думая, что у меня с ней были грѣшныя отношенія, смѣялись, а стражники буквально истязали несчастную генеральшу. Таскали ее за волосы, босыя ея ноги разбивали сапогами до крови, потом сажали в экипаж и увозили в Гороховец. Она никогда не сопротивлялась, притворяясь мертвой» (С. Труфанов. «Святой чорт»).

кто оскорбляет в лицѣ нашего друга Григорія меня и Папу. Нѣт у меня к нему любви, а без любви, что я могу для него сдѣлать?

Борьба разгорѣлась. И теперь уже никто, никто не может их примирить. И Иліодор, и Гермоген, оба уже связанные по рукам и ногам и лишенные царской милости, не сдаются, чего-то ждут...

Старец говорит:

— Иліодорка хочет скинуть клобук (192). И возьмет топор... Он как Пугачев... Думает собрать рубойную (193) рать и пойти на царя и православную церковь. Он об этом только и помышляет. Да Господь по иному разсудил... Пришел Григорій и смирит бѣса, смирит!..

И я знаю и вѣрю, что старец смирит их. И душа моя радуется этой побѣдѣ святого над нечистивыми. Но тяжело то, что весь муравейник взбудоражился. Вот, пишет Бадмаев Папѣ: знает ли Папа о том, что произошло между епископом Гермогеном, Иліодором и старцем? А произошло, мол, такое, что они хотѣли заставить его, святого друга нашего, дать клятву в том, что он никогда не переступит порога дворца, не пойдет ни к Папѣ, ни к Мамѣ.

Папу это письмо очень разсердило.

— Кто просил, — говорит он, — епископа Гермогена и Иліодора оберегать наш царскій покой?

Он, Папа, усматривает в этом бунт, желаніе стать между Папой и церковью...

---

192)В текстѣ ошибочно — «каблук». Полгода спустя (8 мая 1912г.) Иліодор, находясь в заточеніи во Флорищевской пустыни, подал в синод прошеніе о снятіи с него сана, что синод и сдѣлал 17 декабря 1912 г., однако, не по его просьбѣ, а по суду — за отреченіе и за то, что он «усомнился в спасительном воскресеніи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа». Послѣ снятія сана Иліодор полтора года жил у себя на родинѣ, на хуторѣ Большом, в станицѣ Маріинской Донской Области. Туда же переселилась и Лохтина, но, по словам Иліодора, он ни разу ея не принял (С. Труфанов. «Святой чорт»).

193) Так в текстѣ.

Мама вполнѣ раздѣляет мнѣніе Папы.

Дальнѣйшая судьба бунтовщиков предрѣшена.

19 іюля — 17.

Были Марков (194) и этот несчастный Римскій-Корсаков (195). Я затруднилась бы сказать, почему эти люди вызывают во мнѣ брезгливое чувство. Клопы поганые! И, тѣм не менѣе, приходится не только выслушивать, но считаться с ними. Цѣль их, как они всѣ говорят, это сберечь отечество и спасти Папу и Маму. А для того нужны деньги и только деньги.

Марков требует, чтобы ему дали 50.000 руб. на газету.

— Эта газета, — говорит он, — будет бороться со всѣми лѣвыми группами. И, кромѣ того, через эту газету можно подготовить общественное мнѣніе к будущим выборам.

Римскій-Корсаков просил для той же цѣли 20.000 руб. Газета предполагалась в Твери.

— Там, — говорит он, — кругом фабрики и заводы. Рабочіе в большинствѣ под вліяніем революціонеров. Наших агентов мало. Да и не имѣют успѣха.

Он полагает, что только хорошая правая газета может поднять настроеніе среди рабочих.

— В такой газетѣ, — говорит он, — мы укажем на опасность от увлеченія революціонными теоріями. Кромѣ того, можно кое-что рабочим обѣщать...

Одним словм, всѣ они тѣм или иным путем добиваются денег.

Говорила старцу о том, что они были у меня.

---

194) Николай Евгеньевич Марков-второй (род. в 1866 г.), гражданскій инженер, член Госуд. Думы 3 и 4 созыва от Курской губ. Крайній правый. В 1905 г. организовал в Курскѣ «Партію Народнаго Порядка», слившуюся в 1907 г. с Союзом Русскаго Народа, в котором Марков состоял членом центральнаго комитета; член Союза Михаила Архангела

195) Александр Александрович Римскій-Корсаков (род. в 1850 г.), штамлейстер, сенатор, член Госуд. Совѣта, дѣятель монархических организацій, предсѣдатель «Русскаго Собранія» — аристократической группы «Союза Русскаго Народа».

— Вот пролазы! Узнали дорожку! Думали без меня, Григорія Ефимовича, обойтись. А ты вот что скажи: я сказал, что об газетѣ подумаю. А я пощупаю Побирушку; он на этот счет хорошій глаз имѣет. А думаю, что их придется гнать: потому — деньги у них по карманам затеряются, а толку не будет.

20 іюля.

Срочно пріѣзжал кн. Мещерскій (196).

— Знаю, — говорит, — о чем хлопочут правые... Хотят свою газету.

Но, по его словам, эти газеты не только не достигают цѣли в смыслѣ поднятія престижа Папы и Мамы, но, положительно, роняют таковой. Он говорил о газетѣ, которая издается правыми в Петербургѣ. На газету тратятся большія суммы, а ее даже безплатно никому не навяжешь (197).

Он прав. Эти газеты так грубо и глупо все перебирают, что читать противно. А вѣдь здѣсь работают все же петербургскіе сотрудники.

Кн. Мещерскій указывает на то, что так как та газета— пресса, то в газетах из революціоннаго (вѣрнѣе либеральнаго) лагеря работают серьезные журналисты, и бороться с ними должны сильные партнеры. А что могут сказать такіе писаки, каких выпустит Марков и Ко? Они будут натравливать одну часть населенія на другую, а кому это теперь нужно?

Он сказал, что надо серьезную газету, которая бы спеціально обсуждала вопросы внутренней политики, значеніе Думы и Совѣта. По его мнѣнію, такую газету надо, и он полагает, что ее можно пустить, якобы в противовѣс «Гражданину», а фактически она его должна дополнить. Возможно, что он прав. Досадно только, что и тут личная заинтересованность.

---

196) Князь Владимір Петрович Мещерскій (1838 -1914), камергер, издатель Петроградскаго еженедѣльнаго журнала «Гражданин».

197) «Земщина», издателем которой был Глинка-Янчевскій, или же «Русское Знамя» (издатель д-р Дубровин).

7 февраля — 12.

Кто же убил Столыпина? Кому и для чего нужна была эта смерть? Эти вопросы часто поднимаются вокруг меня. И еще чаще я слышу вопрос:

— А Папа, а Мама, как они реагировали на это убійство? И для кого назначалась пуля Р (198).

Всѣ эти вопросы теперь болѣе, чѣм раньше, волнуют всѣх. Вопрос о Екатеринѣ Шорниковой (199) стоит очень остро. Этот барбос Щегловитов мог допустить такую ошибку — чтобы выбросить человѣка, который представляет собой склад свѣдѣній, компрометирующих власть...... (200), если Господь захочет кого наказать, то раньше его ума лишит. Иначе этого не понять.

Вчера получилось письмо. Автор неизвѣстен. Есть подозрѣніе... Вот что пишут:

«Многоуважаемая Анна Александровна. Я Вас знаю и Вы меня тоже. Поэтому пишу Вам: знайте, что намѣчено в первую очередь двѣ смерти — Распутина и Вас. Оба вы будете убраны для того ,чтобы ликвидировать вопрос династіи. Если до сих пор Россія терпѣла сумасшедшую царицу, то терпѣть ее вмѣстѣ с развратным мужиком не станет. Пишет Вам человѣк, преданный престолу... И еще вот что. До меня дошли слухи, что Вы поминаете о монастырѣ... Если бы Вы ушли! Как бы это было хорошо и для Вас и для тѣх, кто «не мыслил убивать», а должен убить, чтобы спасти Россію. Подумайте обо всем Анна Александровна».

Как странно. О своей мысли «уйти в монастырь» я полушутя, полусерьезно говорила в субботу, недѣлю тому

---

198) Вѣроятно «буква» Р, проставлена ошибочно, и читать слѣдует: Богрова.

199) Екатерина Николаевна Головина, по первому мужу Шорникова, по второму — Юдкевич, провокаторша. В революціонных кругах была извѣстна под именем «Ирины» и «Эртель», в охранном отдѣленіи — под кличкой «Казанская».

200) Пропуск. Вѣроятно, «Поистинѣ».

назад. Были при этом, кромѣ Шуры (201) и Мумы (202) только Вѣра Николаевна (друг семьи и Пуришкевича) (203) Странно как все это... Так как вопрос идет не только обо мнѣ, а о дорогом нам всѣм старцѣ, то возникает вопрос, как быть. Если так, то это очень смѣло. Гдѣ же наша охрана?... Сказать Воейкову? (204) Есть один человѣк, который мог бы все болѣе или менѣе прояснить — это Курлов (205). Но ему я тоже не довѣряю...

Если могли убить Столыпина свои, тѣ самые, которых он вскормил, то какой охранѣ можно довѣрять? Странно и жутко. И не за себя. Вѣдь я знаю, что дѣло не во мнѣ. Я без старца — это пустой звук. Это ружье без заряда. Они ищут его голову. Голову старца. А через него — поразить Маму.

9 декабря — 12.

Вчера Александр Эрикович разсказал мнѣ всю исторію этой несчастной Шорниковой. Оказывается так. Она одна из так называемых раскаявшихся грѣшниц. Предло-

---

201) Марія Владиміровна Гагаринская, поклонница Распутина, во время русско-германской войны — сестра милосердія. Друг Вырубовой. За полноту Распутин прозвал ее «Шарик», отсюда — «Шурик», «Шура».

202) Марія Евгеньевна Головина, дочь камергера, поклонница Распутина.

203) Владимір Митрофанович Пуришкевич (1870—1920), д. с. с. член Гос. Дуды 2, 3 и 4 созыва от Бессарабской и Курской губ. Крайній правый, один из основателей Союза Русскаго Народа и Союза Михаила Архангела. В русско-германскую войну — уполномоченный Краснаго Креста. Участник убійства Распутина.

204) Владимір Николаевич Воейков (род. в 1868 г.), генерал-майор свиты е. в. С августа 1907 г. по декабрь 1913 — командир ЛГВ Гусарскаго полка. С 24 декабря 1913 г. до Февральской революціи — дворцовый комендант.

205) Павел Григорьевич Курлов (1860—1923), ген.-лейт., б. прокурор вологодскаго окружного суда, товарищ прокурора московской судебной палаты, б. курскій и минскій губернатор. В 1906 г. — член совѣта министра внутренних дѣл. В 1907 г. — начальник главнаго тюремнаго управленія. С 1909 г. по октябрь 1911 г. — командующій отдѣльным корпусом жандармов и товарищ министра

жила свои услуги по политическому сыску. Предала своих, свою партію, в которой работала. Это она по указанію властей (главным образом, очевидно, Столыпина) разыграла сказку про то, что члены Государственной Думы с.-д. (она, видно, сама раньше работала в этой партіи) якобы подготовляли заговор, воззваніе к войскам или что-то в этом родѣ. С этим документом в руках добилась того, к чему стремилась. «Кабинет» (?). Арестовали всю фракцію с.-д.—в, членов Думы, а Думу разогнали. Казалось бы, что послѣ того, как работник оказал такую услугу правительству, оно (то-есть тот же министр) должен озаботиться о ея судьбѣ. Правда, она р в а н ь, гадина, но эту гадину использовали. Она сдѣлала лучшее для нас дѣло. Надо ее, если не наградить, то хоть устроить. А о ней совсѣм позабыли. Кинули, как ......(206), отправили в горячій момент куда-то — и позабыли. И тут началось самое интересное. В партіи она под подозрѣніем. Ее ищут. На нее.....(207) Мѣстная власть (208) от нея отмахивается, а ей ѣсть нечего. Рваная, полуголодная, она мечется, пишет, напоминает... А они, голубчики, мирно дѣлят лавры.

Кончилось тѣм, что обо всем этом узнали союзники (С. М. А.) (209) и скандал вылился через край.

При такой постановкѣ (210) дѣла какое отношеніе может создаться между правительством и агентами сыска?

внутренних дѣл, завѣдующій дѣлами департамента полиціи. В октябрѣ 1911 г. зачислен в резерв чинов петроградскаго военнаго округа. Во время войны состоял в распоряженіи главнаго начальника снабженія Сѣверо-Западнаго фронта, позднѣе исполнял обязанности по гражданскому управленію Прибалтійскими губерніями. 23 октября 1916 г. назначен товарищем министра внутренних дѣл. Уволен 25 ноября 1916 г.

206) Неразборчиво.

207) Неразборчиво. Возможно — «охотятся».

208) Казанское жандармское управленіе. Шорникова проживала в то время в Казани.

209) Союз Михаила Архангела.

210) В текстѣ ошибочно написано «обстановкѣ».

Конечно, всякій рвет себѣ кусок, пока можно. А послѣ меня — хоть трава не расти!

Интереснѣе всего в этом то, что когда начинают разбираться, то виноватых нѣт. Власть валит вину с Ивана на Петра. Ну, и солидарность при этом замѣчательная. Чтобы обѣлить себѣ хоть кончик уха, готовы запутать три десятка своих сработников.

Солидарности им бы научиться у тѣх же революціонеров, через которых они выслуживаются. Когда Александр Эрикович разсказывал мнѣ о ней, то хотѣл обратить мое вниманіе на то, что такая Шорникова могла бы пригодиться для той цѣли, о которой я ему говорила. Я с этим его мнѣніем не согласна. Я бы и вообще не сказала, что он умѣет отыскивать людей. Нѣт, она не годится. Уж очень это все гадко!

1908. 5 августа.

От этих ищеек житья нѣт. Они не только стараются выслужиться перед Папой и Мамой, но, чтобы сковырнуть друг друга, ведут такія сплетни, создают заговоры, чтобы....... (211) в ликвидаціи их. Проклятые! И никого они не пропустят, никого! А когда заврутся, то теряют нить. Этой скверной ищейкѣ Герасимову (212) почему-то вздумалось поохотиться на старца. Врешь, поганый, тут ничего не получишь!

А было это так. У Герасимова своя свора (больше по ....) (213). Они не только человѣка, но и птицы на лету не пропустят. Конечно, тогда, когда это им выгодно.

Кто то донес Герасимову, что у меня бывает старец (их нюх наводит их только на революціонеров: на них всего легче выѣхать).

---

211) Неразборчиво. Повидимому «отличиться».

212) Александр Васильевич Герасимов (род. в 1861 г.) с 1905 по 1909 г. начальник петербургскаго охраннаго отдѣленія. Позднѣе — генерал для порученій при шефѣ жандармов.

213) Пропуск.

Герасимов сдѣлал, очевидно, страшные глаза — из зависти — ну и разсказал все Столыпину

Тот, как большой, распорядился и все передал Папѣ (214).

Папа сказал Мамѣ. Мама — мнѣ. Старец уѣхал. А дальше? Дальше то, что Мама о нем уже много раз меня спрашивала. Тянется к нему душой. Говорит:

— За мной, за царицей, шпіонят. И это называется охраной!

5 сентября.

Еще одна отличительная черта. При полной тишинѣ этим ночным воронам дѣлать нечего. Онѣ тогда предполалагают другое. Кинут свою ищейку в гущу революціонеров. Тот раздует там кадило, а если это не помогает, то просто составят какой-нибудь заговор позаористѣй и начнут с ним носиться: вот мы, мол, какіе спасители! Всѣх спасли, Папу и Маму! И если для наглядности надо «убрать» кого (хотя бы из своих), то и это разрѣшается. Я не знаю, как это называется и чѣм вызываются такія дѣйствія охраннаго отдѣленія, но и это дѣлается. Столы-

---

214) Столыпин неоднократно указывал Николаю на гибельныя послѣдствія, могущія произойти от близости Распутина к царской четѣ. В началѣ 1911 г. им был составлен исчерпывающій доклад о «старцѣ», приведшій, однако, к совершенно неожиданному результату. Николай выслушал Столыпина и поручил ему вызвать Распутина и лично убѣдиться в том, «каков он есть человѣк». Столыпин вызвал к себѣ Распутина, который, войдя в кабинет премьера, стал испытывать над ним силу своего гипнотическаго вліянія. «Он бѣгал по мнѣ своими бѣлесоватыми глазами и произносил какія-то загадочныя и безсвязныя изрѣченія из св. Писанія, как то необычайно разводил руками, и я чувствовал, что во мнѣ пробуждается непреодолимое отвращеніе к этой гадинѣ, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человѣкѣ большая сила гипноза, и что он на меня производил какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатлѣніе. Преодолѣв себя, я прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основаніи документальных данных он у меня в руках, и я могу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, в виду

пин убит своими же (215). И для чего? Во-первых, возможность выслужиться, ну и освободить мѣсто для своего .... (216), чѣм для себя. Все это кошмарно Все это разбой. И всѣм этим людям довѣрена династія и лучшіе слуги.

9 сентября.

Старец сказал вчера:

—Мама с ея свѣтлой головой одного не понимает: что из десяти покушеній на Папу и Маму — девять придуманных этими прохвостами. И им без этого нельзя. Это их хлѣб. Если, скажем, к примѣру, волков нѣт, то для чего собак держать близ стада?.. А собаки ѣсть хотят... Потому — ежели волка нѣт, под волка собаку одѣнут и пустят. Вот он, мол, волк! Мы его растерзаем, а ты нам по куску сама кинь.

Старец именно так же, как и я, понимает это.

А когда я спросила, почему он об этом Мамѣ не скажет, он отвѣтил:

— С царями надо говорить умѣючи. Как по веревкѣ над пропастью ходить... И еще то надо знать, что надо, чтобы Мама извѣстную осторожность блюла. Ну, и еще чтобы знала, что за ее и Папу старец молится и отводит руку врага.

Так, старец находит, что наши с ним размышленія об этих Герасимовых и Ко не должны касаться ушей Мамы и Папы.

Ему виднѣе.

Меня только одно особенно огорчает, это чрезмѣрное нахальство этих господ, когда они, добиваясь мѣст,

---

чего рѣзко приказал ему немедленно, безотлагательно, и при том доброовльно, покинуть Петербург, вернуться в све село и больше сюда не появляться». (Приводимый М. В. Родзянко разсказ Столыпина о свиданіи с Распутиным. «Крушеніе имперіи»).

215) Столыпин был убит в Кіевѣ 1 сентября 1911 г. охранником-провокатором Богровым. Организація убійства приписывалась генералу Курлову, в ту пору начальнику охраны в Кіевѣ.

216) Пропуск.

лент, орденов и окладов, даже путем кровавым, приходят ко мнѣ, разыгрывают героев и не желают видѣть, как я их презираю. Если бы не чувство деликатности, то отвернулась бы и дверь закрыла.

— Всѣ, — говорит мой зять, — должны, как опытный царедворец, умѣть лукавить.

Эта наука небольшая. Особенно, если ее изучать у моего зятя. Он научит!

Шурик говорит:

— Мой муж дѣлает карьеру.

И сдѣлает, конечно.

— Этой рукой, — говорит он, — 80 бунтарей ухлопал! А надо будет, так и 800 ухлопаю!

Это, конечно, большая заслуга перед родиной, но мнѣ как женщинѣ было бы тяжело, если бы эта рука меня ласкала. Почему тяжело, не знаю, но опредѣленно тяжело.

Всякая смерть есть смерть. Я не говорю на войнѣ, гдѣ убивают спасаясь. Правда, «бунт» это — тоже война. И все же, когда один убивает 80, то значит эти 80 связанные. И каждый раз, когда он говорит об этом, у меня какой-то против него внутренній протест.

Я говорила по этом уповоду со старцем. Он говорит:

— Такіе люди государственные — они царю нужны! «На страх врагам!» Потому ему всякія награды должны быть... и будут... А мы их грѣхи перед Господом замаливать будем! Вот!

Против старца не спорю. А в душѣ какая-то горечь. Что же дѣлать, если уж иначе нельзя? Политика требует жертв...

27 октября— 12.

Христос сказал: Царствіе Божіе для дѣтей и праведников. Это часто повторяет старец. И на этот раз глаза его горѣли такой злобой, что я испугалась.

— Дѣтей, ребят обижают! Вот ироды! Аспиды! — кричал он. — Скажу Мамѣ, что это ея женское дѣло — о дѣтях имѣть заботу.

А было все это вызвано вот чѣм: старец шел от меня. Направился не парком, а улицей. Видит — городовой гонит (говорит — гонит, как поросят) дѣтей, да еще подзатыльники дает. Старец за ним. Он в участок, и старец туда же. При чем, разсказывает старец, одна дѣвченка, маленькая, лѣт 8-ми, ноги в крови и из носу кровь хлещет — это от подзатыльников. Пришел старец в участок, а его пристав узнал. Стал мелким бѣсом разсыпаться.

А он ему:

— Веди, гдѣ у тебя тут дѣтвора содержится!

Тот стал отнѣкиваться. А старец крикнул:

— Веди, а то во дворец звонить буду!

Повел.

— А там, — говорит старец, — срамота: дѣти на голом полу, и соломы вдоволь нѣт. Вшивыя. Всѣ в ранах. Пищат, голодныя. А их подзатыльниками кормят. И это в Царском Селѣ, рядом с Мамой, с Папой! Как будто они там в каком-нибудь отдаленном углу!

— Этак, — говорит пристав, — приходится их иногда недѣлями выдерживать до суда.

— А маленьких куда? — спрашивает старец.

— В попечительство, да там никогда мѣст нѣт. Особенно нѣт для уличных.

— Ловко, — говорит старец. — И попечительство, стало быть, для того, у кого рука есть! А эти, — пущай их вша заѣст!

Очень волновался старец. Долго бесѣдовал с Мамой.

На-днях выработан новый устав о малолѣтних преступниках. Попутно с этим сдѣлано распоряженіе, коим предписывается болѣе суток не содержать дѣтей при участках, направляя их в попечительство, гдѣ должны быть приспособлены временныя помѣщенія.

— Вот, — говорит старец, — как дадут старшим подзатыльника, так про малых вспомнят!... Ах, как много безобразія кругом!

И он прав, как всегда. А наши старшіе только то и дѣлают, что грызутся — кому мѣстечко потеплѣе.

9 марта—12.

Вчера Мама говорила, получила письмо от в. к. Павла (217). Он только и знает, что поет. Все выпрашивает милостей для своей жены. И все пишет: «Наш Владя... (218) Наш сын»...

Мама смѣется; разсказывает скандальныя подробности о в. к. Маріи (219). Отец, т. е. в. к. Павел Александрович пишет Папѣ:

«Если бы ты видѣл наму Мари, это милое дитя! Что они с ней сдѣлали! Она так блѣдна, так измучена, что на нее тяжело смотрѣть» (220).

Мама говорит:

— Когда же и кто уже успѣл ее измучить? Да и какое это дитя, которое чуть ли не с брачной постели кидается на авантюры. Ищет защиты у отца, который своим отношеніем к браку развязывает руки дѣтям. Подробности этого брака, — говорит Мама о бракѣ в. к. Маріи Павловны со шведским принцем — полны пикантных подробностей. При чем это 17-лѣтнее дитя Марія может дать 20 очков вперед своему болѣе опытному супругу... Лучше бы, говорит мама, не выносить эту грязь на свѣт.

Мама полагает, что все это слѣдствіе вліянія отца на

---

217) В. кн. Павел Александрович.

218) Кн. Владимір Павлович Палей (1895—1918) сын в. кн. Павла Александровича от брака с гр. Гогенфельзен, позднѣе кн. Палей; поручик ЛГВ Гусарскаго полка; поэт.

219) В. кн. Марія Павловна, дочь Павла Александровича от перваго брака. 20 апрѣля 1908 г. была выдана опекунами за Вильгельма принца Шведскаго, герцога Зюдерманландскаго.

220) В октябрѣ 1913 г. в. кн. Марія Павловна оставила своего мужа и вернулась к родителям (См. письмо Павла Александровича к Николаю от 21 октября 1913 г., опубликованное в книгѣ «Николай II и великіе князья»). В 1914 г. брак этот был расторгнут и Марія Павловна вышла замуж вторично за кн. А. М. Путятина, сына начальника царскосельскаго дворцоваго управленія.

дѣтей. Я бы этого не сказала. Кругом столько грязи, что при желаніи за хорошим примѣром долго ходить не придется.

Одно должна сказать (что бы ни говорили враги Папы и Мамы): лучшей семьи, в смыслѣ взаимнаго отношенія, как семья Мамы, я не встрѣчала. И только люди очень развращенные или не отдающіе себѣ отчета, могут считать отношенія Мамы к старцу чѣм-нибудь иным, как поклоненіе чисто религіозное:

Я бы сказала: »тут все от Бога и во имя Бога».

И мнѣ так больно слышать, как скверно говорят по этому поводу. Даже близкіе мнѣ люди не хотят понять, что в отношеніях Мамы к старцу нѣт и не может быть плотскаго.

Они должны бы понять хоть такую простую вещь, что старец, несмотря на свою простоту, очень умен и очень чуток. Он знает, как Папа любит Маму и какой он ревнивый, как же можно допустить хоть какой-нибудь намек на другія отношенія, кромѣ тѣх, о которых я говорю?

А в умѣ и в чуткости старца даже его враги не могут ему отказать.

Он взглянет на человѣка — и его глазами просвѣтит. И такой человѣк не пойдет и не поведет другого на риск; а кто лучше старца знает Папу? Не только то, что он думает, а как думает, во что выливается его настроеніе. Ну, по моему мнѣнію, так думают только очень неумные люди, уже не говоря о честности...

19 мая—12.

Старец вчера зашел невзначай, я его не видѣла. Он говорил, что вечером занят. У меня Шурик сидѣла, Мума, ну, Петровнушка (221) гадала. Не мнѣ, а Мумѣ. К ней послѣднее время упорно присматривается генерал Совранов. По моему мнѣнію, он и стар для нея и уж очень урод-

---

221) Няня Вырубовой.

лив, с короткой нотой. Ну, а Вѣра Вал. (222) говорит:

— Все же положеніе даст, да и со средствами... Принят при дворѣ...

Вижу, что Мумѣ он противен. Но она примиряется. Очевидно, очень уж тяжело живется им. Есть желанія, есть молодость, а средств нѣт. Да. Ну, и вот, гадала ей Петровнушка.

— Ничего, — говорит, — из этого не выйдет. Дороги расходятся ваши... Важный генерал в одну сторону, а ты в другую...

Не успѣла окончить — зашел старец.

Она смутилась.

А он говорит:

— А ты постой колдуньюшка... Им гадаешь и мнѣ погадай!

— Не стану, — говорит Петровнушка, — гадать. Вы сами лучше моего гадаете!

А старец и говорит:

— Я не гадаю. И гадают невѣрно... А это ты, бабка, хорошо дѣлаешь, что барынь моих тѣшишь, побольше им ври, они это любят!

Засмѣялся и ушел.

Утром мнѣ говорит Петровнушка:

— И что у него за глаза! Даже страшно.

Говорит, что всю ночь не могла заснуть. Все его страшные глаза снились.

Между прочим, я уж нѣсколько раз слышала такое мнѣніе о нем. Особенно он сильно дѣйствует, когда видишь его в первый раз.

(Французскій текст).

9 октября.

Опять мерзость. И ужас в том, что сдѣлали ее свя-

---

222) Очевидно, описка: читать слѣдует — «Викторовна»: Вѣра Викторовна Леонтович, полтавская помѣщица, поклонница Распутина, близкій друг Головиных.

щенники. О, Боже мой, прости им... Кругом мерзость!

Мама говорит:

— Этот храм рано или поздно прославится.

Почему она так думала?

В четверг вечером она пошла в эту пещерную церковь (223). С нею была только Марья Ивановна — няня Маленькаго. Когда онѣ подошли, им открыли дверь (храм был заперт). Мама направилась к аналою и увидѣла, что там горит свѣча. Она была так потрясена, что стала на колѣни и молилась в экстазѣ сорок минут.

Кто зажег свѣчу? Храм был заперт.

— Это Божій знак! — говорит Мама.

В церковь сдѣлали богатый вклад. Мама послала облаченіе священнику, чтобы он заботился о благолѣпіи храма.

(Русскій текст).

11 октября—12.

Пишет мнѣ Гнилушка (224). Он узнал о болѣзни Маленькаго (225), и знает еще о том, что старца (226) нѣт, и потому думает, не удастся ли чѣм поживиться.

И пишет мнѣ:

»Многоуважаемая Анна Александровна! Зная вашу искреннюю преданность дорогим нашему сердцу Папѣ и Мамѣ, а посему выслушайте меня. Меня объял ужас до слез, до сжиманія сердца, когда я узнал через газеты о том, что Маленькій опять болен и еще в такой момент, когда

---

223) Так называлась церковь, устроенная под Федоровским собором в Царском Селѣ.

224) Бадмаев.

225) Осенью 1912 г. в Скерневицах (Варшавской губ.), куда царская семья ѣздила на охоту, наслѣдник неудачно прыгнул в лодку, и этот прыжок вызвал у него внутреннее кровоизліяніе. Он три недѣли находился между жизнью и смертью.

226) О причинах отсутствія Распутина разсказывает М. В. Родзянко. В 1912 г., на шестой недѣлѣ Великаго поста, царская семья поѣхала в Крым. Вырубовой удалось посадить Распутина в свитскій поѣзд в купэ князя Туманова. Кто-то доложил об этом Нико-

нашего молитвенника нѣт с вами. А посему умоляю вас, отдайте это Мамѣ, и пусть в продолженіе трех дней ему аккуратно дают. Если отвар, принятый внутрь, то-есть выпитый, как чай, не понизит температуры, то положить компресс из того же отвара. Температура обязательно упадет. При чем прошу вас в это время никаких других лекарств не давать. Кормить овсянкой на молокѣ и чашку бульона в день. Важное условіе при леченіи — никаких других лекарств и строгое исполненіе предписаннаго мною. Только при таком условіи я ручаюсь за скорое и полное выздоровленіе. Если у кого-нибудь явится подозрѣніе, что эти лекарства ядовиты или, вообще, могут дать отрицательные результаты, то я предлагаю сдѣлать настой на три чашки воды и выпить в один пріем (взрослому) и находиться в полной безопасности» (227).

При письмѣ приложены пакетики с порошками.

Мама, обезсиленная безсонными ночами у постели Маленькаго, слабо улыбнулась на мое увѣреніе, что Маленькій от этих порошков поправится, однако, послушалась. Перед сном Маленькаго напоила, а утром Мамѣ дали телеграмму от старца, гдѣ он пишет:

«Мама моя дорогая, Господь услышал наши молитвы, твое дитя здорово. Молись. Григорій».

Когда Мама и Папа вошли с телеграммой и положили

лаю, который, по словам того же Родзянко, еще отдавал себѣ смутно в тот період отчет о событіях, и которому Родзянко не переставал открывать глаза на истинную физіономію «старца» и даже представил ему в мартѣ 1912 г. письменный доклад о Распутинѣ. Николай, узнав о том, что Распутин находится в поѣздѣ, велѣл на станціи Тосно остановить поѣзд, высадить «старца» и с агентом тайной полиціи отправить в Тобольскую губернію. С той поры Распутин при дворѣ нѣкоторое время не появлялся, пріѣзжая в Петербург на два,на три дня.

227) Текст этот представляет собою почти дословное повтореніе письма Бадмаева от 9 октября 1912 г., приводимаго В. П. Семенниковым в его книгѣ «За кулисами царизма».

на головку Маленькаго, он открыл глаза и весело засмѣялся. Мама опустилась на колѣни, а Папа заплакал. А Маленькій сказал:

— Не надо плакать! Пусть выведут мою лошадку, я ей дам сахару!

Маленькій здоров. Совершенно здоров. Мама как зачарованная, ходит, улыбаясь.

18 октября.

Когда об этом разсказали на половинѣ Гнѣвной, то она сказала:

— Удивляюсь, что исцѣленіе молитвой совпало с присланными лекарствами Бадмаева. Почему не раньше и не позднѣе? Это похоже на то, что они дѣйствуют заодно.

Князюшка Андроников разсказал мнѣ об этом и так хитро улыбнулся.

О, Побирушка проклятый, как зловонный ст.... (228) портит воздух своим дыханіем.

Удивительно противный человѣк! И знает вѣдь, поганый, что его терпят только до тѣх пор, пока он пугает. И выбросят при первой возможности...

Мама говорит:

— Всякаго, когда он выдохнется, можно выбросить. А князя Андроникова выбросить недостаточно. У него надо выбросить язык и отрѣзать обѣ руки, чтобы ни сказать, ни написать ничего не мог

Он этого дождется.

18 ноября—10.

Мама говорит:

— Если я все прощу этому мерзавцу кн. Андроникову, то за послѣднюю измѣну старцу я когда-нибудь с ним разсчитаюсь! Вырвать поганый язык и отрубить обѣ руки, пусть он задыхается от всѣх тайн, которыя не может выплюнуть! Эти тайны, как змѣй, его задушат!

Дѣло в том, что Мама увѣрена, что это он внушил

---

228) Недописано.

Бадмаеву мысль передать всѣ свѣдѣнія о старцѣ в Государственную Думу (229).

Навела справки.

Дѣло обстояло так:

Когда послѣ бесѣды с Папой Родзянко (230) сказал кн. Андроникову: «Государь, слава Богу, открывает глаза. и судьба этого проклятаго мужика на-днях рѣшается», князюшка Побирушка забил тревогу, убѣдил Сову — Бадмаева повернуть руль, сойтись с Думой. А для того, чтобы сойтись, надо прислужиться, а чтоб прислужиться (231), надо кого-нибудь.

И как Іуда предал Христа, так они предали его лучшаго сына на землѣ — святого старца.

И как распяли Христа, так он предает распятію. осмѣянію святого старца.

И чѣм больше будут над ним издѣваться невѣрные. тѣм ближе он будет сердцу Мамы и моему любящему сердцу.

Запрос в Думѣ о старцѣ (232), как и надо было ожи-

---

229) Предназначавшуюся для Николая записку Иліодора о Распутинѣ Бадмаев передал предсѣдателю Госуд. Думы.

230) Михаил Владимірович Родзянко (1859—1924) камергер. Окончил Пажескій корпус. Служил в кавалерійском полку. В 1882 году оставил службу и был зачислен в запас гвардейской кавалеріи. В 1883 г. избран Новомосковским очередным уѣздным собраніем почетным мировым судьей. В 1886 г. — предводитель дворянства Новомосковскаго уѣзда. В 1900 г. — предсѣдатель Екатеринославской губернской земской управы. В 1906 г. вошел в реформированный Госуд. Совѣт представителем от Екатеринославской губ. В Госуд. Думѣ 3 созыва — предсѣдатель земельной комиссіи и товарищ предсѣдателя фракціи Союза 17 октября. Избран предсѣдателем Госуд. Думы послѣ сложенія Гучковым званія предсѣдателя Госуд. Думы 3 созыва. Предсѣдатель Госуд. Дуды 4 созыва. 26 февраля. по опубликованіи акта о роспускѣ Госуд. Думы, стал во главѣ Временнаго Комитета Госуд. Думы.

231) В текстѣ — «прислушаться, а чтобы прислушаться», что повидимому, описка.

232) Запрос в Думѣ послѣдовал в связи с изъятіем из продажи брошюры приват-доцента Московской духовной академіи Новосе-

дать, был праздник для Гнѣвной и ея компаніи, но они праздновали недолго. Когда на третій день послѣ запроса Родзянко был с докладом у Папы, Мама, когда он вышел, не подала ему руки. И вышла, не удостоив его поклоном.

Когда послѣ его ухода, Папа зашел, Мама сказала:

— Неужели мы предадим того, кто своей молитвой вернул нам нашего наслѣдника?

И еще тише прибавила:

— Уйдет он — уйдет и наша благодать.

Папа сказал:

— Когда я слушаю тебя, — знаю, что ты права и точно вижу его перед собой, а когда слушаю Думу, то чувствую какой-то позор, какое-то страшное, невѣдомое носится над нами. И еще должен сказать, что их требованія болѣе разумны.

Папа ушел подавленный.

5 декабря—12.

Папа был у меня. Глаза в туманѣ. Голова опущена. Глубоко вздыхает. Угнетен.

— Аня, Аня, Мама больна, Мама очень больна! Она говорит: «Уйдет старец — уйдет благодать». Я чувствую, что в ней говорит болѣзнь и страх, и она этой болѣзнью меня заражает. Что нам дѣлать? Что нам дѣлать?

И точно не я, а какой-то внутренній голос шепнул за меня:

— Позвать старца... и Мама поправится. И он скажет, что дѣлать.

И лицо Папы прояснилось, и он сказал:

— Я и сам так думал. Но не хотѣл, чтоб это рѣшеніе исходило от меня. Я уже себѣ, как и Мамѣ не довѣряю...

Сегодня вызвала старца.

9 декабря—12.

Старец говорит:

лова, документально уличавшаго Распутина в сектантствѣ (М. В. Родзянко. «Крушеніе имперіи»).

— Мнѣ легче дерево с корнями вырвать, чѣм Папу в чем убѣдить. Легче суковатое дерево зубами изгрызть, чѣм с царями говорить!.. Вѣдь я им не свои слова говорю, а то, что мнѣ из нутра кричит!

Была утром у Мамы. Пришли Папа со старцем, говорили относительно в. к. Михаила Александровича (233). Старец говорит:

— Он тебѣ кровный?

Папа молчит.

Старец стукнул кулаком по столу. Маленькій закричал. Мама поблѣднѣла. Папа подошел.

— Видишь, — говорит старец, — дитя чистым сердцем почувствовало, что кровному надо на все сердцем отозваться. А ты своих умников слушаешь.

Мама поцѣловала руку старца, и Папа сказал:

— Подумаю...

А потом тихо прибавил:

— Ты прав, мой мудрый учитель, и будет так, как ты сказал.

А Маленькій сказал:

— Папа будет всѣх любить! — и весело так засмѣялся.

Когда Маленькій смѣется, то Мама говорит:

— Ангелы . . . . . (234)

Потом старец сказал:

— С Папой говорить — камни ворочать!

10 января.

По моему мнѣнію Воейков играет скверную игру. Он боится старца, боится меня, вьется, а чуть-что — за спиной гадит.

Старец об этом знает и говорит:

---

233) Возможно, что рѣчь идет о гнѣвѣ Николая на в. кн. Михаила Александровича, вступившаго в октябрѣ 1912 г. в морганатическій брак с Натальей Сергѣевной Шереметевской (по первому мужу Мамонтовой, по второму—Вульферт), которая послѣ этого брака получила фамилію Брасовой.

234) Пропуск в одну строку.

— Он пустой, такіе не страшны.

А все же я лично думаю, что Воейков придет с повинной раньше, чѣм даже старец ожидает. Он не притти не может, потому что у него есть заинтересованность в том, чтобы устроилось дѣло со шпалами.

23 іюня—13.

Мума (235) в отчаяніи: предсказаніе Петровнушки сбылось, генерал отъѣхал.

Вчера были у старца. Пріѣхала какая-то из Москвы. Очень изящная, красивая, держит себя независимо. Из купеческих. Из семьи Высоцких. Маша (236) говорит, на ней одних только камней столько, что можно купить особняк на Мойкѣ. Намекнула на особняк, купленный князем Мещерским для этой цыганки. Кстати — говорят, что он готовит из нея что-то вродѣ Грипы. Говорят, что он ее выдвигает, как замѣну старцу.

Старый осел!

Кстати, на какія деньги купили особняк? По имѣющимся свѣдѣніям, были даны какія-то деньги на газету, и еще на поддержаніе в провинціи «союзников». Кто их разберет! Мутная водица с запахом гнили. И новый пакостник на пакостникѣ.

Возвращаюсь к москвичкѣ

Маша говорит

— Она все время заигрывает со старцем. Видно по поведенію — кокотка...

А старец смѣется:

— Пускай, — говорит, — попрыгает, накинем узду!

— Однако, — говорит Маша, — нам неудобно. Это так не вяжется с тѣм, как мы относимся к старцу. Для нас всѣх он такой свѣтлый, такой святой. А она с ним так пошло затѣивает.

Ну и доигралась.

---

235) В текстѣ ошибочно — «Мама»

236) М. И. Вишнякова.

Что у нея было со старцем, я не знаю. Маша говорит, что он ее лечил от припадков.

Только на днях явилась она. Пришла, когда полный стол молящихся. Вдруг она это врывается, подбѣгает к старцу и громко так на всю комнату кричит: «Со всѣми б.... Всѣх.... А теперь вмѣстѣ молитесь? Старец взял это ее за руку и крикнул: «На колѣни! Молись!... И мы за тебя помолимся!» Она еще громче, и его и всѣх назвала б..... Всѣ встрепенулись. Подошла к ней Акулина (237), а она, поганая, ей прямо в лицо плюнула и скверно обозвала. Старец взял со стола соль и сыпнул ей во слѣд с криком: «Уйди, поганая!» Она нейдет. Он ее швырнул, она упала и завыла. Он сказал всѣм: «Помолитесь за одержимую!» А она что-то крикнула...

Мума (238) не разобрала, только помянула Иліодорушку, ну, и Маму,

Ее вывели. Она арестована.

Старец говорит, хоть она и шпіон, все же он думает просить, чтобы к ней не очень строго относились...

Но она сама себя осудила: повѣсилась в своей одиночной палатѣ.

Больная она или преступница?

Возможно, что и больная.

О ней не пишут, не говорят.

2 августа—13.

Состояніе Мамы очень тяжелое. Она жалуется на то, что ее опять преслѣдуют кошмары. И еще одно непріятно —она начинает бояться своих же людей. Послѣ той исторіи с Зинотти Мама очень измѣнилась к ней. Почувствовала какой-то страх. Когда у Мамы начинается полоса

---

237) Акилина Никитишна Лаптинская, крестьянка Могилевской губ., с которой Распутин познакомился в Октайском монастырѣ, гдѣ она была послушницей, и из которой он «изгнал бѣса». Проживала при Распутинѣ. Во время войны — сестра милосердія в санитарном поѣздѣ Александры Федоровны.

238) Повидимому, читать слѣдует «Маша».

страха, весь дом в ужасѣ. Особенно это сказывается на Папѣ. Тут как-то Мама мнѣ сказала:

— Я знаю, что на нашу охрану тратятся большія суммы. Значит — сотни людей. Но от этого мнѣ не легче, так как именно от них я жду измѣны. Нас могут поразить не потому, что это им будет нужно, а потому, что Иван сдѣлает это для того, чтобы подвести Степана.

Эта манія преслѣдованія подтачивает силы Мамы, и никто, кромѣ старца, не может ее успокоить.

Мы шли парком. Дорогой шла нищенка. Узнав Маму, опустилась на колѣни. Мама велѣла отдать ей кошелек. Не вставая с колѣн, нищая шепнула:

— Какая же горькая твоя доля!

Мама не сразу ее поняла. Когда мы отошли, Мама спросила:

—Что она сказала?

Я, не желая тревожить Маму, сказала:

— Она сказала, будет молиться за милость.

— А я думаю, что она сказала, что я болѣе нея нуждаюсь в милости.

У Мамы есть это свойство — угадывать слова, которыя она не сразу понимает.

Вчера ночью Мама проснулась с криком:

— Что с Маленьким?

Ей почудилось, что его укусила змѣя. Пришлось вызвать старца. Он полагает, что Мамѣ хорошо было бы поѣздить. Доктор вполнѣ с ним согласен. Мама сказала:

— Никуда не поѣду, так как старцу с нами ѣхать нельзя, а без него боюсь остаться.

2 января—14.

Видѣла вчера эту книжку, присланную в. к. Павлом Александровичем. Называется она: «Царствованіе Государя Императора Николая Александровича» (239).

---

239) Книга, составленная Елчаниновым, была издана в 1913 г. к 300-лѣтію дома Романовых. Для заграничнаго изданія переведена

Удивительно, как они нетактичны! Кому нужна такая книга? Если бы ее написал какой-нибудь писака из наших, ну хотя бы князь Мещерскій, ну, или Пуришкевич, я бы поняла. Всякій по этому дѣлает карьеру.

Но для чего, для чего это нужно?.. И так все просто, так грубо льстиво. Становится стыдно за нашу высшую аристократію.

Она (240) его, Папу, называет «глубоким», «кротким» и «устойчивым, как скала». А еще недавно в салонѣ Гнѣвной говорили с ея слов — «флюгарка с короной», так она называла Папу.

По моему мнѣнію, и первое и второе невѣрно. Он, Папа, не скала, но и не флюгарка. В нем достаточно если не силы воли, то упрямства, чтобы поставить на своем там, гдѣ он считает нужным. И это уже имѣла возможность испытать семья в. к. Павла Александровича на себѣ с большим успѣхом.

Мама говорит:

— Эта книжка, очевидно, имѣет политическое значеніе, но читать ее.... (241).

А Папа говорит:

—Книжка не для нас, а для тѣх, кто знает, как читать.

А по мнѣ, как ни читай — одинаково противно. Тѣм болѣе, что, по моему усмотрѣнію, она политически еще бѣднѣе, чѣм литературно.

Если бы мы говорили о Россіи, то особа царя неприкосновенна, и никто не станет с ним знакомиться через эту

на французскій язык женой в. кн. Павла Александровича, графиней Гогенфельзен, впослѣдствіи кн. Палей. Предисловіе к заграничному изданію было написано академиком Сегюром (см. письмо в. кн. Пав. Ал. к Николаю от 29 мая 1913 г. в книгѣ «Николай II и великіе князья».

240) Гр. Гогенфельзен (кн. Палей).

241) Пропуск.

книжку. Ну, а за границей? Там такими сахарными барашками никого не удивишь. Слащаво, неумно.

И старец смѣется:

— Пускай князюшка тѣшится. Ему это пріятно. А до других какое ему дѣло? Вѣдь он никак знает, что его всѣ старшим дураком над дураками считают.

А на мой вопрос, как ему книжка нравится, сказал:

— Что на дешевую карточку смотрѣть, коли лицо живое тут!

И еще прибавил:

— Дураки они, вот что! Папа куда умнѣе того снимка, что нарисовали.

28 февраля—14.

Вчера Мама разсказывала, что ее поразил Маленькій.

— Каждый раз, когда Маленькій бывает у Гнѣвной, это влечет за собой цѣлый ряд непріятных вопросов. Вот и на этот раз Маленькій сказал:

— Почему я рѣдко вижу свою бабушку? Я ее очень люблю, и она меня любит.

Мама на него посмотрѣла при этом, и он закричал и затопал ногами:

— Да, да, любит меня!

Мама говорит: когда Маленькій так закричит, то она пугается — такая в нем непокорность и угроза.

— Да, да, любит! — кричал он. — Вчера, когда я играл с Додо, она так цѣловала мою голову и плакала и говорила: «Милый, милый мальчик!»

А потом Маленькій еще спросил:

— Почему бабушка меня жалѣет? Я вѣдь теперь здоров.

И еще много говорил о бабушкѣ, о Гнѣвной.

Потом сказал:

— Вот, няня говорит, что в деревнях всегда бабушки живут вмѣстѣ и все разсказывают дѣтям сказки. Почему у нас так нельзя?

Мама говорит, что ее всегда волнует эта большая любовь Маленькаго к Гнѣвной. Она подозрѣвает тут чье-то вліяніе.

Отчего не допустить искреннее родственное чувство?

Странно.

Этим заканчиваем «Дневник» и переходим к подлинным воспоминаніям фрейлины А. А. Вырубовой.

Спала, 21 октября 1913 г.

В день восшествія на престол, Их Величества и кто хотѣл из приближенных, причащались св. Тайн.

Великія Княжны играли со мной в 4 руки любимыя Государем 5-ую и 6-ую симфонію Чайковскаго. Вспоминаю. Тихонько за нами открылась дверь и, осторожно ступая по мягкому ковру, вошел Государь; мы замѣтили его присутствіе по запаху папиросы. Стоя за нами, он слушал нѣсколько минут и потом также тихо ушел.

Наконец врачи рѣшили перевезти цесаревича въ Царское Село. Много разсуждала свита: можно ли по этикету ѣхать мнѣ в царском поѣздѣ? По желанію Их Величеств я поѣхала с ними. Дивный царскій поѣзд, в котором теперь катаются большевики, был похож на уютный дом. В помѣщеніи Государя, обитом зеленой кожей, помѣщался большой письменный стол. Их Величества вѣшали иконы над диванами, гдѣ спали, что придавало чувство уютности. Вагон Алексѣя Николаевича был также обставлен всевозможными удобствами; фрейлины и я помѣщались в том же вагонѣ. Как только отъѣхали от Спалы, Их Величества, посѣтив Алексѣя Николаевича, постучались ко мнѣ и просидѣли цѣлый час со мной. Государь курил; их забавляло, что мы ѣдем вмѣстѣ.

В послѣднем вагонѣ помѣщалась столовая, перед ней маленькая гостинная, гдѣ подавали закуску и стояло піанино. За длинным обѣденным столом Государь сидѣл между двумя дочерьми, напротив его министр Двора и мы, дамы. Государынѣ обѣд подавали в ея помѣщеніи или у Алексѣя Николаевича. Он лежал слабенькій, но веселый, играя и болтая с окружающими.

В февралѣ этого года Их Величества переѣхали из

Царскаго Села в столицу, в Зимній Дворец. В день их переѣзда они с вокзала поѣхали в часовню Спасителя. Заранѣе никто об этом не знал. Шел тихій молебен, но конечно всѣ всполошились и Их Величества возвращались уже через собравшуюся толпу народа.

Юбилейныя торжества 300 лѣтія дома Романовых начались с молебна в Казанском соборѣ, переполненным придворными и приглашенными. Я издали видѣла Государя и Наслѣдника на колѣнях, все время смотрѣвших вверх; послѣ они разсказывали, что наблюдали за двумя голубями, которые кружились в куполѣ. Вслѣд за этим были выходы и пріемы депутацій в Зимнем Дворцѣ. Всѣ дамы по положенію были в русских нарядах. Так же Государыня и Великія Княжны. Несмотря на усталость, Государыня была поразительно красива в голубом, бархатном русском платьѣ, с высоким кокошником и фатой, осыпанной жемчугами и бриллiантами; на ней была голубая Андреевская лента, а у Великих Княжен красныя, с Екатерининской бриллiантовой звѣздой. Залы дворца были переполнены. Царской семьѣ пришлось стоять часами, пока им приносили поздравленія. В концѣ пріема Государыня так утомилась, что не могла даже улыбаться. Бѣднаго Алексѣя Николаевича принесли на руках. В Маріинском театрѣ шла «Жизнь за царя» с обычным энтузіазмом, проявляемом в подобных случаях. Все же я чувствовала, что нѣт настоящаго воодушевленія и настоящей преданности. Какая то туча висѣла над петербургскими торжествами. Государыня, повидимому, раздѣляла мои впечатлѣнія. Она не была счастлива: все в Зимнем Дворцѣ напоминало ей прошлое, когда, молодая и здоровая, она с Государем весело отправлялась в театр, и они, по возвращеніи ужинали вмѣстѣ у камина в его кабинетѣ. «Теперь я руина», — говорила она грустно.

В Зимнем Дворцѣ заболѣла тифом Великая Княжна Татьяна Николаевна и нельзя было сразу возвращаться в Царское Село. Татьянѣ Николаевнѣ постригли ея чудные волосы.

Весной они уѣхали на Волгу, в Кострому, Ярославль и т. д. Путешествіе это в нравственном смыслѣ утѣшило и освѣжило Их Величества. Прибытіе на Волгу сопровождалось необычайным подъемом духа всего населенія. Народ входил в воду по пояс, желая приблизиться к царскому пароходу. Во всѣх губерніях толпы народа привѣтствовали Их Величества пѣніем Народнаго Гимна и всевозможными проявленіями любви и преданности. Вся наша семья была приглашена дворянством в город Переяслав Владимірской губерніи, так как род наш оттуда происходит. Государыни не было, — она лежала в поѣздѣ больная от переутомленія, да кромѣ того заболѣла ангиной.

Московскія торжества были очень красивы; погода стояла чудная. Государь вошел в Кремль пѣшком, а перед ним шло духовенство с кадилами, как это было при первом царѣ, Михаилѣ Романовѣ. Государыня с Наслѣдником ѣхали в открытом экипажѣ, привѣтствуемые народом. Гудѣли всѣ московскіе колокола. Восторженныя привѣтствія во все пребываніе Их Величеств в Москвѣ повторялись каждый день, и казалось, ничто, ни время, ни обстоятельства, не измѣнит эти чувства любви и преданности.

ВОЙНА.

Мирно и спокойно для всѣх начался 1914 год, ставшій роковым для нашей бѣдной родины и чуть ли не для всего міра.

Государыня начала меня лично ревновать к Государю. Считая себя оскорбленною в своих самых дорогих чувствах, Императрица, видимо, не могла удержаться от того, чтобы не излить свою горечь в письмах к близким, рисуя в этих письмах мою личность далеко не в привлекательных красках.

Недоразумѣніе продолжалось не долго и потом безслѣдно исчезло, и в дальнѣйшем глубоко-дружественныя отношенія между мною и Государыней возрасли до степени полной несокрушимости, так что уже никакія послѣдующія испытанія, ни даже самая смерть — не в силах разлучить нас друг от друга.

Почти мѣсяц прошел послѣ убійства в Сараевѣ, но никто не думал, что этот звѣрскій акт повлечет за собой всемірную войну и паденіе трех великих европейских держав.

Австрія стала себя держать вызывающе послѣ Сараевскаго несчастья; Государь часами совѣщался с Великим Князем Николаем Николаевичем, министром Сазоновым и другими государственными людьми, убѣждавшими его поддержать Сербію.

Как то раз я отправилась завтракать к друзьям в Красное Село. Государь с утра также уѣхал в Красное на парад; вечером он должен был быть там же в театрѣ. Во время завтрака влетѣл граф Ностиц, служившій в главном штабѣ, со словами: «Знаете ли, что Государь на смотру

произвел всѣх юнкеров в офицеры и приказал полкам возвращаться в столицу на зимнія квартиры!»

По этому поводу среди военных агентов поднялся страшный переполох: всѣ посылают телеграммы своим правительствам. «У нас война!» — говорили присутствующіе.

Дни до объявленія войны были ужасны; видѣла и чувствовала, как Государя склоняют рѣшиться на опасный шаг. Играла я ежедневно с дѣтьми в теннис; возвращаясь, заставала Государя блѣднаго и разстроеннаго. Из разговоров с ним я видѣла, что и он считает войну неизбѣжной, но он утѣшал себя тѣм, что война укрѣпляет національныя и монархическія чувства, что Россія послѣ войны станет еще болѣе могучей, что это не первая война и т. д. В это время пришла телеграмма от Распутина из Сибири, гдѣ он лежал раненый, умоляя Государя: «не затѣвать войну, что с войной будет конец Россіи и им самим и что положат до послѣдняго человѣка». Государя телеграмма раздражила, и он не обратил на нее вниманія. Эти дни я часто заставала Государя у телефона (который он ненавидѣл и никогда не употреблял сам): он вызывал министров и приближенных, говоря по телефону внизу из дежурной комнаты камердинера.

Об общей мобилизаціи императрица ничего не знала. Вечером я разсказывала, какія раздирающія сцены я видѣла на улицах при проводах женами своих мужей. Императрица мнѣ возразила, что мобилизація касается только губерній, прилегающих к Австріи. Когда я убѣждала ее в противном, она раздраженно встала и пошла в кабинет Государя. Кабинет Государя отдѣлялся от комнаты Императрицы только маленькой столовой. Я слышала, как они около получаса громко разговаривали; потом она пришла обратно, бросилась на кушетку и обливаясь слезами, произнесла: «Все кончено, у нас война и я ничего об этом не знала!» Государь пришел к чаю мрачный и разстроенный и этот час прошел в тревожном молчаніи

Послѣдующіе дни я часто заставала Императрицу в слезах. Государь же был лихорадочно занят. Получена телеграмма от Императора Вильгельма, гдѣ он лично просил Государя, своего родственника и друга, остановить мобилизацію, предлагая встрѣтиться для переговоров, чтобы мирным путем окончить дѣло. Государь, когда принес эту телеграмму, говорил: что он не имѣет права остановить мобилизацію, что германскія войска могут вторгнуться в Россію, что по его свѣдѣніям, они уже мобилизованы, и «как я тогда отвѣчу моему народу? Императрица же до послѣдней минуты надѣялась, что можно предотвратить войну. 17 іюля вечером, когда я пришла к Государынѣ, она мнѣ сказала, что Германія обявила войну Россіи; она очень плакала, предвидя неминуемыя бѣдствія. Государь же был в хорошем расположеніи духа и говорил, что чувствует успокоеніе перед совершившимся фактом, что «пока этот вопрос висѣл в воздухѣ, было хуже!»

Посѣщеніе Их Величеств Петербурга в день объявленія войны, подтвердило предсказаніе Царя, что война пробудит національный дух в народѣ. Вездѣ тысячныя толпы народа, с національными флагами, с портретами Государя. Пѣніе гимна и «Спаси Господи люди твоя». Никто из обывателей столицы, я думаю, в тот день не оставался дома. Их Величества прибыли морем в Петербург. Они шли пѣшком от катера до Дворца, окруженные народом, их привѣтствующим. Мы еле пробрались до Дворца; по лѣстницам, в залах, вездѣ толпы офицерства и разныя лица, имѣющія проѣзд ко Двору. Нельзя себѣ вообразить, что дѣлалось во время выхода Их Величеств. В Николаевском залѣ послѣ молебна, Государь обратился ко всѣм присутствующим с рѣчью. В голосѣ его в началѣ были дрожащія нотки волненія, но потом он стал говорить увѣренно и с воодушевленіем и окончил словами: «Что не окончит войну, пока не изгонит послѣдняго врага из предѣлов русской земли». Отвѣтом было оглушительное «ура»; стоны восторга и любви; военные окружили толпой Государя, махали фуражка-

ми. кричали так, что казалось, стѣны и окна дрожат. Я плакала, стоя у двери залы. Их Величества медленно подвигались обратнои толпа, не взирая на придворный этикет, кинулась к ним; дамы и военные цѣловали их руки, плечи, платье Государыни. Она взглянула на меня, проходя мимо и я видѣла, что у нея глаза полны слез. Когда они вошли в Малахитовую гостиную, Великіе Князья побѣжали звать Государя показаться на балконѣ. Все море народа на Дворцовой площади, увидѣв его, как один человѣк опустилось перед ним на колѣни. Сконились тысячи знамен, пѣли гимн, молитвы... всѣ плакали... Среди чувства безграничной любви и преданности Перстолу — началась война.

Переѣхали в Царское Село, гдѣ Государыня, забыв свои недомоганія, организовала особый эвакуаціонный пункт, в который входило около 85 лазаретов в Царском Селѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, Лугѣ, Саблипѣ и других мѣстах. Обслуживали эти лазареты около 10 санитарных поѣздов. Ея имени и имени дѣтей. Чтобы лучше руководить дѣятельностью лазаретов, Императрица рѣшила лично пройти курс сестер милосердія военнаго времени с двумя старшими Великими Княжнами и со мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройп, женщину хирурга, завѣдывающую Дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с ней и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при Дворцовом госпиталѣ, и тотчас же приступали к работѣ — перевязкам, часто тяжело раненых. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операціонная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированныя ноги и руки, перевязывала гангренозныя раны, не гнушаясь ничѣм и стойко вынося запахи и ужасныя картины военнаго госпиталя во время войны. Объясняю себѣ тѣм, что она была врожденной сестрой милосердія.

Императрица и дѣти, на-ряду с другими сестрами, окончившими курс, получили красные кресты и аттестаты на

званіе сестер милосердія военнаго времени. По этому случаю был молебен в церкви общины, послѣ котораго Императрица и Великія Княжны подошли во главѣ сестер получить из руки начальницы красный крест и аттестат. Императрица была очень довольна; возвращаясь обратно в моторѣ, она радовалась и весело разговаривала.

Началось страшное трудное и утомительное время. Вставали рано, ложились иногда в два часа ночи. В 9 часов утра Императрица каждый день заѣзжала в церковь Знаменья, к чудотворному образу, и уже оттуда мы ѣхали на работу в лазарет. Наскоро позавтракав, весь день Императрица посвящала осмотру других госпиталей.

Во время тяжелых операцій раненые умоляли Государыню быть около. Императрицу боготворили, ожидали ея прихода, старались дотронуться до ея сѣраго сестринскаго платья; умирающіе просили ее посидѣть возлѣ кровати, поддержать им руку или голову и она, не взирая на усталость, успокаивала их цѣлыми часами.

В костюмѣ сестры с старшими Великими Княжнами, небольшой свитой и со мной, Государыня посѣтила Лугу, Псков, гдѣ работала Великая Княжна Марія Павловна младшая, Вильно, Ковно и Гродно. Здѣсь мы встрѣтились с Государем (тут произошел трогательный случай с умирающим офицером, который желал увидѣть Государя и умер в его присутствіи, послѣ того, как Государь, поцѣловав его, надѣл на него Георгіевскій крест).

Вскорѣ потом Государыня со старшими Княжнами, генералом Ресиным, командиром своднаго полка, фрейлиной и со мной отправилась в Москву. Здѣсь впервые мы почувствовали возрастающія интриги против Государыни. На вокзалѣ встрѣтили Государыню Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна со своим другом, госпожей Гордѣевой, начальницей Марфо-Маріинской общины. Генерал Джунковскій почему-то распорядился, чтобы пріѣзд Государыни в Москву был «инкогнито», так что никто об ея пріѣздѣ не знал. Проѣхали мы в Кремль по пустым улицам и про-

были в Москвѣ 3—4 дня. По указанію и в сопровожденіи Великой Княгини, Государыня объѣзжала лазареты, эвакуаціонные пункты и вокзалы, куда приходили поѣзда с фронта с ранеными. Фрейлина баронесса Буксгевден и я жили очень далеко от покоев Ея Величества; было цѣлое путешествіе, чтобы добраться до ея половины. Князь Одоевскій, начальник Кремлевскаго Дворца, устроил телефон между нашими комнатами и Императрица звонила ко мнѣ, когда была свободна.

Великая Княгиня, бывшая нашим другом в дѣтствѣ, холодно отнеслась ко мнѣ, отказываясь выслушать доводы Государыни о нелѣпых слухах, касающихся Распутина. С горестью я замѣчала возрастающія недоразумѣнія между сестрами, понимая, что разныя лица, вродѣ Тютчевой и компаніи, были тому причиной.

Фрейлина Тютчева поступила к Великим Княжнам по рекомендаціи Великой Княгини Елизаветы Өеодоровны; принадлежала она к старинной дворянской семьѣ в Москвѣ. Поступив, она сразу стала «спасать Россію». Она была не дурной человѣк, но весьма ограниченная. Двоюродным братом ея был извѣстный епископ Владимір Путята (1) (который сейчас в такой дружбѣ с большевиками). Этот епископ и всѣ иже с ним, имѣли огромное вліяніе на Тютчеву.

В Москвѣ я была огорошена разсказами моих родственников, князей Голициных, о царской семьѣ, вродѣ того, «что Распутин бывает чуть ли не ежедневно в дворцѣ, купает Великих Княжен п. т. д.», говоря, что слышали это от самой Тютчевой. Их Величества сперва смѣялись над этими баснями, но позже Государь вызвал Тютчеву к себѣ в кабинет и потребовал прекращенія подобных разсказов. Тютчева увѣряла, что ни в чем не виновата. Если впослѣдствіи Их Ве-

---

1) Б. гвардейскій офицер. Про него вел. кн. Марія Павловна сказала: «Когда Путята был офицером, он походил на монаха; когда стал монахом, походит на офицера». В послѣднее время опустился, лишен сана и нищенствует.

личества и чаще видали Распутина, то с 1911 года он не играл никакой роли в их жизни.

Тютчева и послѣ предупрежденія Государя не унималась; она съумѣла создать в придворных кругах безчисленныя интриги — бѣгала жаловаться семьѣ Ея Величества на нее же. Она повліяла на фрейлину Княжну Оболенскую, которая ушла от Государыни несмотря на то, что служила много лѣт и была ей предана. В дѣтской она перессорила нянь, так что Ея Величество, которая жила дѣтьми, избѣгала ходить наверх, чтобы не встрѣчаться с надутыми лицами. Когда же Великія Княжны стали жаловаться, что она возстановляет их против Матери, Ея Величество рѣшила с ней разстаться. В глазах Московскаго общества Тютчева прослыла «жертвой Распутина»; в самом же дѣлѣ всѣ нелѣпыя выдумки шли от нея, и она сама была главной виновницей чудовищных сплетен на семью Их Величеств.

Мы были рады уѣхать из Москвы. Проѣхали Орел, Курск и Харьков; вездѣ восторженныя встрѣчи и необозримое море народа.

6 декабря, в день именин Государя, мы встрѣтились с ним в Воронежѣ; затѣм Их Величества вмѣстѣ посѣтили Тамбов и Рязань. В Тамбовѣ Их Величества навѣстили Александру Николаевну Нарышкину, которая была их другом; (она была убита большевиками, несмотря на то, что очень много сдѣлала для народа).

Путешествіе Их Величеств закончилось Москвой. Их Величества радовались встрѣчѣ с маленькими дѣтьми. Перваго мы увидѣли Алексѣя Николаевича, который стоял вытянувшись во фронт, и Великих Княжен Марію и Анастасію Николаевны, которыя кинулись обнимать Их Величества.

В Москвѣ были смотры; посѣщали опять лазареты, ѣздили и в земскую организацію осматривать летучіе питательные пункты. Встрѣчал князь Львов (впослѣдствіи предавшій Государя); он тогда с почтеніем относился осо-

бенно к Алексѣю Николаевичу, прося его и Государя расписаться в книгѣ посѣтителей. Вечером иногда пили чай у Их Величеств в огромной голубой уборной Государыни, с чудным видом на Замоскворѣчіе.

Как-то раз Государь упомянул, что его просят принять сестру милосердія, вернувшуюся из германскаго плѣна: она привезла на себѣ знамя полка, которое спасла на полѣ битвы. В тот же день вечером ко мнѣ ворвались 2 сестры из той же общины, из которой была эта сестра. Со слезами онѣ разсказывали мнѣ, что ѣхали с ней вмѣстѣ из плѣна, что в Германіи ей оказывали большой почет нѣмецкіе офицеры; в то время, как онѣ голодали, ее угощали обѣдами и вином; что через границу ее перевезли в то время, как онѣ должны были идти пѣшком; что в поѣздѣ за 6 суток она ни разу перед ними не раздѣвалась, и что онѣ пріѣхали ко мнѣ от сестер общины, умоляя обратить на нее вниманіе. Онѣ так искренно говорили, что я не знала сперва, что дѣлать, и сочла обязанностью поѣхать и обо всем разсказать дворцовскому коменданту. На слѣдующій день, во время прогулки, я разсказала все Государю, который сперва казался недовольным. Вечером меня вызвал дворцовый комендант и разсказал мнѣ, что он с помощником ѣздил допрашивать сестру; во время разговора она передала коменданту револьвер, сказав, что отдает его, чтобы ее в чем либо не заподозрили и что револьвер этот был с ней на войнѣ. Комендант потребовал ея сумочку, которую она не выпускала из рук. Открыв ее, они нашли в ней еще 2 револьвера. Доложили Государю, который отказал сестрѣ в пріемѣ.

2 января 1915 г. произошла желѣзнодорожная катастрофа. Я ушла от Государыни и с поѣздом 5,20 поѣхала в город. Сѣла в первый вагон от паровоза, перваго класса; против меня сидѣла сестра Кирасирскаго офицера, г-жа Шиф. В вагонѣ было много народа. Не доѣзжая 6 верст до Петербурга, вдруг раздался страшный грохот, и я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой вниз и уда-

ряюсь об землю; ноги же запутались, вѣроятно, в трубы от отопленія, и я чувствовала, как онѣ переломались. На минуту я потеряла сознаніе. Когда пришла в себя, вокруг была тишина и мрак. Затѣм послышались крики и стоны придавленных под развалинами вагонов раненых и умирающих. Я сама не могла ни пошевельнуться, ни кричать; на головѣ у меня лежал огромный желѣзный брус, и из горла текла кровь. Я молилась, чтобы скорѣе умереть, так как невыносимо страдала.

Через нѣкоторое время, которое казалось мнѣ вѣчностью, кто-то приподнял осколок, придавшій мнѣ голову и спросил: «Кто здѣсь лежит?» Я отвѣтила. Оказалось, что нашел меня казак из конвоя Лихачев. С помощью солдата желѣзнодорожнаго полка он начал осторожно освобождать мои ноги; освобожденныя ноги упали на землю — как чужія. Боль была нестерпима. Я начала кричать. Больше всего я страдала от сломанной спины. Перевязав меня под руки веревкой, они начали меня тащить из-под вагонов; уговаривая быть терпѣливой. Помню, я кричала внѣ себя от неописуемых физических страданій. Лихачев и солдат выломили дверь в вагонѣ, переложили меня на нее и отнесли в маленькую деревянную сторожку неподалеку от мѣста крушенія. Я попросила Лихачева позвонить по телефону родителям и Государынѣ. Четыре часа я лежала умирающей на полу без всякой помощи. Прибывшій врач, подойдя ко мнѣ, сказал: «Она умирает, ее не стоит трогать!» Солдат желѣзнодорожнаго полка, сидя на полу, положил мои сломанныя ноги к себѣ на колѣни, покрыл меня своей шинелью (было 20 градусов мороза), так как шуба моя была изорвана в куски. Он же вытирал мнѣ лицо и рот, так как я не могла поднять рук, а меня рвало кровью.

Часа через два появилась княжна Гедройц в сопровожденіи княгини Орловой. Я обрадовалась приходу Гедройц, думая, что она сразу мнѣ поможет. Онѣ подошли ко мнѣ; княгиня Орлова смотрѣла на меня в лорнетку, Гедройц пощупала переломленную кость под глазом и, обернувшись к

княгинѣ Орловой, произнесла: «Она умираетъ» и вышла. Оставшись совершенно одной, так как остальных раненых уносили, я только молилась, чтобы Бог дал мнѣ терпѣніе. Только около 10 часов вечера по настоянію генерала Ресина, который пріѣхал из Царскаго Села, меня перенесли в вагон-теплушку, какіе-то добрые студенты-санитары.

Я видѣла в дверях генерала Джунковскаго, и когда меня положили на пол в вагонѣ, пришли мои родители. Папа плакал. Вновь появилась Гедройц; она вливала мнѣ по каплѣ коньяку в рот, разжимая зубы ложкой, и кричала в ухо: «Вы должны жить!» Но я теряла силы, страдала от каждаго толчка вагона, начались глубокіе обмороки.

Помню, как меня пронесли через толпу народа в Царском Селѣ и я увидѣла Императрицу и всѣх Великих Княжен в слезах. Меня перенесли в санитарный автомобиль и Императрица сейчас же вскочила в него; присѣв на пол, она держала мою голову на колѣнях и ободряла меня; я же шептала ей, что умираю. В лазаретѣ Гедройц впрыснула мнѣ камфору и велѣла всѣм выйти. Меня подняли на кровать, я потеряла сознаніе. Когда я пришла в себя, Государыня наклонилась надо мной, спрашивая, хочу ли я видѣть Государя. Он пришел. Меня окружали Их Величества и Великія Княжны. Я просила причаститься, пришел священник и причастил меня Св. Тайн. Послѣ этого я слышала, как Гедройц шепнула, чтобы шли со мной прощаться, так как я не доживу до утра. Я же не страдала и впала в какое-то блаженное состояніе. Помню, как старалась успокоить моего отца, как Государь держал меня за руку и, обернувшись, сказал, что у меня есть сила в рукѣ... Помню, как вошел Распутин и сказал другим: «Жить она будет, но останется калѣкой». Замѣчательно, что меня не обмыли и даже не перевязали в эту ночь. Меня постоянно рвало кровью; мама давала мнѣ маленькіе кусочки льда, — и я осталась жить.

Шесть недѣль я день и ночь мучилась нечеловѣческими страданіями. В 9 часов утра на слѣдующее утро мнѣ дали хлороформу и в присутствіи Государыни сдѣлали перевязку;

от тяжких страданій я проснулась, меня снова усыпили. У меня образовались два огромные пролежня на спинѣ. Мучилась я особенно от раздавленной правой ноги, гдѣ сдѣлался флебит, и от болей в головѣ — менингита; лѣвая, сломанная в двух мѣстах, нога не болѣла.

Затѣм сдѣлалось травматическое воспаленіе обоих легких. Гедройц и доктор Боткин попеременно ночевали в лазаретѣ, но первую не смѣли будить, так как тогда она кричала на меня же, умирающую. Сестры были молодыя и не умѣлыя, так что ухаживать за мною приходилось студентам и врачам. Послѣ 10 дней мученій, мать выписала фельдшерицу Карасеву, и, если я осталась жива, то благодаря заботливости и чудному уходу Карасевой. Гедройц ее ненавидѣла. Она же не допустила профессора Федорова меня лѣчить, сдѣлав сцену Государынѣ.

Государь, Государыня, дѣти и родители ежедневно посѣщали меня; посѣщенія эти породили много зависти: так завидовали мнѣ в тѣ минуты, когда я лежала умирающая!.. Государь, чтобы успокоить добрых людей, стал сначала обходить госпиталь, посѣщая раненых и только потом спускался ко мнѣ. Многіе друзья посѣщали меня. Пріѣхала сестра из Львова, куда ѣздила к мужу. а брата отпустили на нѣсколько дней с фронта. Приходил и Распутин. Помню, что в раздраженіи я спрашивала его, почему он не молится о том, чтобы я меньше страдала. Императрица привозила мнѣ ежедневно завтрак, который я отдавала отцу, так как сама ѣсть не могла. Она и дѣти часто напѣвали мнѣ в полголоса, и тогда я забывалась на нѣсколько минут, а то плакала и нервничала от всего.

Послѣ двух мѣсяцев мои родители и Карасева меня перевезли домой. Там, по просьбѣ друзей, меня осмотрѣл профессор Гагенторн. Он так и развел руками, заявив, что я совсѣм потеряю ногу, если на другой же день мнѣ не положат гипсовую повязку на бедро. Два мѣсяца нога моя была только на вытяженіи, и лишь одна голень в гипсовой повязкѣ; сломаннее же бедро лежало на подушках. Гаген-

торн вызвал профессора Федорова. Послѣдній, чтобы быть пріятным г-жѣ Гедройц и косвенно Государынѣ, которая вѣрила ей ,не желал вмѣшиваться в неправильное лѣченіе. Гагенторн не побоялся высказать свое мнѣніе и очень упрекал Федорова. Оба профессора, в присутствіи Ея Величества, в моей маленькой столовой на столѣ положили мнѣ гипсовую повязку. Я очень страдала, так как хлороформа мнѣ не дали. Государыня была обижена за Гедройц и первое время сердилась, но послѣ дѣло объяснилось. Гедройц перестала бывать у меня, о чем я не жалѣла.

Каждый день в продолженіи почти 4 мѣсяцев Государыня Марія Θеодоровна справлялась о моем здоровьи по телефону. Многіе добрые друзья навѣщали меня. Ея Величество пріѣзжала по вечерам. Государь был почти все время в отсутствіи. Когда возвращался, был у меня с Императрицей нѣсколько раз очень разстроенный тѣм, что дѣла наши на фронтѣ были очень плохи. Доктора пригласили сильнаго санитара Жука, который стал учить меня ходить на костылях. Он же меня вывозил лѣтом в креслѣ во дворец и в церковь, послѣ шести мѣсяцев, которые я пролежала на спинѣ.

Лѣтом 1915 г. Государь становился все болѣе и болѣе недовольным дѣйствіями на фронтѣ Великаго Внязя Николая Николаевича. Государь жаловался, что русскую армію гонят вперед, не закрѣпляя позицій и не имѣя достаточно боевых патронов. Как бы подтверждая слова Государя, началось пораженіе за пораженіем; одна крѣпость падала за другой, отдали Ковно, Новогеоргіевск, наконец, Варшаву. Императрица и я нидѣли на балконѣ в Царском Селѣ. Пришел Государь с извѣстіем о паденіи Варшавы; на нем, как говорится, лица не было; он почти потерял свое всегдашнее самообладаніе. — «Так не может продолжаться, — вскрикнул он, ударив кулаком по столу, — я не могу все сидѣть здѣсь и наблюдать за тѣм, как разгромляют армію; я вижу ошибки, — и должен молчать! Сегодня говорил мнѣ Криво-

шеин, — продолжал Государь, — указывая на невозможность подобнаго положенія.»

Государь разсказывал, что Великій Князь Николай Николаевич постоянно, без вѣдома Государя, вызывал министров в ставку, давая им тѣ или иныя приказанія, что создавало двоевластіе в Россіи. Послѣ паденія Варшавы, Государь рѣшил безповоротно, без всякаго давленія со стороны Распутина или Государыни или моей, стать самому во главѣ арміи; это было единственно его личным непоколебимым желаніем и убѣжденіем, что только при этом условіи враг будет побѣжден. «Если бы Вы знали, как мнѣ тяжело не принимать дѣятельнаго участія в помощи моей любимой арміи», — говорил неоднократно Государь. Свидѣтельствую, так как я переживала с ними всѣ дни до его отъѣзда в ставку, что Императрица Александра Θеодоровна ничуть не толкола его на этот шаг, как пишет в своей книгѣ М. Жилліард, и что будто из за сплетней, которыя я распространяла о мнимой измѣнѣ Великаго Князя Николая Николаевича, Государь рѣшился взять командованіе в свои руки. Государь и раньше бы взял командованіе, если-бы не опасеніе обидѣть Великаго Князя Николая Николаевича, как о том он говорил в моем присутствіи.

Ясно помню вечер, когда был созван Совѣт Министров в Царском Селѣ. Я обѣдала у Их Величеств до засѣданія, которое назначено было на вечер. За обѣдом Государь волновался, говоря, что какіе бы доводы ему не представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: «Ну, молитесь за меня!» Помню, я сняла образок и дала ему в руки. Время шло, Императрица волновалась за Государя, и когда пробило 11 часов, а он все еще не возвращался, она, накинув шаль, позвала дѣтей и меня на балкон, идущій вокруг дворца. Через кружевныя шторы, в ярко освѣщенной угловой гостинной были видны фигуры засѣдающих; один из министров, стоя, говорил. Уже подали чай, когда вошел Государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: «Я был непреклонен, посмотрите, как я вспо-

тѣл!» Передавая мнѣ образок и смѣясь он продолжал: «Я все время сжимал его в лѣвой рукѣ. Выслушав всѣ длинныя, скучныя рѣчи министров, я сказал приблизительно так: Господа! Моя воля непреклонна, я уѣзжаю в ставку через два дня! Нѣкоторые министры выглядѣли, как в воду опущенные!»

Государь казался мнѣ иным человѣком до отъѣзда. Еще один разговор предстоял Государю — с Императрицей-Матерью, которая наслышалась за это время всяких сплетней о мнимом нѣмецком шпіонажѣ, о вліяніи Распутина и. т. д., и, думаю, всѣм этим басням вполнѣ вѣрила. Около двух часов, по разсказу Государя, она уговаривала его отказаться от своего рѣшенія. Государь ѣздил к Императрицѣ-Матери в Петроград, в Елагинскій Дворец, гдѣ Императрица проводила лѣто. Государь разсказывал, что разговор происходил в саду; он доказывал, что если будет война продолжаться так, как сейчас, то арміи грозит полное пораженіе. Государь передавал, что разговор с матерью был еще тяжелѣе, чѣм с министрами, и что они разстались, не поняв друг друга.

Перед отъѣздом в армію, Государь с семьей причастился Св. Таин в Θеодоровском соборѣ; я приходила поздравлять его послѣ обѣдни, когда они всей семьей пили чай в зеленой гостинной Императрицы.

Из ставки Государь писал Государынѣ, и она читала мнѣ письмо, гдѣ он писал о впечатлѣніях, вызваных его пріѣздом. Великій Князь был сердит, но сдерживался, тогда как окружающіе не могли скрыть своего разочарованія и злобы: «точно каждый из них намѣревался управлять Россіей!»

Все, что писалось в иностранной печати, выставляло Великаго Князя Николая Николаевича патріотом, а Государя орудіем германскаго вліянія. Но как только Помазанник Божій стал во главѣ своей арміи, счастье вернулось к русскому оружію и отступленіе прекратилось.

Один из величайших актов Государя во время войны, это запрещеніе продажи вин по всей Россіи.

В октябрѣ Государь вернулся ненадолго в Царское Село и, уѣзжая, увез с собой Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Это был первый случай, что Государыня с ним разсталась. Она очень по нем тосковала, — и Алексѣй Николаевич ежедневно писал матери большим дѣтским почерком. В 9 часов вечера она ходила наверх в его комнату молиться, — в тот час, когда он ложился спать

Государыня весь день работала в лазаретѣ.

Желѣзная дорога выдала мнѣ за увѣчье 100.000 рублей. На эти деньги я основала лазарет для солдат-инвалидов, гдѣ они обучались всякому ремеслу; начали с 60 человѣк, а потом расширили на 100. Испытав на опытѣ, как тяжело быть калѣкой, я хотѣла хоть нѣскольким облегчить их жизнь в будущем. Через год мы выпустили 200 человѣк мастеровых, сапожников, переплетчиков. Впослѣдствіи может быть не раз мои милые инвалиды спасали мнѣ жизнь во время революціи, это показывает, что все же есть люди, которые помнят добро.

Не взирая на самоотверженную работу Императрицы, продолжали кричать, что Государыня и я германскія шпіонки. В началѣ войны Императрица получила единственное письмо от своего брата, Принца Гессенскаго, гдѣ он упрекал Государыню в том, что она так мало дѣлает для облегченія участи германских военноплѣнных. Имперетрица со слезами на глазах говорила мнѣ об этом. Как могла она что-либо сдѣлать для них? Когда Императрица основала комитет для наших военноплѣнных в Германіи, через который они получили массу посылок, то газета «Новое Время» напечатала об этом в таком духѣ, что можно было подумать, что комитет этот в Зимнем Дворцѣ основан собственно для германских военноплѣнных. Кто-то доложил об этом графу Ростовцеву, секретарю Ея Величества, но ему так и не удалось помѣстить опроверженіе.

Всѣ, кто носил в это время нѣмецкія фамилія, подозрѣвались в шпіонажѣ. Так, граф Фредерикс и Штюрмер, не говорившіе по нѣмецки, выставлялись первыми шпіонами; но больше всего страдали балтійскіе бароны; многих из них без причин отправляли в Сибирь по приказанію Великаго Князя Николая Николаевича, в то время как сыновья их и братья сражались в русской арміи. В тяжелую минуту Государь мог бы скорѣе опереться на них, чѣм на русское дворянство, которое почти все оказалось не на высотѣ своего долга. Может быть шпіонами были скорѣе тѣ, кто больше всего кричал об измѣнѣ и чернил имя русской Государыни!

Но армія была еще предана Государю. Вспоминаю ясно день, когда Государь, как то раз вернувшись из Ставки, вошел сіяющій в комнату Императрицы, чтобы показать ей Георгіевскій крест, который прислали ему арміи южнаго фронта. Ея Величество сама приколола ему крест, и он заставил нас всѣх к нему приложиться. Он буквально не помнил себя от радости.

Отец мой — единственный из всѣх министров понял поступок Государя, и написал Государю сочувственное письмо. Государь ему отвѣтил чудным письмом. В этом письмѣ Государь изливает свою наболѣвшую душу, пишет, что далѣе так продолжаться не может, объясняет, что именно побудило его сдѣлать этот шаг, и заканчивает словами: «управленіе же дѣлами Государства, конечно, оставляю за собою». Подпись гласила: «Глубоко Вас уважающій и любящій Николай».

В 1918 году, когда я была в третій раз арестована большевиками, при обыскѣ было отобрано с другими бумагами и это историческое письмо.

Трудно и противно говорить о петроградском обществѣ, которое, не взирая на войну, веселилось и кутило цѣлыми днями. Рестораны и театры процвѣтали. По разсказу одной французской портнихи, ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915—1916 годов, и не

покупалось такое количество бриллiантов: война как будто не существовала.

Кромѣ кутежей общество развлекалось новым и весьма интересным занятiем, распусканiем всевозможных сплетней на Императрицу. Типичный случай мнѣ разсказывала моя сестра. К ней утром влетѣла ея belle soeur г-жа Дерфельден, со словами: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как Императрица спаивает Государя, и всѣ этому вѣрят«. Разсказываю об этом типичном случаѣ, так как дама эта была весьма близка к великокняжескому кругу, который сверг Их Величества с престола, и неожиданно их самих. Говорили, что она присутствовала на ужинѣ в домѣ Юсуповых в ночь убiйства Распутина.

Из Австрiи прiѣхала одна из городских фрейлин Императриц, Марiя Александровна Васильчикова, которая была другом Великаго Князя Сергѣя Александровича и его супруги и хорошо знакома с Государыней. Васильчикова просила прiема у Государыни, но так как она прiѣхала из Австрiи, которая в данную минуту воевала с Россiей, ей в прiемѣ отказали. Прiѣзжала ли она с политической цѣлью, или нѣт, осталось неизвѣстным, но фрейлинскiй шифр с нея сняли и выслали ее из Петрограда в ея имѣнiе. Клеветники же увѣряли, что она была вызвана Государыней для переговоров о сепаратном мирѣ с Австрiей или Германiей.

Дѣло о Васильчиковой было, между прочим, одним из обвиненiй, которое и на меня возводила слѣдственная комиссiя. Все, что я слыхала о ней, было почерпнуто мной из письма Елизаветы Ѳеодоровны к Государынѣ, которое она мнѣ читала. Великая Княгиня писала, чтобы Государыня ни за что не принимала „that horrid masha" Вспоминая дружбу Великой Княгини с ней, которой я была свидѣтельницей в дѣтствѣ, мнѣ стало грустно за нее.

Клевета на Государыню не только распространялась в обществѣ, но велась также систематически в армiи, в высшем командном составѣ, а болѣе всего союзом земств и городов.

В этой кампаніи принимали дѣятельно участіе знаменитые Гучков и Пуришкевич. Так в вихрѣ увеселеній и кутежей и при планомѣрной организованной клеветѣ на Помазанников Божьих — началась зима 1915—1916 года, темная прелюдія худших времен.

Весной 1916 года здоровье мое еще не вполнѣ окрѣпло, и меня послали с санитарным поѣздом, переполненным больными и раноными солдатами и офицерами, в Крым. Со мной поѣхали 3 агента секретной полиціи — будто бы для охраны, а в сущности с цѣлью шпіонажа.

Эта охрана была одним из тѣх неизбѣжных зол, которые окружали Их Величества. Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой «охраны«; она говорила, что Государь и она хуже плѣнников. Каждый шаг Их Величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Их Величествам большаго удовольствія, как «надуть» полицію; когда удавалось избѣгнуть слѣжки, пройти или проѣхать там, гдѣ их не ожидали, они радовались, как школьники.

За свою жизнь они никогда не страшились и за всѣ годы я ни разу не слышала разговора о каких либо опасеніях с их стороны. Как раз во время прогулки с Государем в Крыму, «охранник» сорвался с горы и скатился прямо к ногам Государя. Нужно было видѣть его лицо. Государь остановился и, топнув ногой, крикнул: «Пошел вон!» Несчастный кинулся бѣжать.

Однажды гуляя с Императрицей в Петергофѣ, мы встрѣтили моего отца и Императрица долго с ним бесѣдовала. Только что мы отошли, как на него наскочили два «агента» с допросом «по какому дѣлу он смѣл безпокоить Государыню». Когда отец назвал себя, они моментально отскочили — странно было им его не знать...

Итак, я отправилась на юг. Государыня при проливном дождѣ, пріѣхала проводить поѣзд. Мы ѣхали до Евпаторіи 5 суток. Городской голова Дуван дал мнѣ помѣщеніе в его дачѣ, окруженной большим садом на самом берегу

моря; здѣсь я прожила около двух мѣсяцев, принимая грязевыя ванны. За это время я познакомилась с нѣкоторыми интересными людьми, между прочим с караимским Гахамом, образованным и очень милым человѣком. Он, как и всѣ караимы, был глубоко предан Их Величествам. Получила извѣстіе, что Ея Величество уѣхала в Ставку, откуда вся царская семья должна была проѣхать на смотры в Одессу и Севастополь. Государыня телеграммой меня вызвала к себѣ. Отправилась я туда в автомобилѣ через степь, цвѣтущую красными маками, по проселочным дорогам. В Севастополь дежурный солдат из за военнаго времени не хотѣл меня пропустить. К счастью я захватила телеграмму Государыни, которую и показала ему. Тогда меня пропустили к царскому поѣзду. Завтракала с Государыней. Государь с дѣтьми вернулся около 6 часов с морского смотра. Ночевала я у друзей, и на другой день вернулась в Евпаторію. Их Величества обѣщались пріѣхать вскорѣ туда же, и дѣйствительно, 16 мая они прибыли на день в Евпаторію.

Встрѣча в Евпаторіи была одна из самых красивых. Толпа инородцев, татар, караимов в національных костюмах; вся площадь перед собором — один сплошной ковер розанов. И все залито южным солнцем. Утро Их Величества посвятили разъѣздам по церквам, санаторіям и лазаретам, днем же пріѣхали ко мнѣ и оставались до вечера; гуляли по берегу моря, сидѣли на пескѣ и пили чай на балконѣ. К чаю мѣстные караимы и татары прислали всевозможныя сласти и фрукты. Любопытная толпа, которая все время не расходилась, не дала Государю выкупаться в морѣ, чѣм он был очень недоволен. Наслѣдник выстроил крѣпость на берегу, которую мѣстные гимназисты обнесли послѣ забором и оберегали как святыню. Обѣдала я в поѣздѣ у Их Величеств и проѣхала с ними нѣсколько станцій.

В концѣ іюня я вернулась в Царское Село. Лѣто было очень жаркое; но Государыня продолжала свою неутомимую дѣятельность. В лазаретѣ, к сожалѣнію, слишком привыкли к частому посѣщенію Государыни: нѣкоторые офицеры в

ея присутствіи стали себя держать развязно. Ея Величество этого не замѣчала; когда я нѣсколько раз просила ее ѣздить туда рѣже и лучше посѣщать учрежденія в столицѣ, Государыня сердилась.

Атмосфера в городѣ сгущалась, слухи и клевета на Государыню стали принимать чудовищные размѣры ,но Их Величества, и в особенности Государь, продолжали не придавать им никакого значенія и относились к этим слухам с полным презрѣніем, не замѣчая грозящей опасности. Я сознавала, что все, что говорилось против меня, против Распутина или министров, говорилось против Их Величеств, но молчала. Родители мои тоже понимали, насколько серьезно было положеніе; моя бѣдная мать получила два дерзких письма, одно от княгини Голицыной, „belle soeur“ Родзянко, — второе от г-жи Тимашевой. Первая писала, что она *и* на улицѣ стыдится показаться с моей матерью, чтобы люди не подумали, что она принадлежит к «нѣмецкому шпіонажу». Родители мои в то время жили в Теріоках и я их изрѣдка навѣщала.

Единственно, гдѣ я забывалась, — это в моем лазаретѣ, который был переполнен. Купили клочек земли и стали сооружать деревянные бараки. Многіе жертвовали мнѣ деньги на это доброе дѣло, но и здѣсь злоба и зависть не оставляли меня; люди думали, вѣроятно, что Их Величества дают мнѣ огромныя суммы на лазарет. Лично Государь мнѣ пожертвовал 20.000. Ея Величество денег не жертвовала, а подарила церковную утварь в походную церковь. Меня мучали всевозможными просьбами, с ранняго утра до поздней ночи. И всѣ говорили в один голос: «Ваше одно слово все устроит.» Я никого не гнала вон, но положеніе мое было очень трудное. Если я за кого просила то или иное должностное лицо, то лишь потому, что именно я прошу — скорѣе отказывали; а убѣдить в этом бѣдноту было так же трудно, как увѣрить ее в том, что у меня нѣт денег.

Как то придя ко мнѣ, одна дама стала требовать, чтобы я содѣйствовала назначенію ея мужа губернатором. Когда

я начала убѣждать ее, что не могу ничего сдѣлать, она раскричалась на меня и грозила мнѣ отомстить...

Как часто я видѣла в глазах придворных и разных высоких лиц злобу и недоброжелательность. Всѣ эти взгляды я всегда замѣчала и сознавала, что иначе не может быть послѣ пущенной травли и клеветы, чернившей через меня Государыню. Посидѣв в тюрьмах и часто голодая и нуждаясь, я каюсь ежечасно, что мало думала о страданіи и горѣ других, — особенно же заключенных: им и калѣкам хотѣла бы посвятить жизнь, если Господь приведет когда-либо вернуться на родину.

В жаркіе лѣтніе дни Государыня иногда ѣздила кататься в Павловск. Она заѣзжала за мной в коляскѣ; за нами в четырехмѣстном экипажѣ ѣхали Великія Княжны. Онѣ выходили из экипажей в отдаленной части Павловскаго парка и гуляли по лужайкам, собирая полевые цвѣты. Однажды мы ѣхали в Павловск по дорогѣ к «бѣлой березѣ». Правил любимый Их Величествами кучер Коньков. Вдруг один из великолѣпнѣйших вороных рысаков захрипѣл, повалился на бок и тут же околѣл. Вторая лошадь испугалась и стала биться. Императрица вскочила, блѣдная и помогла мнѣ выйти. Мы вернулись в экипажѣ дѣтей. На меня этот случай произвел тяжелое впечатлѣніе. Конюшенное начальство приходило потом извиняться.

В лазаретах в Царском Селѣ устраивали для раненых всевозможныя развлеченія и концерты, в которых принимали участіе лучшіе пѣвцы, разсказчики и т. д.

В августѣ из Крыма пріѣхал Гахам караимскій. Он представлялся Государынѣ и нѣсколько раз побывал у наслѣдника, который слушал с восторгом легенды и сказки, которыя Гахам ему разсказывал. Гахам первый умолял обратить вниманіе на дѣятельность сэра Бьюкэнена и на заговор, который готовился в стѣнах посольства с вѣдома и согласія сэра Бьюкэнена. Гахам раньше служил по Министерству Иностранных Дѣл в Персіи и был знаком с политикой англичан. Но Государыня отвѣчала, что это сказки,

так как Бьюкэнен был полномочный посол Короля Англійскаго, ея двоюроднаго брата и нашего союзника. В ужасѣ она оборвала разговор.

Через нѣсколько дней мы уѣхали в Ставку навѣстить Государя. Вѣроятно, всѣ эти именитые иностранцы, проживавшіе в Ставкѣ, одинаково работали с сэром Бьюкэненом. Их было множество: генерал Вильямс со штабом от Англіи, генерал Жанен от Франціи, генерал Рикжель — бельгіец, а также итальянскіе, сербскіе, японскіе генералы и офицеры. Как то раз послѣ завтрака всѣ они и наши генералы и офицеры штаба толпились в саду, пока Их Величества совершали «серблъ», разговаривая с приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали Государыню обидными словами и во всеуслышаніе дѣлали замѣчанія: «вот она снова пріѣхала к мужу передать послѣднія приказанія Распутина». — «Свита», — говорил другой, — «ненавидит, когда она пріѣзжает; ея пріѣзд обозначает перемѣну в правительствѣ» и т. д. Я отошла, мнѣ стало почти дурно. Но Императрица не вѣрила и приходила в раздраженіе, когда я ей повторяла слышанное.

Великіе Князья и чины штаба приглашались к завтраку, но Великіе Князья часто «заболѣвали» и к завтраку не появлялись во время пріѣзда Ея Величества; заболѣвал также генерал Алексѣев. Государь не хотѣл замѣчать их отсутствія. Государыня же мучилась, не зная что предпринять. При всем ея умѣ и недовѣрчивости, Императрица к моему изумленію не сознавала, какой нежеланной гостьею она была в Ставкѣ. Ѣхала она только окрыленная любовью к мужу, считая дни до их свиданія. Я лично угадывала разныя оскорбленія, и во взглядах, и в «любезных» пожатіях руки и понимала, что злоба эта направлена через меня на Государыню.

Вскорѣ Их Величества узнали, что генерал Алексѣев, талантливый офицер и помощник Государя, состоял в перепискѣ с предателем Гучковым. Когда Государь его спро-

сил, он отвѣтил, что это неправда. Чтобы дать понятіе, как безудержно в высшем командном составѣ плелась клевета на Государыню, разскажу слѣдующій случай.

Генерал Алексѣев вызвал генерала Иванова, главнокомандующаго арміями южнаго фронта, и заявил ему, что, к сожалѣнію, он уволен с поста главнокомандующаго по приказанію Государыни, Распутина и Вырубовой. Генерал Иванов не повѣрил генералу Алексѣеву. Он отвѣтил ему: «Личность Государыни Императрицы священна для меня,— другія же фамиліи я не знаю!» Алексѣев оскорбился недовѣріем к нему генерала Иванова и пожаловался на него Государю, который его стал не замѣчать. Генерал Иванов, разсказывая мнѣ об этом, плакал; слезы текли по его сѣдой бородѣ. Государь, думаю, гнѣвался на Алексѣева, но в такое серьезное время, вѣроятно, не знал, кѣм его замѣнить, так как считал его талантливѣйшим генералом. Впослѣдствіи Государь измѣнил свое обращеніе с генералом Ивановым и был к нему ласков.

В Ставкѣ, Государыня с дѣтьми и свитой жила в поѣздѣ. В час дня за нами пріѣзжали моторы, и мы отправлялись в губернаторскій дом к завтраку. Два казака конвоя стояли внизу, наверх вела крутая лѣстница; первая комната была зала, гдѣ ожидали выхода Их Величеств. Большая столовая с темными обоями. Из залы шла дверь в темный кабинет и спальню с двумя походными кроватями Государя и Наслѣдника. Лѣтом завтракали в саду в палаткѣ. Сад был расположен на высоком берегу Днѣпра, откуда открывался чудный вид на рѣку и окрестности Могилева. Мы радовались, смотря на Алексѣя Николаевича. Любо было видѣть, как он вырос, возмужал и окрѣп; он выглядѣл юношей, сидя около отца за завтраком; пропала и его застѣнчивость: он болтал и шалил. Особенным его другом стал старик бельгіец генерал Риккель.

Каждый день послѣ завтрака наши горничныя привозили нам из поѣзда, платья, и мы переодѣвались в каком-нибудь углу для прогулки. Государь уходил гулять со сви-

той. Императрица оставалась в лѣсу с Алексѣем Николаевичем, сидя на травѣ. Она часто разговаривала с проходившими и проѣзжавшими крестьянами и их дѣтьми. Народ казался мнѣ там несчастным. Бѣдно одѣтые и приниженные, когда они узнавали, кто с ними говорит, они становились на колѣни и цѣловали руки и платье Государыни; казалось, что крестьяне несмотря на ужасы войны, оставались вѣрными своему царю. Окружающая же свита и приближенные жили своими эгоистичными интересами, интригами и козням, которыя они строили друг против друга.

Послѣ прогулки и чая в губернаторском домѣ, Государыня возвращалась к себѣ в поѣзд. Сюда к обѣду пріѣзжали Государь и Алексѣй Николаевич; фрейлина и я обыкновенно обѣдали с августѣйшей семьей.

Среди неправды, интриг и злобы, было однако и в Могилевѣ одно свѣтлое мѣстечко, куда я приносила свою больную душу и слезы. То был Братскій Монастырь. Там находилась чудотворная икона Могилевской Божіей Матери. Я каждый день урывала минутку, чтобы съѣздить приложиться к иконѣ. Услышав об иконѣ, Государыня также ѣздила раза два в монастырь. Был и Государь, но в нашем отсутствіи. В одну из самых тяжелых минут душевной муки, когда мнѣ казалась близка неминуемая катастрофа, помню, я отвезла Божіей Матери мои брилліантовыя серьги. По странному стеченію обстоятельств, единственную маленькую икону, которую мнѣ разрѣшили имѣть в крѣпости, была икона Божіей Матери Могилевской, — отобрав всѣ остальныя, солдаты швырнули мнѣ ее на колѣни... И первое привѣтствіе по освобожденіи из Петропавловской крѣпости была та же икона, присланная из Могилева монахами, вѣроятно узнавшими о моем заключеніи.

В послѣдній раз, когда мы ѣздили в Ставку, в одно время с нами пріѣхала туда княгиня Палѣй с дѣтьми, чтобы навѣстить Великаго Князя Павла Александровича. Она пріѣхала из Кіева, гдѣ жила Императрица-Мать и Великіе Князья Александр Михайлович и Николай Михайлович. Я

два раза была у них, один раз одна, второй раз с Их Величествами и дѣтьми. Мнѣ было тяжело слышать их разговор, так как они пріѣхали начиненныя сплетнями и слухами, и не вѣрили моим опроверженіям. Вторым событіем был пріѣзд в ставку Родзянко, который требовал удаленія Протопопова. Рѣдко кого Государь «не любил», но он «не любил» Родзянку, принял его холодно и не пригласил к завтраку. Но за то Родзянко чествовали в штабѣ! Видѣла Государя вечером. Он выглядѣл блѣдным и за чаем почти не говорил. Прощаясь со мной он сказал: «Родзянко has worried me awfully. I feel his motives are quite false». Затѣм разсказал, что Родзянко увѣрял его, что Протопопов будто-бы сумасшедшій!.. «Вѣроятно с тѣх пор, как я назначил его министром», — усмѣхнулся Государь. Выходя из двери вагона, он еще обернулся к нам, сказав: «Всѣ эти господа воображают, что помогают мнѣ, а на самом дѣлѣ только между собой грызутся; дали бы мнѣ окончить войну»... и, вздохнув, Государь прошел к ожидавшему его автомобилю.

На душѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе; генерал Воейков жаловался, что Великіе Князья заказывают себѣ поѣзда иногда за час до отъѣзда Государя, не считаясь с ним, и если генерал отказывал, то строили против него всякія козни и нтриги.

В послѣдній раз мы были в ставкѣ в ноябрѣ 1916 г. Его Величество уѣзжал с нами, а также его многочисленная свита и Великій Князь Дмитрій Павлович. Послѣдній сидѣл на кушеткѣ, гдѣ лежала Государыня, и разсказывал ей всевозможные анекдоты; дѣти и я работали тут же, смежная дверь в отдѣленіе Государя была открыта и он занимался за письменным столом. Изрѣдка он подходил к дверям с папиросой в руках и, оглядывая нас своим спокойным взглядом, вдруг от души начинал смѣяться какой-нибудь шуткѣ Великаго Князя Дмитрія Павловича. Вспоминая это путешествіе, я послѣ думала: неужели тот же Великій Князь Дмитрій Павлович через три недѣли мог

так сильно опечалить и оскорбить Их Величества?...

Вскорѣ как то раз, прійдя днем к Государынѣ, я застала ее в горьких слезах. На колѣнях у нея лежало только-что полученное письмо из Ставки. Я узнала от нея, что Государь прислал ей письмо Великаго Князя Николая Михайловича, которое тот принес самолично и положил ему на стол. Письмо содержало низкія, несправедливыя обвиненія на Государыню и кончалось угрозами, что если она не измѣнится, то начнутся покушенія. «Но что я сдѣлала?!» — говорила Государыня, закрывая лицо руками. По разсказу одного из флигель-адъютантов в Ставкѣ знали цѣль пріѣзда Великаго Князя Николая Михайловича, и потому были не мало удивлены, когда увидѣли его приглашенным к завтраку.

Государь любил Государыню больше своей жизни. Объясняю себѣ подобное поведеніе только тѣм, что всѣ мысли Государя были поглощены войной.

Помню, как в это время он нѣсколько раз упоминал о будущих перемѣнах конституціоннаго характера. Повторяю, сердце и душа Государя были на войнѣ; к внутренней политикѣ, может быть, в то время он относился слишком легко. Послѣ каждаго разговора он всегда повторял: «выгоним нѣмца, тогда примусь за внутреннія дѣла!» Я знаю, что Государь все хотѣл дать, что требовали, но — послѣ побѣдоноснаго конца войны. «Почему», — говорил он много, много раз и в ставкѣ и в Царском Селѣ, — «не хотят понять, что нельзя проводить внутреннія государственныя реформы, пока враг на русской землѣ? Сперва надо выгнать врага!» Казалось и Государыня находила, что в минуту войны не стоило заниматься «мелочами», как она выражалась.

Раз вечером она показала мнѣ дерзкое письмо княгини Васильчиковой, но только сказала: „That is not all clever, or well brought up on her part“, и смѣясь добавила: „at least she could have written on a proper piece of paper, as on writes to a Sovereign“·

Письмо было написано на двух листочках из блокнота. Государь побѣлѣл от гнѣва. Сразу приказал вызвать графа Фредерикса. К нему было страшно подойти. Третье подобное дерзкое письмо написал ей первый чин Двора, нѣкто Балашев, чуть ли не на десяти страницах У Государыни тряслись руки, пока она читала. Видя ея душевную скорбь, в сотый раз спрашивала себя: что случилось с петроградским обществом? Заболѣли ли они всѣ душевно; или заразились какой-то эпидеміей, свирѣпствующей в военное время. Трудно разобрать, но факт тот: всѣ были в ненормально возбужденном состояніи.

В декабрѣ 1916 года Ея Величество, чтобы отдохнуть душою, поѣхала на день в Новгород с двумя Великими Княжнами и маленькой свитой, гдѣ посѣтила лазареты, монастыри, и слушала обѣдню в Софійском соборѣ. До отѣзда Государыня посѣтила Юрьевскій и Десятинный Монастыри. В послѣднем она зашла к старицѣ Маріи Михайловнѣ, в ея крошечную келью, гдѣ в тяжелых веригах на желѣзной кровати лежала много лѣт старушка. Когда Государыня вошла, старица протянула к ней свои высохшія руки и произнесла «Вот идет мученица — царица Александра!» Обняла ее и благословила. Через нѣсколько дней старица почила.

Через два дня послѣ нашего возвращенія из Новгорода, именно 17 декабря, началась «безкровная революція» убійством Распутина. 16 декабря днем Государыня послала меня к Григорію Ефимовичу отвезти ему икону, привезенную ею из Новгорода. Я не особенно любила ѣздить на его квартиру, зная, что моя поѣздка будет лишній раз фальшиво истолкована клеветниками.

Я оставалась минут 15, слышала от него, что он собирается поздно вечером ѣхать к Феликсу Юсупову, знакомиться с его женой Ириной Александровной. Хотя я знала,

что Распутин часто видался с Феликсом Юсуповым, однако мнѣ показалось странным, что он ѣдет к ним так поздно, но он отвѣтил мнѣ, что Феликс не хочет, чтобы об этом узнали его родители. Когда я уѣзжала, Григорій Ефимович сказал мнѣ странную фразу: «Что еще тебѣ нужно от меня, ты уже все получила . . .»

Я разсказала Государынѣ, что Распутин собирается к Юсуповым знакомиться с Ириной Александровной. «Должно быть какая-нибудь ошибка,» — отвѣтила Государыня, — «так как Ирина в Крыму и родителей Юсуповых нѣт в городѣ.»

17 декабря утром ко мнѣ позвонила одна из дочерей Распутина (которыя учились в Петроградѣ и жили с отцом). Она сообщила с нѣкоторым безпокойством, что отец их не вернулся домой, уѣхав поздно вечером с Юсуповым. Извѣстіе это меня удивило, но особеннаго значенія я ему не придала. Во дворцѣ я разсказала об этом Государынѣ. Выслушав меня, она выразила свое недоумѣніе. Через час или два, позвонил министр внутренних дѣл Протопопов, который сообщал, что ночью полицейскій, стоявшій на посту около дома Юсуповых, услышав выстрѣл в домѣ, позвонил. К нему выбѣжал пьяный Пуришкевич *) и заявил ему, что Распутин убит, и полицейскій замѣтил военный мотор без огней, который отъѣхал от дома вскорѣ послѣ выстрѣлов. Государыня приказала вызвать Лили Ден (жену морского офицера, с которой я была очень дружна и которую Государыня очень любила). Мы сидѣли вмѣстѣ в кабинетѣ Императрицы, очень разстроенныя, ожидая дальнѣйших извѣстій. Сперва звонил Великій Князь Дмитрій Павлович,

---

*) В.М. Пуришкевич член Госуд. Думы всѣх четырех созывов. Один из дѣятельнѣйших думцев праваго крыла. Во время войны всю энергію отдал фронту в работѣ по уходу и питанію солдат. Популярность его в арміи громадная. Был в полном смыслѣ слова—неподкупный рыцарь, господин своего слова. В издательствѣ «Оріент» вышел его дневник.

прося позволенія пріѣхать к чаю в пять часов. Императрица, блѣдная и задумчивая, отказала ему. Затѣм звонил Феликс Юсупов и просил позволенія пріѣхать с объясненіем, то к Государынѣ, то ко мнѣ; звал меня нѣсколько раз к телефону; но Государыня не позволила мнѣ подойти, а ему приказала передать, что объясненіе он может прислать ей письменно. Вечером принесли Государынѣ знаменитое письмо Юсупова, гдѣ он именем князей Юсуповых клянется, что Распутин в этот вечер не был у них. Распутина он дѣйствительно видал нѣсколько раз, но не в этот вечер. Вчера у него была вечеринка, справляли новоселье и перепились, а уходя Дмитрій Павлович убил собаку. Государыня сейчас же послала это письмо министру юстиціи. Кромѣ того, Государыня приказала Протопопову продолжать разслѣдованіе дѣла и вызвала военнаго министра, генерала Бѣляева (убитаго впослѣдствіи большевиками).

18 декабря.

Государыня и я причащались Св. Таин в походной церкви Александровскаго дворца, гдѣ по этому случаю была отслужена литургія. Государыня не пустила меня вернуться к себѣ, и я ночевала в одной из комнат на 4-том подъѣздѣ Александровскаго Дворца.

19 декабря.

Жуткіе дни. Утром Протопопов дал знать, что тѣло Распутина найдено. Полиція в домѣ Юсуповых на слѣдующее утро послѣ убійства, напала на широкій кровяной слѣд у входа и на лѣстницѣ и на признаки того, что здѣсь происходило что-то необычайное. На дворѣ они в самом дѣлѣ нашли убитую собаку, но рана на головѣ не могла дать такого количества крови... Вся полиція в Петроградѣ была поднята на ноги. Сперва у проруби на Крестовском островѣ нашли галошу Распутина, а потом водолазы наткнулись на его тѣло: руки и ноги были запутаны веревкой; правую руку он высвободил, когда его кидали в воду, пальцы были сложены крестом. Тѣло перевезли в Чесменскую богадѣльню, гдѣ было произведено вскрытіе. Несмотря на многочисленныя

огнестрѣльныя раны и огромную рванную рану в лѣвом боку, сдѣланную ножом или шпорой, Григорій Ефимович был еще жив, когда его кинули в прорубь, так как легкіе были полны водой.

Когда в столицѣ узнали об убійствѣ Распутина, всѣ сходили с ума от радости; ликованію общества не было предѣлов, друг друга поздравляли: «звѣрь был раздавлен», — как выражались, — «злого духа не стало». От восторга впадали в истерику.

Протопопов спрашивал совѣта Ея Величества по телефону, гдѣ Распутина похоронить. Впослѣдствіи он надѣялся отправить тѣло в Сибирь, но сейчас же сдѣлать это не совѣтовал, указывая на возможность по дорогѣ безпорядков. Рѣшили временно похоронить в Царском Селѣ, весной же перевести на родину. Отпѣвали в Чесменской богадѣльни, и в 9 часов утра в тот же день, 21 декабря, одна сестра милосердія привезла на моторѣ гроб Распутина. Его похоронили около парка, на землѣ, гдѣ я намѣревалась построить убѣжище для инвалидов. Пріѣхали Их Величества с Княжнами, я и два или три человѣка посторонних. Гроб был уже опущен в могилу, когда мы пришли; духовник Их Величеств отслужил краткую панихиду и стали засыпать могилу. Стояло туманное, холодное утро и вся обстановка была ужасно тяжелая: хоронили даже не на кладбищѣ. Сразу послѣ панихиды мы уѣхали. Дочери Распутина, которыя совсѣм однѣ присутствовали на отпѣваніи, положили на грудь убитаго икону, которую Государыня привезла из Новгорода. Государыня не плакала часами над его тѣлом, и никто не дежурил у гроба из его поклонниц.
Государь, вернувшись из ставки 20-го числа, все повторял: «мнѣ стыдно перед Россіей, что руки моих родственников обагрены кровью мужика».

Если они раньше чуждались Великих Князей, расходясь с ними во взглядах, то теперь их отношенія совсѣм оборвались. Их Величества ушли как бы в себя, не желая ни слышать об них, ни их видѣть.

Но Юсуповы и компанія не окончили своего дѣла. Когда всѣ их превозносили, они чувствовали себя героями. Вел. Кн. Александр Михайлович отправился к министру юстиціи Добровольскому и, накричав на него, стал требовать от имени Великих Князей, чтобы дѣло это было прекращено. В день пріѣзда Государя в Царское Село, сей Великій Князь заявился с старшим сыном во Дворец. Оставив сына в пріемной, он вошел в кабинет Государя и также от имени семьи требовал прекращенія слѣдствія по дѣлу убійства Распутина; в противном случаѣ оба раза он грозил чуть ли не паденіем престола. Великій Князь говорил так громко и дерзко, что голос его слышали посторонніе, так как он почему-то и дверь не притворил в сосѣднюю комнату, гдѣ ожидал его сын. Государь передавал, что он не мог сам оставаться спокойным, так его возмутило поведеніе Великаго Князя; но в минуту разговора он безмолствовал. Государь выслал Великих Князей Дмитрія Павловича и Николая Михайловича, а также Юсупова из Петрограда. Несмотря на мягкое наказаніе, среди Великих Князей поднялась цѣлая буря озлобленія. Государь получил письмо, подписанное всѣми членами Императорскаго дома, с просьбой оставить Вел. Кн. Дмитрія Павловича в Петроградѣ по причинѣ его слабаго здоровья. Государь написал на нем: «Никому не дано право убивать». До этого Государь получил письмо от Вел. Кн. Дмитрія Павловича, в котором он, вродѣ Юсупова, клялся, что он ничего не имѣл общаго с убійством.

Разстроенный, блѣдный и молчаливый, Государь почти не разговаривал, и мы никто не смѣли безпокоить его. Через нѣсколько дней Государь принес в комнату Императрицы перехваченное Министерством Внутренних Дѣл письмо княгини Юсуповой, адресованное Великой Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ. Вкратцѣ содержаніе письма было слѣдующее: «она (Юсупова), как мать, конечно, грустит о положеніи своего сына, но «Сандро» (Вел. Князь Александр Михайлович) спас все положеніе; она только сожалѣла, что в этот день они не довели своего дѣла до конца и не убрали

всѣх, кого слѣдует... Теперь остается только «Ее» (большими буквами) запереть. — По окончаніи этого дѣла вѣроятно вышлют Николашу и Стану (Вел. Князя Николая Николаевича и Анастасію Николаевну) в Першино, их имѣніе... Как глупо, что выслали бѣднаго Николая Михайловича!»—

Государь сказал, что все это так низко, что ему противно этим заниматься. Императрица же сидѣла блѣдная, смотря перед собой широко раскрытыми глазами... Принесли еще двѣ телеграммы Их Величествам. Близкая их родственница «благославляла» Феликса на патріотическое дѣло. Это постыдное сообщеніе совсѣм убило Государыню; она плакала горько и безутѣшно, и я ничѣм не могла успокоить ее.

Я ежедневно получала грязныя анонимныя письма, грозившія мнѣ убійством и т. п. Императрица немедленно велѣла мнѣ переѣхать во дворец и я с грустью покинула свой домик, не зная, что уже никогда туда не возвращусь. По приказанію Их Величеств с этого дня каждый шаг мой оберегался; даже по дворцу меня не пускали ходить одной, не разрѣшили присутствовать и на свадьбѣ дорогого брата.

Мало по малу жизнь в Дворцѣ вошла в свою колею. Государь читал по вечерам нам вслух. На Рождество были обычныя елки во дворцѣ и в лазаретах; Их Величества дарили подарки окружающей свитѣ и прислугѣ; но Великим Князьям в этот год они не посылали подарков. Несмотря на праздник, Их Величества были очень грустны: они переживали глубокое разочарованіе в близких и родственниках, которым ранѣе довѣряли и любили, и никогда, кажется, Государь и Государыня Всероссійскіе не были так одиноки. Преданные их же родственниками, оклеветанные людьми, которые в глазах всего міра назывались представителями Россіи, Их Величества имѣли около себя только нѣсколько преданных друзей, да министров, ими назначенных, которые всѣ были осуждены общественным мнѣніем. Всѣм им ставилось в вину, что они были назначены Распутиным. Но это сущая неправда.

Штюрмер, назначенный премьером, был рекомендован Государю еще послѣ убійства Плеве (см. гр. Витте, стр. 288). Он принадлежал к старому дворянству Тверской губеніи, а не был из нѣмецких выходцев.

Протопопов был назначен лично Государем под вліяніем хорошаго впечатлѣнія, которое он произвел на Его Величество послѣ его поѣздки за границу в должности товарища предсѣдателя Государственной Думы. «Тѣм болѣе, — писал Государь, — что я всегда мечтал о министрѣ внутренних дѣл, который будет работать совмѣстно с Думой...» Протопопов, выбранный земствами, товарищ Родзянко. Я не могу забыть удивленіе и возмущеніе Государя, когда начались интриги; однажды, за чаем, ударив рукою по столу, Государь воскликнул: «Протопопов был хорош и даже был выбран Думой и Родзянко делегатом за границу; но стоило мнѣ назначить его министром, как он считается сумасшедшим!» Под вліяніем интриг, Протопопов стал очень нервным, а мнѣ казался кромѣ того очень слабохарактерным. Во время революціи он сам пришел в Думу, гдѣ его и арестовали по приказанію Родзянко.

Маклаковым Государь был очарован и говорил: «Наконец я нашел человѣка, который понимает меня и с которым я могу работать.» Но настало время, когда Великій Князь Николай Николаевич и другіе стали требовать его удаленія, и по разсказам самаго Маклакова, которые мнѣ передавали, Государь лично ему об этом сообщил на докладѣ. Маклаков расплакался... Он был один из тѣх, которые горячо любили Государя, не только как царя, но и как человѣка, и был ему беззавѣтно предан.

Генерала Сухомлинова Государь уважал и любил еще до его назначенія военным министром. Блестяще проведенная мобилизація в 1914 году доказывает, что Сухомлинов не бездѣйствовал. Главными его врагами были: Вел. Княз« Николай Николаевич, генерал Поливанов и знаменитый Гучков. Сухомлинову приписывалось безконечное множество злодѣяній. Англійскій писатель Вильтон гово-

рит о нем: «Зачѣм гнали армію на южном фронтѣ так отчаянно вперед, когда не было надежды получить достаточное количество снарядов. Отвѣт можно найти в полном несогласіи между штабом верховнаго главнокомандующаго и военным министерством.» Генерала Сухомлинова арестовали еще при Государѣ и заключили в крѣпость. Затѣм, во время революціи, судили и приговорили к пожизненной каторгѣ.

Я просидѣла 4 мѣсяца в Петропавловской крѣпости рядом с г-жей Сухомлиновой, которую раньше не знала. В страшныя длинныя ночи, когда мы всецѣло были в руках караула, ея стойкость и самообладаніе не раз спасали нас от самаго худшаго: солдаты уважали ее и боялись безобразничать. Она всегда занималась, читала, писала, когда позволяли, и из черного хлѣба лѣпила прелестные цвѣты, краску брала с синей полосы на стѣнѣ и кусочка красной бумаги, в которой был завернут чай. Суд оправдал ее и она вышла при рукоплесканіи всего зала. Во время амнистіи, г-жѣ Сухомлиновой удалось освободить ея престарѣлаго мужа перевезти его в Финляндію. Послѣ стольких несчастій, которыя они перенесли вмѣстѣ, г-жа Сухомлинова оставила своего мужа и вышла замуж за молодого грузина. Их обоих разстрѣляли большевики.

Много было разговоров и о митрополитѣ Питиримѣ, будто бы назначенном Распутиным. Государь познакомился с ним в 1914 году во время посѣщенія Кавказа. Митрополит Питирим был тогда Экзархом Грузіи. Государь и свита были очарованы им, и когда мы в декабрѣ встрѣтились с Государем в Воронежѣ, я помню, как Государь говорил, что предназначает его при первой перемѣнѣ митрополитом Петроградским.

Митрополит Питирим был очень осторожен и умен. Их Величества его уважали, но никогда не приближали его к себѣ. Когда он раз или два был у Их Величеств, темой разговора, как они разсказывали мнѣ, была Грузинская церковь, которая, по его словам, не достаточно поддержи-

валась Синодом, хотя в сущности была первой по времени Христіанской церковью в Россіи. Митрополит Питирим видимо всей душой любил Грузію, гдѣ и он был очень любим. Он же первый завел рѣчь о «приходах». Эти вопросы очень интересовали Их Величеств, но они откладывали всѣ вопросы до окончанія войны.

Послѣ моего ареста временным правительством, одним из тяжелых оскорбленій, которое вынесла моя бѣдная мать от Керенскаго, была клевета, что «всѣ бриллiанты, которые я имѣю, это подарки Митрополита Питирима!»

Министр Двора, граф Фредерикс, который прослужил всю свою жизнь при Дворѣ, сперва при Александрѣ III, а потом при Николаѣ II, был глубоко порядочным и беззавѣтно преданным. Ему не раз приходилось имѣть дѣло с всевозможными денежными и семейными дѣлами Великих Князей, что было очень нелегко. Несмотря на разныя интриги, всѣ его уважали, любили и понимали, что он не измѣнит своему принципу. Их Величества очень любили его; особенно нѣжно к нему относилась Государыня, называя в шутку «our old man» . Он же, говоря о них, часто называл их «mes enfants» . Государыня повѣряла ему разныя заботы и горести «как часто помогает он мнѣ добрым совѣтом!» Дом его был мнѣ вторым родительским, а дочери его, госпожа Воейкова и бѣдная, больная Эмма — моими друзьями, которыя мнѣ никогда не измѣнили. У Эммы, несмотря на то, что она была горбатая, был прелестный голос. Государыня любила ей аккомпанировать. Граф Фредерикс был также арестован Временным Правительством, но позже освобожден из-за преклонных лѣт. В 1924 году скончался в Финляндіи.

Государя упрекают в том, что он не умѣл выбирать себѣ министров. В началѣ своего царствованія он брал людей, которым довѣрял его покойный отец, Император Александр III. Затѣм брал по своему выбору. К сожалѣнію, война и революція не дали Россіи ни одного имени, которое с гордостью могло бы повторить потомство. Вѣроятно

нигдѣ в мірѣ нравственность не упала так низко, как у нас, и не легко это сознавать русскому, любящему свою родину.

Мы русскіе слишком часто виним в нашем несчастьи других, не желая понять, что положеніе наше — дѣло наших же рук, мы всѣ виноваты, особенно же виноваты высшіе классы. Мало кто исполняет свой долг во имя долга и Россіи. Чувств долга не внушалось с дѣтства; в семьях дѣти не воспитывались в любви к родинѣ и только величайшее страданіе и кровь невинных жертв могут омыть наши грѣхи и грѣхи цѣлых поколѣній.

И тогда только встанет великая и могучая Россія, н.. радость нам и страх врагам нашим.

Распутин! Сколько написано книг, брошюр, статей о нем. Кажется всякій, кто умѣл владѣть пером, изливал свою ненависть против этого ужаснаго имени! Что могу сказать я, глупая женщина, когда весь мір осудил его, и всѣ, кто писал, всѣ видѣли своими глазами или знали из достовѣрных источников?

Но ради исторической правды я должна сказать, как и почему он имѣл вліяніе в жизни Государя и Государыни. Распутин был ни монах, ни священник, а простой «странник», которых не мало на Руси. Их Величества принадлежали к категоріи людей, вѣрящим в силу молитвы подобных странников. Государь, как и его предок — Александр I, был всегда мистически настроен; одинаково мистически настроена была и Государыня. Но не слѣдует путать религіозное настроеніе с спиритизмом, вертѣніем столов, вызываніем духов и т. д. Государыня предупредила меня, что если я хочу быть ея другом, то я должна обѣщать ей никогда не заниматься спиритизмом, так как «это большой грѣх». На это я отвѣтила, что я никогда этим вопросом не интересовалась. Государыня с интересом читала религіозныя книги на всѣх языках, интересовалась религіями всего міра, читала переводы книг персидских и индійских религій и т. д. Первую книгу, которую она дала

мнѣ в 1905 году, носила названіе: «Les amis de Dieu», сочиненіе 14-го столѣтія. Я с трудом одолѣла эту книгу. Их Величества говорили, что они вѣрят, что есть люди, как и во времена Апостолов, не непремѣнно священники, которые обладают благодатью Божіей и молитву которых Господь слышит. К числу таких людей, по их убѣжденію, принадлежал и М. Филипп, француз, который бывал у Их Величеств. Они познакомились с ним у Великой Княгини Милицы Николаевны, и он умер до моего знакомства с Государыней. Я только слыхала от Их Величеств, что М. Филипп до своей смерти предрек им, что у них будет «другой друг, который будет говорить с ними о Богѣ». Появленіе Распутина, или Григорія Ефимовича, как его называли, они сочли за осуществленіе предсказанія М. Филиппа об ином другѣ. Григорія Ефимовича ввел в дом Великих Княгинь Милицы и Станы Николаевн епископ Феофан, который был очень заинтересован этим необыкновенным странником. Их Величества в то время находились в тѣсной дружбѣ с этими Великими Княгинями. По разсказам Государыни, их поражал ум и начитанность Милицы Николаевны, которую близкіе считали чуть ли не пророчицей. У нея Их Величества познакомились с Распутиным. Ея Величество разсказывала мнѣ о глубоком впечатлѣніи, которе произвел на них сибирскій странник, — да и не только на них одних. Она разсказывала о том, как Столыпин позвал его к себѣ послѣ взрыва в его домѣ — помолиться над его больной дочерью.

За мѣсяц до моей свадьбы Ея Величество просила Великую Княгиню Милицу Николаевну познакомить меня с Распутиным. Приняла она меня в своем дворцѣ на Англійской набережной, была ласкова и час или два говорила со мной на религіозныя темы. Я очень волновалась, когда доложили о приходѣ Распутина. «Не удивляйтесь», — сказала она, — «я с ним всегда христосуюсь». Вошел Григорій Ефимович, худой, с блѣдным, изможденным лицом, в черной сибиркѣ; глаза его необыкновенно проницательные,

сразу меня поразили и напомнили глаза о. Іоанна Кронштадтскаго. «Попросите, чтобы он помолился о чем-нибудь в особенности», — сказала Великая Княгиня по-французски. Я просила его помолиться, чтобы я всю жизнь могла положить на служеніе Их Величествам. «Так и будет», — отвѣтил он, и я ушла домой. Через мѣсяц я написала Великой Княгинѣ прося ее спросить Распутина о моей свадьбѣ. Она отвѣтила мнѣ, что Распутин сказал, что я выйду замуж, но счастья в моей жизни не будет.

Через год я вновь встрѣтила Распутина в поѣздѣ по дорогѣ в Царское Село. Он ѣхал навѣщать семью одного из офицеров охраны.

Но когда же он стал таким, каким знает его весь мір? Когда пріобрѣл он такое исключительное вліяніе? Чтобы отвѣтить на этот вопрос, надо подробно описать моральное состояніе русскаго общества этой эпохи, вполнѣ ненормальное и доходившее до истеричности. В видѣ подтвержденія моих слов, разскажу, что я лично пережила послѣ того, как меня арестовал Керенскій весной 1917 года и я предстала в первый раз перед Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей Врем. Правительства.

Меня вывели полумертвую, послѣ долгаго заключенія, из камеры № 70Трубецкого бастіона в комнату, гдѣ сидѣли за огромным зеленым столом 20 мудрых старцев-судей, грозно взиравших на мою особу. Вблизи барышни-машинистки в нарядных кофточках, переговаривались и потихоньку хихикали. Я же сидѣла одна против них, на скамьѣ подсудимых, окруженная вооруженными солдатами, терла виски, так как голова нетерпимо кружилась от голода и душа разрывалась от невыплаканных слез. «Итак, скажите нам», — сказал предсѣдатель этого мудраго собранія, — «кого Распутин называл цвѣтком?» Или я сошла с ума, сидя в Трубецком бастіонѣ, или они всѣ сошли с ума, но я никогда не забуду этого вопроса. Я смотрѣла на этого человѣка, ничего не отвѣчая, и взгляд ли мой удивил его, или вопрос, который он мнѣ задал, показался ему не столь

важным, но он замолчал. Послѣ перешептыванія, послѣдовал второй вопрос: «Это что за секретная карта, найденная у Вас при обыскѣ?» — грозно сказал один из судей, протягивая мнѣ меню завтрака на «Штандартѣ» 1908 года, на оборотной сторонѣ котораго было обозначено расположеніе судов во время смотра в Кронштадтѣ. Маленькой короной было обозначено мѣсто стоянки Императорской яхты. «Посмотрите на год», — отвѣтила я. — «Правда 1908-й?» — Третій вопрос: «Правда ли, что бывшая Государыня не могла без Вас жить?» Зеленый стол с судьями кружился в утомленных глазах... Я отвѣчала: «Ах, господин предсѣдадатель, как может счастливая мать и жена не жить, не видясь с подругой?!» — «Можете идти», — сказал предсѣдатель, приказав держать «еще строже», так как я не хотѣла «говорить на допросѣ.

Вопрос о Распутинѣ очень похож на этот допрос. Распутиным воспользовались, как поводом для разрушенія всѣх прежних устоев; он как бы олицетворял в себѣ то, что стало ненавистным русскому обществу, которое, как я уже писала, утратило всякое равновѣсіе; он стал символом их ненависти. И на эту удочку словили всѣх, и мудрых и глупых, и бѣдных и богатых. Но громче всѣх кричала аристократія и Великіе Князья, и рубили сук, на котором сами сидѣли. Россія, как и Франція 18-го столѣтія, прошла через період полнаго сумасшествія, и только теперь через страданіе и слезы начинает поправляться от своего тяжелаго заболѣванія. Плачут и проклинают большевиков. Большевики — большевиками, но рука Господня страшна. Но чѣм скорѣе каждый пороется в своей совѣсти, и сознает свою вину перед Богом, Царем и Россіей, тѣм скорѣе Господь избавит нас от тяжких испытаній. «Аз есмь Бог отмщенія и Аз воздам».

Всѣ книги полны о вліяніи Распутина на государственныя дѣла и утверждают, что Распутин постоянно находился при Их Величествах. Обращу только вниманіе на то, что каждый его шаг со времени знакомства Их Величеств у

Великой Княгини Милицы Николаевны до его убійства в Юсуповском домѣ записывался полиціей. Об организованной охранѣ Их Величеств трудно себѣ вообразить. Были три рода охраны: «дворцовая полиція, конвой и сводный полк». Всѣм этим завѣдывал Дворцовый комендант. Послѣдним до 1917 года был генерал Воейков. Никто не мог быть принятым Их Величествами или даже подойти ко Дворцу без вѣдома дворцовой полиціи. Каждый из них, а также всѣ солдаты своднаго полка на главных постах вели точную запись лиц проходивших и проѣзжавших. Кромѣ того они были обязаны сообщать по телефону дежурному офицеру своднаго полка о каждом человѣкѣ, проходившем во дворец. Каждый шаг Их Величеств записывался Если Государыня заказывала экипаж к извѣстному часу, камердинер передавал по телефону в конюшню, о чем сейчас же докладывалось дворцовому коменданту, который передавал приказаніе быть начеку всей полиціи: что де экипаж заказан к 2 часам. Это значило, что вездѣ, выходила полиція, тайная и явная, со своими записями слѣдя за каждым шагом Государыни. Стоило ей остановиться гдѣ или поговорить с знакомыми, чтобы этих несчастных сразу обступила послѣ полиція, спрашивая фамилію и повод их разговора с Государыней.

Всѣм сердцем Государыня ненавидѣла эту «охрану», которую называла «шпіонажем», но была безсильна измѣнить раз заведенные порядки. Если я говорю, что Распутин пріѣзжал 2 или 3 раза в год к Их Величествам, — послѣднее время они, может быть, видѣли его 4 или 5 раз в год, — то можно провѣрить по точным записям этих полицейских книг. В 1916 году — год его смерти, лично Государь видѣл его два раза. Но их Величества дѣлали одну ошибку, окружая посѣщенія Григорія Ефимовича «тайной». Это послужило поводом к разговорам; то же они дѣлали видя М. Филиппа, что вызвало разговор, что Их Величества вертят столы. Каждый человѣк любит им ть нѣкоторую интимность и хочет иногда остаться один со

своими мыслями или молитвами, закрыть двери своей комнаты. Они на час позабывали о земном, слушая разсказы о его странствованіях и т. д. Проводили его каким-нибудь боковым ходом, по маленькой лѣстницѣ, принимали не в большой пріемной, а в кабинетѣ Ея Величества, предварительно пройдя по крайней мѣрѣ 40 постов полиціи и охраны с записями. Эта часовая бесѣда надѣлывала шуму на год среди придворных. Я нѣсколько раз указывала Ея Величеству, что подобный пріем вызывает гораздо больше разговоров. Императрица соглашалась, но слѣдующій раз повторялось то же. Секретов потому во дворцѣ не существовало. Принимали его обыкновенно вечером, потому, что это было единственное время, когда Государь был свободен.

Алексѣй Николаевич приходил до сна в голубом халатикѣ посидѣть с родителями и повидать Григорія Ефимовича. Всѣ они по русскому обычаю 3 раза цѣловались и потом садились бесѣдовать. Он им разсказывал про Сибирь и нужды крестьян, о своих странствованіях. Их Величества всегда говорили о здоровьи Наслѣдника и о заботах, которыя в ту минуту их безпокоили. Когда послѣ часовой бесѣды с семьей он уходил, он всегда оставлял Их Величества веселыми, с радостными упованіями и надеждой в душѣ; до послѣдней минуты они вѣрили в его молитву и еще из Тобольска мнѣ писали, что Россія страдает за его убійство. Никто никогда не мог поколебать их довѣрія, хотя всѣ враждебныя газетныя статьи им приносились и всѣ старались им доказать, что он дурной человѣк. Отвѣт был один: «Его ненавидят, потому что мы его любим». Так что «заступаться» за него, как обо мнѣ писали, мнѣ, очевидно, не приходилось.

Ея Величество довѣряла ему, но два раза она посылала меня с другими к нему на родину, чтобы посмотрѣть, как он живет у себя в селѣ Покровском Конечно, нужно было бы выбрать кого-нибудь опытнѣе и старше меня, болѣе способнаго дать о нем критическій отзыв. Поѣхала я со ста-

рой г. Орловой, моей горничной и еще двумя дамами. Мать, меня очень неохотно отпускала. Из Тюмени до Покровскаго ѣхали 80 верст на тарантасѣ. Григорій Ефимович встрѣтил нас и сам правил сильными лошадками, которыя катили нас по пыльной дорогѣ через необъятную ширь сибирских полей. Подъѣхали к деревянному домику в два этажа, как всѣ дома в селах, и меня поразило, как зажиточно живут сибирскіе крестьяне.

Встрѣтила нас его жена — симпатичная пожилая женщина, трое дѣтей — двѣ немолодыя дѣвушки работницы и дѣдушка рыбак. Всѣ три ночи мы, гости, спали в довольно-большой комнатѣ наверху, на тюфяках, которые растилади на полу. В углу было нѣсколько больших икон, перед которыми теплились лампады. Внизу, длинной темной комнатѣ, с большим столом и лавками по стѣнам, обѣдали; там была огромная икона Казанской Божіей Матери, которую они считали чудотворной. Вечером перед ней собиралась вся семья и «братья» (так назымали четырех других мужиков — рыбаков), всѣ вмѣстѣ пѣли молитвы и каноны.

Водили нас на берег рѣки, гдѣ неводами ловили массу рыбы и тут же, еще живую и трепетавшую, чистили и варили из нея уху; пока ловили рыбу, все время пѣли псалмы и молитвы. Ходили в гости в семьи «братьев». Вездѣ сибирское угощенье: бѣлыя булки с изюмом и вареньем, кедровые орѣхи и пироги с рыбой. Крестьяне относились к гостям Распутина с любопытством, к нему же безразлично, а священники враждебно. Был Успенскій пост, молока и молочнаго в этот раз нигдѣ не ѣли; Григорій Ефимович никогда ни мяса, ни молочнаго не ѣл.

В 1915 году я еще раз ѣздила в Сибирь. В этот раз с моей подругой Лили Дэн и другими и со своим санитаром, так как была на костылях. В этот раз ѣхали мы на пароходѣ по рѣкѣ Турѣ из Тюмени до Тобольска на поклон мощам Святителя Іоанна. В Тобольскѣ останавливались в домѣ губернатора, гдѣ впослѣдствіи жили Их Величества.

Это был большой бѣлый каменный дом на берегу рѣки — под горой; большія комнаты, обильно меблированныя, но зимой, вѣроятно, холодныя. На обратном пути останавливались в Покровском. Опять ловили рыбу и ходили в гости к тѣм же крестьянам. Григорій Ефимович же и его семья цѣлый день работали в домѣ и в полѣ. Оба раза на обратном пути заѣзжали в Верхотурскій монастырь на Уралѣ, гдѣ говѣли и поклонялись мощам св. Симеона. Посѣщали также скит, находившійся в лѣсу, в 12 верстах от монастыря; там жил прозорливый старец отец Макарій, к которому многіе ѣздили из Сибири.

Вспоминаю случай на одной из маленьких станцій на Уралѣ, который не могу объяснить. Стояли два поѣзда теплушек с китайцами-рабочими, ѣхавшими в Россію. Увидя Григорія Ефимовича у вагона, вся толпа китайцев кинулась к нему, его окружили, причем каждый старался до него добраться. Напрасно уговаривали их старшины... Публика высыпала из вагонов посмотрѣть, что будет, но наш поѣзд тронулся. Китайцы провожали его восклицаніями, махая руками.

Квартира Распутина в Петроградѣ, гдѣ он проводил больше всего времени, была переполнена всевозможной бѣднотой и разными просителями, которые воображая себѣ, что он имѣет огромную власть и вліяніе при дворѣ приходили к нему со своими нуждами. Григорій Ефимович перебѣгая от одного к другому безграмотной рукой писал на бумажках разным вліятельным лицам записки всегда почти одного содержанія: «милый дорогой прими» или «милый дорогой выслушай». Несчастные не знали, что менѣе всего могли расчитывать на успѣх прося через него так как всѣ относились к нему отрицательно. Одно из самых трудных порученій Государыни — большей частью из-за болѣзни Алексѣя Николаевича — это было ѣздить на квартиру Григорія Ефимовича всегда полную просителями и часто — проходимцами, которые сейчас же обступали меня и не вѣрили, что я ни в чем помочь им не могу, так как я

считалась чуть ли не всемогущей. Всѣ эти прошенья, которыя шли через Григорія Ефимовича и которыя он привозил послѣдніе годы в карманах Их Величествам, только их сердили; они складывали их в общій пакет на имя графа Ростовцева, который разсматривал их и давал им законный ход. Но, конечно, это создавало массу разговоров и я помню, как благомыслящіе люди просили Их Величества дать Григорію Ефимовичу келью в Александро-Невской лаврѣ или другом монастырѣ, дабы там оградить его от толпы, газетных репортеров и всяких проходимцев, которые впослѣдствіи, чтобы очернить Их Величества, пользовались его простотой, увозили с собой и напаивали его, но Их Величества тогда не обратили вниманія на эти совѣты.

Раз, идя к нему, я встрѣтила на лѣстницѣ бѣднаго студента, который просил меня купить ему пальто. Единственное письмо, полученное мною по почтѣ в Петропавловской крѣпости, было от этого студента, который молился о моем освобожденіи. Это был один из немногих лиц, приходивших в квартиру Распутина, который оставил послѣ себя пріятное воспоминаніе.

Разскажу случай с одной моей близкой знакомой, который объяснит, как он смотрѣл на жизнь, а также его нѣкоторую прозорливость, или чуткость. Одна молоденькая дама однажды при мнѣ заѣхала к Григорію Ефимовичу по дорогѣ на свиданье со своим другом. Григорій Ефимович, посмотрѣв на нее пристально, стал разсказывать, как на одной станціи монах угощал его чаем, спрятав бутылку вина под столом, и называя его «святым» задавал вопросы. «Я «святой», — закричал Григорій Ефимович, хлопнув кулаком по столу, — «и ты просишь меня тебѣ помочь; а зачѣм же ты прячешь бутылку вина под столом». Дама поблѣднѣла и растерянно стала прощаться.

Помню, как то в церкви подошел к нему почтовый чиновник и просил помолиться о больной. «Ты меня не проси», — отвѣтил он, — «а молись Св. Ксеніи». Чиновник

в испугѣ и удивленіи вскрикнул:« Как вы могли знать, что жену мою зовут Ксеніей». Подобных случаев я могла бы разсказать сотни, но их, пожалуй, так или иначе можно объяснить, но гораздо удивительнѣе то, что все, что он говорил о будущем, сбывалось...

Слѣдующій факт из жизни Наслѣдника тронет сердце каждой матери. Всѣ знают, что во время постоянных заболѣваній Алексѣя Николаевича Их Величества всегда обращались к Распутину, вѣря, что его молитва поможет бѣдному мальчику. В 1915 году, когда государь стал во главѣ арміи, он уѣхал в ставку, взяв Алексѣя Николаевича с собой. В разстояніи нѣскольких часов пути от Царскаго Села у Алексѣя Николаевича началось кровоизліяніе носом. Доктор Деревенко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положеніе становилось настолько грозным, что Деревенко рѣшился просить Государя вернуть поѣзд обратно, так как Алексѣй Николаевич истекает кровью. Какіе мучительные часы провела Императрица, ожидая их возвращенія, так как подобнаго кровоизліянія больше всего опасались. С огромными предосторожностями перенесли его из поѣзда. Я видѣла его, когда он лежал в дѣтской: маленькое, восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федовор и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мнѣ, что он хочет попробовать послѣднее средство — это достать какую то железу из морских свинок. Императрица стояла на колѣнях около кровати, ломая себѣ голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нея записку с приказаніем вызвать Григорія Ефимовича. Он пріѣхал во дворец и с родителями прошел к Алексѣю Николаевичу. По их разсказам, он, подойдя к кровати, перекрестил Наслѣдника, сказав родителям, что серьезнаго ничего нѣт и им нечего безпокоиться, повернулся и ушел. Кровотеченье прекратилось. Государь на слѣдующій день уѣхал в ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это про-

изошло. Но это — факт. Поняв душевное состояніе родителей, можно понять и отношеніе их к Распутину: у каждаго человѣка есть свои предразсудки и когда наступают тяжелыя минуты в жизни, каждый переживает их по своему; но самые близкіе не хотѣли понять положенія, и поняв — объяснить тѣм, кого завѣдомо вводили в заблужденіе.

Что касается денег, то Распутин никаких денег от Их Величеств не принимал, никогда от них никаких денежных сумм не получал, за исключеніем сотни рублей, которые посылали ему иногда на извозщика. Вообще деньги в его жизни не играли роли: если ему давали, он сразу же их раздавал. Семья его послѣ его смерти осталась в полной нищетѣ.

В 1913 году, помню, Министр Финансов Коковцев, предложил ему 200000 рублей с тѣм, чтобы он уѣхал из Петербурга и не возвращался. Предложеніе это обидѣло Григорія Ефимовича. Он отвѣтил, что если «Папа и Мама» хотят, то он конечно уѣдет, но зачѣм же его покупать. — Знаю много случаев, когда он помогал во время болѣзней, но помню также, что он не любил, когда его просили помолиться о больных младенцах, говоря: «жизнь вымолишь, но примешь ли ты на себя грѣхи, которые ребенок натворит в жизни».

Вспоминаю также эпизоды с одним из знаменитых врагов Распутина, монахом Иліодором, который в концѣ всѣх своих приключеній снял рясу, женился и живет в Америкѣ. Он безусловно был ненормальный человѣк. Этот Иліодор затѣял два покушенія на Распутина. Первое ему удалось, когда нѣкая женщина Гусева ранила его ножом в живот — в Покровском. Это было в 1914 году за нѣсколько недѣль до начала войны. Второе покушеніе было устроено Министром Хвостовым с этим же Иліодором, но послѣдній послал свою жену в Петроград со всѣми документами и выдал заговор. Всѣ эти личности вродѣ Хвостова смотрѣли на Распутина, как на орудіе к осуществленію их завѣт-

ных желаній, воображая, через него получить тѣ или иныя милости. В случаѣ неудачи, они становились его врагами Так было с Великими Князьями, епископами Гермогеном, Феофаном и другими. Я увѣрена, что Иліодор также ненавидѣл Государыню и написал одну из самых грязных книг о царской семьѣ. Прежде, чѣм издать ее, он сдѣлал Государынѣ письменное предложеніе — купить эту книгу за 60.000 рублей, грозя в противном случаѣ издать ее в Америкѣ. Помню, это было в Ставкѣ в 1916 году. Государыня возмутилась этим предложеніем, заявив, что пусть Иліодор пишет, что он хочет, и на бумагѣ написала: отклонить. При Временном Правительствѣ брат его занимался выдачею заграничных паспортов.

Судебное разслѣдованіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Врем. Правительства доказало, что политикой Распутин не занимался и у Их Величеств разговоры с ним были всегда на отвлеченныя темы и о здоровьѣ маленькаго Наслѣдника. Вспоминаю только один случай, когда дѣйствительно Григорій Ефимович оказал вліяніе на внѣшнюю политику. Это было в 1912 году, когда Николай Николаевич и его супруга старались склонить Государя принять участіе в Балканской войнѣ. Распутин, чуть ли не на колѣнях перед Государем, умолял его этого не дѣлать, говоря, что враги Россіи только и ждут того, чтобы Россія ввязалась в эту войну, и что Россію постигнет неминуемое несчастье.

В началѣ войны с Германіей, Григорій Ефимович лежал раненый Гусевой в Покровском. Он тогда послал двѣ телеграммы Его Величеству, умоляя «не затѣвать войны». Он и ранѣе часто говорил Их Величествам, что с войной все будет кончено для Россіи и для них. Государь, увѣренный в побѣдоносном окончаніи войны, тогда разорвал телеграмму и с началом войны, относился холоднѣе к Григорію Ефимовичу.

Послѣдній раз Государь видѣл Распутина у меня в домѣ в Царском Селѣ, куда по приказанію Их Величеств,

я вызвала его. Это было приблизительно за мѣсяц до его убійства. Здѣсь я убѣдилась лишній раз, каким пустым вымыслом был пресловутый разговор о желаніи сепаратнаго мира, указывая, что это желаніе — то Государыни, то Распутина, Шлюрмера или других. Государь пріѣхал озабоченный и, сѣв, сказал: «Ну, Григорій, помолись хорошенько; мнѣ кажется, что сама природа идет против нас сейчас». Он разсказывал, что из-за снѣжных заносов не успѣвают подвозить хлѣб в Петроград. Григорій Ефимович ободрил его, сказав, что главное — не надо заключать мира, так как та страна побѣдит, которая покажет болѣе стойкости и терпѣнія. Государь согласился с этим, замѣтив, что у него есть свѣдѣнія, что и в Германіи сейчас плохо с продовольствіем. Затѣм Григорій Ефимович указал, что надо думать о том, как бы обезпечить всѣх сирот и инвалидов послѣ войны, чтобы «никто не остался обиженным: вѣдь каждый отдал тебѣ все, что имѣл самаго дорогого». Когда Их Величества встали, чтобы проститься с ним, Государь сказал как всегда: «Григорій, перекрести нас всѣх». — «Сегодня Ты благослови меня», — отвѣтил Григорій Ефимович, что Государь и сдѣлал. Чувствовал ли Распутин, что он видит их в послѣдній раз, не знаю, хотя то, что он говорил, сбылось.

Со своей смертью Распутин ставил в связь большія бѣдствія для Их Величеств. Послѣдніе мѣсяцы он ожидал, что его скоро убьют.

Распутина считали и считают злодѣем без доказательства его злодѣяній. За его безчисленныя злодѣянія его убили — без суда, несмотря на то, что самым большим преступникам во всѣх государствах полагается арест и суд, а уж послѣ — казнь.

Владимір Михайлович Руднев, производившій слѣдствіе при Временном Правительствѣ, был один из немногих, который старался распутать дѣло о «темных силах» и выставить Распутина в настоящем свѣтѣ, но и ему было трудно: Распутин был убит, а русское общество было психиче-

ски разстроено, так что мало кто судил здраво и хладнокровно. В слѣдствіи Руднева замѣтно, как при самых лучших намѣреніях он часто смѣшивает показанія и свидѣтельства с личными выводами. Но брошюра его очень цѣнна, потому что он единственный имѣл гражданское мужество ради истины встать на точку зрѣнія здравомыслящаго человѣка, не заразившись стадным мнѣніем русскаго общества в 1917 году. Честный и безпристрастный судья — Руднев не мог оставаться в Чрезвычайной Комиссіи, гдѣ Муравьев заставлял его дѣйствовать против его убѣжденій и совѣсти.

Я всегда сожалѣла, что, если Распутина считали виноватым, его не судили, как слѣдует, со свидѣтелями и т. д. Убійство же его, одна из самых темных страниц в исторіи русскаго общества и вопрос о его виновности остается неразрѣшенным.

Я глубоко сожалѣю о том, что Руднев лично не видал его и не имѣл случая бесѣдовать с ним. Меня он допрашивал не болѣе, как 15 раз (по 4 часа каждый раз). Помню, как добросовѣстно он старался ради исторической правды отдѣлить факты от массы истеричных сплетней. Всей душой благодарю Бога, что нашелся единственный порядочный русскій человѣк, который имѣл смѣлость сказать правду, — всѣ же другіе, члены Императорской фамиліи и высшаго общества, которые знали меня с дѣтства, танцовали со мной на придворных балах, знали долгую, честную и безпорочную службу моего дорогого отца, — всѣ безпощадно меня оклеветали, выставляя меня какой то проходимкой, которая съумѣла пролѣзть к Государынѣ и ее опутать.

Когда начались гоненія на Распутина и в обществѣ стали возмущаться его мнимым вліяніем, всѣ отреклись от меня и кричали, что я познакомила его с Их Величествами. Легко было свалить вину на беззащитную женщину, которая не смѣла и не могла выразить неудовольствіе... Они же, сильные міра сего, спрятались за спину этой женщины,

закрывая глаза и уши всѣм на тот факт, что не я, а Великіе Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с их женами привели во дворец сибирскаго странника. Не будь этого, он жил бы, никому не мѣшая, в своей далекой родинѣ.

Читая записки Палеолога, я нашла, что автор не точно передал о своем знакомствѣ с Распутиным. Так как свиданіе происходило в домѣ моей сестры, то я имѣю возможность внести существенную поправку в его разсказ. Палеолог пріѣхал в дом сестры с княгиней Палей, желая с ним лично познакомиться. При свиданіи княгиня Палей служила переводчицей слов Распутина; послѣ почти часовой бесѣды, Палеолог встал и расцѣловался с ним, сказав: «voila un veritable illuminé».

Два мѣсяца послѣ убійства Распутина, Государь оставался в Царском Селѣ, поглощенный заботами о войнѣ. Их Величества глубоко вѣрили в ея блестящее окончаніе. О мирѣ ничего не хотѣли слышать, были планы и надежды побѣдоносно окончить войну весной, так как свѣдѣнія о тяжелом продовольственном положеніи в Турціи и Германіи подтверждались. С середины декабря до конца февраля было затишье на фронтѣ, и Государь находил свое присутствіе в Ставкѣ излишним. Он получал каждый день к вечеру свѣдѣнія по прямому проводу. В билліардной Государя были военныя карты; никто не смѣл входить туда: ни Императрица, ни дѣти, ни прислуга. Ключи находились у Государя. Когда начались снѣжные заносы, вопрос о продовольствіи сильно волновал Их Величества.

В это же время Великій Князь Александр Михайлович писал письмо за письмом, требуя свиданія с Императрицей для личных объясненій. Писал он и Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ о том же. Императрица сперва не хотѣла принять его, зная, что начнется разговор о политикѣ, Распутинѣ и т. д. Кромѣ того она заболѣла. Так как Великій Князь настаивал на свиданіи, то Государыня приняла его, лежа в кровати. Государь хотѣл быть в той же

комнатѣ, чтобы в случаѣ непріятнаго разговора не оставить ее одну. Дежурным был в тот день флигель-адъютант Линевич. Послѣ завтрака он остался с Великой Княжной Татьяной Николаевной в кабинетѣ Императрицы, в сосѣдствѣ со спальной Государыни, во время пріема Их Величествами Великаго Князя на тот случай, если бы ему понадобилось кинуться на помощь Государынѣ: так обострились отношенія Великих Князей к Ея Величеству. Новаго Великій Князь ничего не сказал, но потребовал увольненія Протопопова, отвѣтственнаго министерства и устраненія Государыни от управленія государством. Государь отвѣчал, что пока нѣмцы на русской землѣ, он никаких реформ проводить не будет. Великій Князь ушел чернѣе ночи, и вмѣсто того, чтобы уѣхать из дворца, отправился в большую библіотеку, потребовал себѣ перо и чернила и сѣл писать письмо. Дежурный флигель-адъютант не покидал его. Великій Князь замѣтил ему, что он может уходить, на что послѣдній возразил, что обязанность дежурнаго флигель-адъютанта оставаться при Великом Князѣ. Великій Князь писал долго. Окончив, он передал письмо на имяВеликаго Князя Михаила Александровича и отбыл.

На другой день пріѣхал ко мнѣ Герцог Александр Георгіевич Лейхтенбергскій. Взволнованный, он просил меня передать Его Величеству его просьбу, от исхода которой, по его мнѣнію, зависѣло единственно спасеніе царской семьи, а именно: чтобы Государь потребовал вторичной присяги ему всей Императорской фамиліи. Я отвѣтила тогда, что я не могу об этом говорить с Их Величествами, но умоляла его сдѣлать это лично. О разговорѣ Государя с Герцогом Александром Георгіевичем, одним из самых благородных людей, я узнала от Государыни только то, что Государь сказал Ея Вел.:« Напрасно, Сандро, так безпокоится о пустяках! Я не могу обижать мою семью, требуя от них присяги!»

Еще один человѣк предупреждал о той грозѣ, которая вскорѣ разразилась над головами Их Величеств. Это —

нѣкій Тиханович, член союза русскаго народа, который пріѣхал из Саратова. Он стучался повсюду и, не добившись ничего, пріѣхал в мой лазарет; он был совсѣм глухой. Он умолял меня устроить ему пріем у Их Императорских Величеств, говоря, что привез доказательства и документы на счет опасной пропаганды, которая ведется союзами земств и городов с помощью Гучкова, Родзянко и других в цѣлях сверженія с престола Государя. К сожалѣнію Государь мнѣ отвѣтил, что он слишком занят, но велѣл Государынѣ принять его. Послѣ часового разговора с ним, Государыня сказала, что она очень тронута его преданностью и искренним желаніем помочь им, но находит, что опасенія его преувеличены.

Чтобы немного отдохнуть от монотонности и развлечься, Их Величества пожелали услышать маленькій румынскій оркестр, который понравился им в одном из лазаретов. Я раза три приглашала их вечером к себѣ. Сюда приходили и Их Величества. По их приказанію я пригласила на концерт также Герцога Александра Георгіевича Лейхтенбергскаго, дочерей графа Фредерикса, госпожу Воейкову и Эмму. Мою сестру с мужем, Лили Дэн, нѣскольких флигель-адъютантов и нѣкоторых других лиц. Всѣ мы с удовольствіем слушали красивую игру румын, особенно же были довольны Государь и Великія Княжны. Сидя между Их Величествами, помню, как я испугалась, когда увидѣла, что Государыня обливается слезами. Она сказала мнѣ, что не может слушать музыку, что душа ея полна необъяснимой грустью и предчувствіем. Наши три безобидных вечера подняли в петроградском обществѣ бурю злостности, — во дворцѣ происходили, по их словам, «оргіи!»..

Вѣроятно все же Государь отчасти тревожился и высказывал сожалѣніе, что в Петроградѣ и Царском Селѣ нѣт настоящих кадровых войск и выражал желаніе, чтобы полки гвардіи поочередно приходили в Царское Село на отдых, и, в случаѣ нужды, думаю, чтобы предохранить от грозящих безпорядков. Первый приказ послѣдовал Гвар-

дейскому Экипажу выступить с фронта в Царское Село, но почти сейчас же получился контр-ордер от Главнокомандующаго генерала Гурко, замѣнившаго больного генерала Алексѣева. Насколько я помню, командир полка испросил тогда дальнѣйших приказанiй Государя через Дворцоваго коменданта. Государь вторично приказал Гвардейскому Экипажу слѣдовать в Царское Село, но не доходя Царскаго снова полк был остановлен высшими властями под предлогом карантина, и только послѣ третьяго приказанiя Его Величества полк прибыл в Царское Село. Государь приказал Уланам Его Величества слѣдовать в Царское. Но Государь разсказывал, что прiѣхавшiй генерал Гурко под разными предлогами отклонил приказанiе Государя.

Боялись ли, что Государь догадается о серьезном положенiи, не знаю, но стали торопить его уѣхать на фронт, чтобы потом совершить величайшее злодѣянiе. 19-го или 20 февраля к Государю прiѣхал Великiй Князь Михаил Александрович и стал доказывать ему, что в армiи растет большое неудовольствiе по поводу того, что Государь живет в Царском и так долго отсутствует из Ставки. Послѣ этого разговора Государь рѣшил уѣхать. Недовольство армiи казалось Государю серьезным поводом спѣшить в Ставку, но одновременно он и Государыня узнали о других фактах, глубоко возмутивших их. Государь заявил мнѣ, что он знает из вѣрнаго источника, что англiйскiй посол, сэр Бьюкэнен, принимает дѣятельное участiе в интригах против Их Величеств и что у него в посольствѣ чуть ли не засѣданiя с Великими Князьями. Государь добавил, что он намѣрен послать телеграмму королю Георгу с просьбой, воспретить англiйскому послу вмѣшиваться во внутреннюю политику Россiи, усматривая в этом желанiе Англiи устроить у нас революцiю и тѣм ослабить страну ко времени мирных переговоров. Просить же об отозванiи Бьюкэнена Государь находил неудобным: «это слишком рѣзко», как выразился Его Величество.

16-го февраля, наканунѣ отъѣзда Государя, у меня

обѣдали два или три офицера Гвердейскаго Экипажа, пріѣхавшіе с фронта и моя подруга, госпожа Дэн. Во время обѣда я получила записку от Императрицы, которая приглашала нас всѣх провести вечер у Их Величеств. Государь пришел очень разстроенный. Пили чай в новой комнатѣ за круглым столом. На другой день утром, придя к Государынѣ, я застала ее в слезах. Она сообщила мнѣ, что Государь уѣзжает. Простилась с ним по обыкновенію в зеленой гостиной Государыни. Императрица была страшно разстроена. На мои замѣчанія о тяжелом положеніи и готовившихся безпорядках, Государь мнѣ отвѣтил, что прощается не на долго, что через десять дней вернется. Я вышла потом на четвертый подъѣзд, чтобы увидѣть проѣзжавшій мотор Их Величеств. Он промчался на станцію при обычном трезвонѣ Федоровскаго собора.

Мнѣ в этот день очень нездоровилось. Проводив Государя, я легла, написала Государынѣ, что не могу придти к чаю. Вечером пришла Татьяна Николаевна с извѣстіем, что у Алексѣя Николаевича и Ольги Николаевны — корь. Заразились они от маленькаго кадета, который пріѣзжал играть с наслѣдником десять дней тому назад. Мы с Императрицей долго сидѣли в этот день у дѣтей, так как у Ольги Николаевны было воспаленіе уха. Кадет подозрительно кашлял и на другой день заболѣл корью. Для себя я не вѣрила в возможность заразы. Несмотря на сильный жар, на другой день, 22 февраля, я превозмогла себя и встала к обѣду, когда пріѣхала моя подруга Лили Дэн. Вечером Императрица с дѣвочками пришла к нам, но у меня сильно кружилась голова, и я еле могла разговаривать. На слѣдующій день Императрица нашла, что у меня появились подозрительныя пятна на лицѣ, привела доктора Боткина и Полякова, которые опредѣлили корь в очень сильной формѣ; заболѣла и Татьяна Николаевна. Дорогая Императрица, забыв всѣ свои недуги, одѣв бѣлый халат, разрывалась между дѣтьми и мною.

В полуснѣ я видѣла Государыню постоянно возлѣ моей

постели: то она приготовляла питье, то поправляла подушки, то говорила с доктором. Подозрительно стали кашлять Марія и Анастасія Николаевны. В полузабытьѣ я видѣла родителей и сестру, и помню, как долетали до меня их разговоры с Государыней о каких то безпорядках и бунтах в Петроградѣ, но о первых днях революціи и возстанія резервных полков ничего не знала. Знаю одно, что несмотря на все происходившее, Государыня была вполнѣ спокойна и мужественно выслушивала всѣ доходившія до нея извѣстія. Когда моя сестра пришла и разсказывала Государынѣ происходившее в Петроградѣ, говоря, что пришел всему конец, Императрица только улыбнулась и старалась успокоить мою сестру.

Ея величество разсказывала, что преданный им Великій Князь Павел Александрович первый привез ей оффиціальное извѣстіе о революціи... Революція в странѣ во время міровой войны!.. И тут Ея Величество не потеряла присутствіе духа. Сознавая, что ничего спасти нельзя, она никого из министров не вызывала и к посольствам с просьбой о защитѣ ея и дѣтей не обращалась, а с спокойствіем и достоинством прощалась с приближенными, которые понемногу всѣ нас покидали. Одни из боязни за себя, других же арестовывали. Уѣхал граф Апраксин, генерал Ресин, ушли флигель-адъютанты, слуги, офицеры и, наконец, полки. Послѣ каждаго прощанія Государыня возвращалась обливаясь слезами. Ушли от меня сестра милосердія, санитар Жук и доктора лазарета; спасались всѣ, кто мог. Императрица не теряла голову, всѣх успокаивала, за всѣми ходила, всѣх ободряла. Никто не слышал от нея слова ропота.

Никогда не забуду ночи, когда немногіе вѣрные полки (Сводный Конвой Его Величества, Гвардейскій Экипаж и Артиллерія) окружили дворец, так как бунтующіе солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко Дворцу. Императрица вечером сидѣла у моей постели. Тихонько, завернувшись в бѣлый платок, она вышла с Маріей Николаевной к полкам, которые уже готовились поки-

нуть дворец. И, может быть, и они ушли бы в эту ночь, если бы не Государыня и ея храбрая дочка, которыя со спокойствіем до 12 час. обходили солдат, ободряя их словами и лаской, забывая при этом смертельную опасность, которой подвергались. Императрица сказала моей матери: — «Я иду к ним не как Государыня, а как простая сестра милосердія моих дѣтей». Выйдя на подъѣзд, Императрица вспомнила, что я могу услышать, как полки отвѣчают на ея привѣтствіе (от меня еще Государыня скрывала происшедшее) и приказала камердинеру сказать мнѣ, что полки ожидают прибытія Государя... Даже в такую минуту, она меня не забыла.

На слѣдующій день полки с музыкой и знаменами ушли в Думу, Гвардейскій Экипаж под командою Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Тѣ же полки, тѣ же люди, которые наканунѣ привѣтствовали Государыню: «Здравія желаем, Ваше Императорское Величество!» — Караулы ушли; по дворцу бродили кучки революціонных солдат, которые с интересом все разсматривали, спрашивая у оставшихся слуг объясненіе. Особенно их интересовал Алексѣй Николеевич. Они ворвались к нему в игральную, прося, чтобы им его показали. Императрица продолжала оставаться спокойной и говорила, что опасается только одного: чтобы не произошло кровопролитія из-за Их Величеств.

Три дня мы не знали, гдѣ Государь. Наконец, пришла телеграмма, в которой он просил, чтобы Ея Величество и дѣти выѣхали к нему. В то же время пришло от Родзянки, по телефону «приказаніе» Ея Величеству с дѣтьми выѣхать из Дворца. Императрица отвѣтила, что никуда ѣхать не может, так как это для дѣтей грозит гибелью; на что Родзянко отвѣтил: «когда дом горит — все выносят!» О предполагаемом отъѣздѣ Императрица пришла сказать мнѣ вечером, она совѣтовалась с доктором Боткиным, как перевезти меня в поѣзд; врачи были против поѣздки. Мы все-таки приготовились ѣхать, но ѣхать не пришлось.

Во время этих тяжких переживаній пришло извѣстіе

об отреченіи Государя. Я не могла быть с Государыней в эту ужасную минуту и увидѣла ее только на слѣдующее утро. Лили Дэн разсказывала мнѣ, как Великій Князь Павел Александрович пріѣхал с этим страшным извѣстіем и как послѣ разговора с ним Императрица убитая горем, вернулась к себѣ и г-жа Дэн кинулась ее поддержать, так как она чуть не упала. Опираясь на письменный стол, Государыня повторяла: «abdiqué» (Лили не говорила тогда по англійски). «Мой бѣдный, дорогой, страдает совсѣм один... Боже, как он должен страдать!» Все сердце и душа Государыни были с ея супругом; она опасалась за его жизнь и боялась, что отнимут у нея сына. Вся надежда ея была на скорое возвращеніе Государя: она посылала ему телеграмму за телеграммой, умоляя его вернуться как можно скорѣе. Но телеграммы эти возвращались ей с телеграфа с надписью синим карандашем, что «мѣсто пребыванія адресата неизвѣстно». Но и эта дерзость не поколебала ея душевнаго равновѣсія. Войдя ко мнѣ, она с грустной улыбкой показала мнѣ телеграмму, но, посмотрѣв на меня, пришла в раздраженіе, что я узнав об отреченіи Государя от моих родителей, обливалась слезами, раздражалась не тѣм, что я плакала, а тѣм, что родители не исполнили ея волю, так как наканунѣ она просила их не говорить об этом, думая сама подготовить меня. Но оставшись одна Императрица ужасно плакала. «Мама убивалась», — говорила Марія Николаевна, — «и я тоже плакала; но послѣ ради мамы, я старалась улыбаться за чаем».

Никогда я не видѣла и вѣроятно никогда не увижу подобной нравственной выдержки, как у Ея Величества и ея дѣтей. «Ты знаешь, Аня, с отреченіем Государя все кончено для Россіи», — сказала Государыня, — «но мы не должны винить ни Русскій народ, ни солдат: они не виноваты».

Ольга и Татьяна и Алексѣй Николаевич стали поправляться, как заболѣла послѣдняя — Марія Николаевна. Императрица распорядилась, чтобы меня перенести наверх,

в бывшую дѣтскую Государя, так как не хотѣла проходить по пустым залам, откуда всѣ караулы и слуги ушли. Фактически мы были арестованы. Уѣхали и мои родители, так как от моего отца требовали, чтобы он сдал канцелярію, и князь Львов дал ему отставку.

Дни проходили, и не было извѣстія от Государя, Ея Величество приходила в отчаяніе. Одна скромная жена офицера вызвалась доставить Государю письмо в Могилев и провезла благополучно; как она проѣхала и прошла к Государю, — не знаю. Императрица спала совсѣм одна во всем нижнем этажѣ; с трудом удалось г-жѣ Дэн испросить разрѣшеніе ложиться рядом в кабинетѣ. Пока младшія Княжны не заболѣли, одна из них ложилась на кровать Государя, другая на кушетку, чтобы не оставлять мать совсѣм одну.

В первый вечер, послѣ перехода дворца в руки революціонных солдат, мы услышали стрѣльбу под окнами. Камердинер Волков пришел с докладом, что солдаты забавляются охотою в паркѣ на любимых диких коз Государя. Жуткіе часы мы переживали. Пока кучки пьяных и дерзких солдат расхаживали по дворцу, Императрица уничтожала всѣ дорогія ей письма и дневники и собственноручно сожгла у меня в комнатѣ шесть ящиков своих писем ко мнѣ, не желая, чтобы они попали в руки злодѣев.

Наше безпокойство о Государѣ окончилось утром 9-го марта. Я лежала еще больная, доктор Боткин (разстрѣлян большевиками в Екатеринбургѣ вмѣстѣ с царской семьей) только что посѣтил меня, как дверь быстро отворилась, и в комнату влетѣла г-жа Дэн, вся раскраснѣвшаяся от волненія. «Он вернулся!» — воскликнула она, и запыхавшись начала мнѣ описывать пріѣзд Государя, без обычной охраны, но в сопровожденіи вооруженных солдат. Государыня находилась в это время у Алексѣя Николаевича. Когда мотор подъѣхал к дворцу, она, по словам г-зи Дэн, радостная выбѣжала навстрѣчу Царю; как пятнадцатилѣтняя дѣвочка, она быстро спустилась с лѣстницы и бѣжала по длинным

корридорам. В эту первую минуту радостнаго свиданія, казалось, было позабыто все пережитое и неизвѣстное будущее.. Но потом, как я впослѣдствіи узнала, когда Их Величества остались одни, Государь, всѣми оставленный и со всѣх сторон окруженный измѣной, не мог не дать воли своему горю и своему волненію, — и как ребенок рыдал перед своей женой.

Только в 4 часа дня пришла Государыня и я тотчас поняла по ея блѣдному лицу и сдержанному выраженію все, что она в эти часы вынесла. Гордо и спокойно, она разсказала мнѣ о всем, что было. Я была глубоко потрясена ея разсказом, так как за всѣ 12 лѣт моего пребыванія при дворѣ, я только три раза видѣла слезы в глазах Государя. «Он теперь успокоился», — сказала она, — «и гуляет в саду; посмотри в окно!» Она подвела меня к окну. Я никогда не забуду того, что увидѣла, когда мы обѣ, прижавшись друг к другу, в горѣ и смущеніи выглянули в окно. Мы были готовы сгорѣть от стыда за нашу бѣдную родину. В саду, около самаго дворца, стоял Царь всея Руси, и с ним преданный друг его, князь Долгорукій. Их окружало 6 солдат, вѣрнѣе, 6 вооруженных хулиганов, которые все время толкали Государя, то кулаками, то прикладами, как будто бы он был какой-то преступник, прикрикивая: «Туда нельзя ходить, г. полковник, вернитесь, когда вам говорят!» Государь совершенно спокойно на них посмотрѣл и вернулся во дворец.

У меня потемнѣло в глазах и я лишилась чувства. Но Государыня не потеряла самообладанія. Она уложила меня в постель, принесла холодной воды и когда я открыла глаза, я увидала перед собой ее и чувствовала, как она нѣжно мочила мнѣ голову холодной водой. Нельзя было себѣ вообразить, видя ее такой спокойной, как глубоко была она потрясена всѣм, видѣнным в окно. Перед тѣм, как меня покинуть, она сказала мнѣ, как ребенку: «если ты обѣщаешь быть умницей и не будешь плакать, то мы придем оба к тебѣ вечером».

И в самом дѣлѣ, они оба пришли послѣ обѣда, вмѣстѣ с г-жей Дэн. Государыня и г-жа Дэн сѣли к столу с рукодѣліем, а Государь сѣл около меня и начал мнѣ разсказывать. Государь Николай II был доступен, конечно, как человѣк, всѣм человѣческим слабостям и горестям, но в эту тяжелую минуту его глубокой обиды и униженія, я все же не могла убѣдить себя в том, что восторжествуют его враги; мнѣ не вѣрилось, что Государь, самый великодушный и честный из всей семьи Романовых, будет осужден стать невинной жертвой своих родственников и подданных. Но царь, с совершенно спокойным выраженіем глаз подтвердил все это, добавив еще, что «если бы вся Россія на колѣнях просила его вернуться на престол, он бы никогда не вернулся». Слезы звучали в его голосѣ, когда он говорил о своих друзьях и родных, которым он больше всѣх довѣрял и которые оказались соучастниками в низверженіи его с престола. Он показал мнѣ телеграммы Брусилова, Алексѣева и других генералов, членов его семьи, в том числѣ и Николая Николаевича: всѣ просили Его Величество на колѣнях, для спасенія Россіи, отречься от престола. Но отречься в пользу кого? В пользу слабой и равнодушной Думы! Нѣт, в собственную их пользу, дабы, пользуясь именем и царственным престижем Алексѣя Николаевича, правило бы и обогащалось выбранное ими регентство!... Но, по крайней мѣрѣ, этого Государь не допустил! «Я не дам им моего сына», — сказал он с волненіем. «Пусть они выбирают кого-нибудь другого, например, Михаила, если он почтет себя достаточно сильным!»

Я жалѣю, что не запомнила каждое слово Государя, все же я помню, как мнѣ Государь разсказал, что когда депутаты отбыли, он сказал своим конвойным казакам: «Теперь вы должны сорвать с себя мои вензеля.» На это оба казака, став во фронт, отвѣтили: «Ваше Величество, прикажите их убить.» На что Государь отвѣтил: «Теперь поздно!» Говорил Государь также и о том, насколько его утѣшил пріѣзд из Кіева Государыни Императрицы Маріи

Феодоровны, но что он не мог выносить Великаго Князя Александра Михайловича.

Когда Государь с Государыней Маріей Феодоровной уѣзжал из Могилева, взорам его представилась поразительная картина: народ стоял на колѣнях на всем протяженіи от дворца до вокзала. Группа институток прорвала кордон и окружила царя, прося его дать им послѣднюю памятку — платок, автограф, пуговицу с мундира и т. д. Голос его задрожал, когда он об этом говорил. «Зачѣм вы не обратились с воззваніем к народу, к солдатам?» — спросила я. Государь отвѣтил спокойно: «Народ сознавал свое безсиліе, а вѣдь тѣм временем могли бы умертвить мою семью. Жена и дѣти — это все, что — у меня осталось!» — Их злость направлена против Государыни, но ее никто не тронет, развѣ только перешагнув через мой труп»... Дав волю своему горю, Государь тихо проговорил: «Нѣт правосудія среди людей. Видите ли, это все меня очень взволновало, так что всѣ послѣдующіе дни я не мог даже вести своего дневника.»

Я поняла, что для Россіи теперь все кончено. Армія разложилась, народ нравственно совсѣм упал, и моему взору уже предносились тѣ ужасы, которые нас всѣх ожидали. Я спросила Государя, не думает ли он, что всѣ эти безпорядки непродолжительны. «Едва ли раньше двух лѣт все успокоится,» — был его отвѣт. Но что ожидает его, Государыню и дѣтей? Этого он не знал. Единственно, что он желал и о чем был готов просить своих врагов, не теряя своего достоинства, — это не быть изгнанным из Россіи. «Дайте мнѣ здѣсь жить с моей семьей самым простым крестьянином, зарабатывающим свой хлѣб», — го ворил он, — «пошлите нас в самый укромный уголок нашеч родины, но оставьте нас в Россіи.» Это был единственный раз, когда я видѣла Русскаго Царя подавленным случившимся; всѣ послѣдующіе дни он был спокоен.

Ежедневно смотрѣла из окна, как он сгребал снѣг с дорожки, как раз против моего окна. Дорожка шла во-

круг лужайки и князь Долгорукій и Государь разгребали снѣг навстрѣчу друг другу; солдаты и какіе то прапорщики ходили вокруг них. Часто Государь оглядывался на окно, гдѣ сидѣла Императрица и я, незамѣтно для других улыбался нам или махал рукой. Я же в одиночествѣ невыносимо страдала, предчувствуя новое униженіе для царственных узников. Императрица приходила ежедневно днем; я с ней отдыхала, она была всегда спокойна. Вечером же Их Величества приходили вмѣстѣ. Государь привозил Государыню в креслѣ, к вечеру она утомлялась. Я начала вставать; мы сидѣли у круглаго стола; Императрица работала, Государь курил и разговаривал, болѣл душой о гибели арміи с уничтоженіем дисциплины.

Многое вмѣстѣ вспоминали...

Раз он с усмѣшкой разсказывал, как один из прапорщиков, во время прогулки держал себя очень нахально, стараясь оскорбить Государя, и как он был ошеломлен, когда послѣ прогулки Государь, как бы не замѣтив протянутую им руку, не подал ему своей руки.

Каждый вечер от меня Их Величества заходили к оставшейся свитѣ. При Их Величествах остались граф и графиня Бенкендорф (графиня пришла в дворец, когда его уже окружили революціонные солдаты), фрейлина баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, госпожа Шнейдер и граф Фредерикс; генерал Воейков и генерал Гротен были уже арестованы, единственные флигеладъютанты Линевич и граф Замойскій, которые до послѣдней минуты не покидали Государыню, вынуждены были уйти и вернуться им не разрѣшали. Н. Сабдина, самаго их близкаго друга, Ея Величество и дѣти все время ожидали, но он не появлялся и другіе всѣ тоже бѣжали. Остались преданные учителя Алексѣя Николаевича, М. Жилліард и Мр. Гиббе, нѣкоторые из слуг, всѣ няни, которыя заявили, что онѣ служили в хорошее время и никогда не покинут семью теперь, оба доктора, Е. Боткин, и В. Деревенко. Вообще всѣ личные Государыни, так называемая половина Ея Величества, всѣ

до одного человѣка, начиная с камердинеров и кончая низшими служащими, всѣ остались. У Государя же, кромѣ вѣрнаго камердинера Чемудорова, почти никого не осталось.

Комендантом дворца был назначен П. Коцебу, бывшій офицер Уланскаго Ея Величества полка, за некрасивыя исторіи оттуда прогнанный. Я знала его с дѣтства и была рада, что он, а не другой был назначен, так как у него было доброе сердце и он любил Их Величества. Он часто заходил ко мнѣ, отвез даже письма моим родителям в Петроград и первый предупредил, что меня увезут, как только я поправлюсь. Ея Величество умоляла Коцебу оказать содѣйствіе, указав, что разлука со мной в эту тяжелую минуту была бы равносильна разлукѣ с одним из ея дѣтей. Коцебу отвѣчал уклончиво, — да он ничего и не мог сдѣлать. Фельдшерица из моего лазарета, которая одна осталась при мнѣ, кинулась перед Их Величествами на колѣни, умоляя их взять меня в комнату их дѣтей и не отдавать: «теперь,» — говорила она, сквозь слезы, — «минута показать вашу любовь к Аннѣ Александровнѣ.» Государь, улыбнувшись, сказал ей, что напрасно она безпокоится. Граф Бенкендорф сказал Государю, что надо скорѣе отдать меня, так как это лучше для Государыни; что меня будут держать только в министерском помѣщеніи Думы, гдѣ очень хорошо.

19 марта утром я получила записку от Государыни, что Марія Николаевна умирает и зовет меня. Посланный передал, что очень плоха и Анастасія Николаевна; у обѣих было воспаленіе легких, а послѣдняя кромѣ того оглохла по причинѣ воспаленія уха. Коцебу предупредил меня, что если я встану, меня сейчас же уведут. Одну минуту во мнѣ боролись чувства, жалости к умирающей Маріи Николаевнѣ и страх за себя, но первое взяло вверх, я встала, одѣлась и Коцебу в креслѣ повез меня верхним коридором на половину дѣтей, которых я цѣлый мѣсяц не видала. Радостный крик Алексѣя Николаевича и старших дѣвочек заставил меня все забыть. Мы кинулись друг к другу, об-

нимались и плакали. Потом на цыпочках пошли к Маріи Николаевнѣ. Она лежала бѣлая, как полотно; глаза ея, огромные от природы, казались еще больше, температура была 40,9 она дышала кислородом. Когда она увидѣла меня, то стала дѣлать попытки приподнять голову и заплакала, повторяя: «Аня, Аня». Я осталась с ней, пока она не заснула. Когда меня везли обратно мимо дѣтской Алексѣя Николаевича, я увидѣла матроса Деревенько, который, развалившись на креслѣ, приказывал Наслѣднику подать ему то то, то другое. Алексѣй Николаевич с грустными и удивленными глазками бѣгал, исполняя его приказанія. Этот Деревенько пользовался любовью Их Величеств: столько лѣт они баловали его и семью его, засыпая их подарками. Я умоляла, чтобы меня скорѣе увезли.

На другой ден, мой послѣдній день в Царском Селѣ, я опять пошла к дѣтям, и мы были счастливы быть вмѣстѣ. Их Величества завтракали в дѣтской и были спокойнѣе, так как Марія и Анастасія Николаевны чувствовали себя лучше. Вечером, когда Их Величества пришли ко мнѣ, в первый раз настроеніе у всѣх было хорошее; Государь подтрунивал надо мною, мы вспоминали пережитое и надѣялись, что Господь не оставит нас, лишь бы нам всѣм быть вмѣстѣ.

21 марта я с утра очень нервничала, я узнала, что Коцебу не пропускают солдаты во дворец, вѣроятно за его гуманное отношеніе к арестованным, а тут еще доктора принесли мнѣ из ряду вон выходящую газетную статью, в которой говорилось, что я, с доктором Бадмаевым, котораго между прочим не знала, «отравляю Государя и Наслѣдника». Императрица вначалѣ сердилась на грязныя и глупыя статьи в газетах, но потом с усмѣшкой мнѣ сказала: «Собирай их для своей коллекціи.»

Стоял сумрачный, холодный день, завывал вѣтер. Я написала утром Государынѣ записку, прося ее, не дожидаясь наступленія дня, зайти ко мнѣ утром. Она отвѣтила мнѣ, чтобы я к двум часам пришла в дѣтскую, а сейчас

у них доктора. Лили Дэн позавтракала со мной. Я лежала в постели. Около часу вдруг поднялась суматоха в корридорѣ, слышны были быстрые шаги. Я вся похолодѣла и почувствовала, что это идут за мной. Перво-наперво прибѣжал наш человѣк Евсѣев с запиской от Государыни: «Керенскій обходит наши комнаты, — с нами Бог.» Через минуту Лили, которая меня успокаивала, сорвалась с мѣста и убѣжала. Скороход доложил, что идет Керенскій, Окруженный офицерами, в комнату вошел с нахальным видом, маленькаго роста бритый человѣк, крикнув, что он министр юстиціи и чтобы я собралась ѣхать с ним сейчас в Петроград. Увидав меня в кровати, он немного смягчился и дал распоряженіе, чтобы спросили доктора, можно ли мнѣ ѣхать; в противном случаѣ обѣщал изолировать меня здѣсь еще на нѣсколько дней. Граф Бенкендорф послал спросить доктора Боткина. Тот, заразившись общей паникой, отвѣтил: «Конечно, можно.» Я узнала послѣ, что Государыня, обливаясь слезами, сказала ему: «Вѣдь у вас тоже есть дѣти, как вам не стыдно!» Через минуту какіе то военные столпились у дверей, я быстро одѣлась с помощью фельдшерицы и, написав записку Государынѣ, послала ей мой большой образ Спасителя. Мнѣ в свою очередь передали двѣ иконы на шнуркѣ от Государя и Государыни с их подписами на обратной сторонѣ. Я обратилась с слезной просьбой к коменданту Коровиченко дозволить мнѣ проститься с Государыней. Государя я видѣла в окно, как он шел с прогулки, почти бѣжал, спѣшил, но его больше не пустили. Коровиченко (который во время большевиков погиб ужасной смертью) и Кобылинскій проводили меня в комнату Е. Шнейдер, которая, увы, встрѣтила меня улыбкой и... улыбаясь, вышла. Я старалась ничего не замѣчать и не слыхать, а все вниманіе устемила на мою возлюбленную Государыню, которую камердинер Волков вез на креслѣ. Ее сопровождала Татьяна Николаевна. Я издали увидѣла, что Государыня и Татьяна Николаевна обливаются слезами; рыдал и добрый Волков. Одно длинное объятіе,

мы успѣли помѣняться кольцами, а Татьяна Николаевна взяла мое обручальное кольцо. Императрица сквозь рыданія сказала, указывая на небо: «Там и в Богѣ мы всегда вмѣстѣ.» Я почти не помню, как меня от нея оторвали. Волков все повторял: «Анна Александровна, никто — как Бог!»

Посмотрѣв на лица наших палачей, я увидѣла, что и они в слезах. Меня почти на руках снесли к мотору; на подъѣздѣ собралась масса дворцовой челяди и солдат и я была тронута, когда увидѣла среди них нѣсколько лиц плакавших. В моторѣ, к моему удивленію, я встрѣтила Лили Дэн, которая мнѣ шепнула, что ее тоже арестовали. К нам вскочили нѣсколько солдат с винтовками. Дверцы затворял лакей Сѣднев, прекрасный человѣк из матросов «Штандарта» (впослѣдствіи был убит в Екатеринбургѣ). Я успѣла шепнуть ему «Берегите Их Величества!» В окнах дѣтских стояли Государыня и дѣти: их бѣлыя фигуры были едва замѣтны.

У меня кружилась голова от слабости и волненія. Через нѣсколько минут мы очутились в царском павильонѣ, в комнатѣ, гдѣ я так часто встрѣчала Их Величества. Нас ожидал министерскій поѣзд, — поѣзд Керенскаго. У дверей купэ встали часовые. Участливые взгляды нѣкоторых солдат желѣзнодорожнаго полка, и то, как они бережно помогли мнѣ войти, чуть не заставило меня потерять самообладаніе. Влетѣл Керенскій с каким то солдатом и крикнул на меня и на мою подругу, чтобы мы назвали свои фамиліи. Лили не сразу к нему повернулась. «Отвѣчайте, когда я с вами говорю,» закричал он. Мы в недоумѣніи на него смотрѣли. «Ну, что, вы довольны теперь?» — спросил Керенскій солдата, когда мы, наконец, назвали наши фамиліи. Затѣм они вышли и мы к счастью остались однѣ; мнѣ было дурно и я боялась упасть в обморок и тѣм доставить лишнее удовольствіе моим мучителям. Лили поила меня каплями. По пріѣздѣ в город нас заставили пройти мимо Керенскаго, который сидѣл с каким-то господином и

иронически на нас смотрѣл; нас посадили в придворное ландо, которое теперь обслуживает членов Временнаго Правительства. С нами сѣли какіе-то офицеры; мы просили их открыть окно, но они не разрѣшили.

Мрачным нам показался город; вездѣ безпорядочная толпа солдат, у лавок длинныя очереди, а на домах вездѣ грязныя красныя тряпки. Подъѣхали к министерству юстиціи. Там высокая, крутая лѣстница, — было трудно подыматься на костылях. Ноги тряслись от слабости. Офицеры привели нас в комнату на третьем этажѣ без мебели, с окном во двор; послѣ внесли два дивана; грязные солдаты встали у двери. Я легла, усталая и убитая горем. Темнѣло...

Вечером влетѣл Керенскій и спросил Лили, став спиной ко мнѣ, топили ли печь? Он вышел. Нам принесли чай и яйца и затопили печь. Конвойный солдат Преображенскаго полка, оказался добрым и участливым. Он жалѣл нас и, когда не было посторонних, бранил новые порядки, говоря, что ничего добраго не выйдет. Мы не спали, ночь тянулась, нам было холодно и страшно.

Начало разсвѣтать. Я так устала и настолько плохо себя чувствовала, что Лили попросила доктора. Но пришел офицер от Керенскаго с заявленіем, что доктор занят с военным министром Гучковым, но что меня отвезут в лазарет, гдѣ будет хорошее помѣщеніе, врач и сестра. Что же касается Лили, то ее ожидает пріятная новость (и в самом дѣлѣ Лили отпустили через день). Я отдала Лили Дэн нѣкоторыя золотыя вещи; она же дала мнѣ полотенце и пару чулок, которые я носила все время в крѣпости. Солдатскіе чулки я не могла одѣвать на свои больныя ноги и за неимѣніем платка или тряпки, мочила эти грубые чулки и прикладывала на сердце, когда бывали припадки. Чулки Лили совершенно изорвались, но штопать их я не могла, так как имѣть при себѣ нитки и иголки не разрѣшалось.

В 3 часа полковник Перетц и вооруженные юнкера меня повели. Обнявшись, мы разстались с Лили. Внизу Перетц приказал мнѣ сѣсть в мотор; сѣл сам, юнкера сѣли

с ним, и всю дорогу нагло глумился надо мной. Я старалась не слушать. «Вам с вашим Гришкой надо бы поставить помятник, что помогли совершиться революціи!» Я перекрестилась, проѣзжая мимо церкви. «Нечего вам креститься,» — сказал он, ухмыляясь, — «лучше молились бы за несчастных жертв революціи»... «Вот всю ночь мы думали, гдѣ бы вам найти лучшее помѣщеніе, — продолжал полковник, — «и рѣшили, что Трубецкой бастіон самое подходящее!» Послѣ нѣскольких фраз он крикнул на меня: «Почему вы ничего не отвѣчаете?» — «Мнѣ вам нечего отвѣчать,» — сказала я. Тогда он набросился на Их Величества, обзывая их разными оскорбительными именами и прибавил, что вѣроятно у них сейчас «истерика» послѣ всего случившагося. Я больше молчать не могла и сказала: «Если бы вы знали, с каким достоинством они переносят все то, что случилось, вы бы не смѣли так говорить, а преклонились бы перед ними.» Перетц замолчал.

Описывая эту поѣздку в своей книгѣ, Перетц упоминает, что был поражен сказанным мною, а также тѣм, что я не отвѣчала на его оскорбленія и что у меня были «дешевенькія кольца на пальцах». На Литейном мы остановились. Он послал юнкеров с порученіем к своим знакомым; юнкера выглядѣли евреями, но держали себя корректно . Полковник благодарил их за их вѣрную службу революціи. Подъѣзжая к Таврическому Дворцу, он сказал, что сперва мы ѣдем в Думу, а послѣ в Петропавловскую крѣпость. Хорошо, что в крѣпость, почему-то подумала я; мнѣ не хотѣлось быть арестованной в Думѣ, гдѣ находились всѣ враги Их Величеств.

Мы прошли в Министерскій павильон, гдѣ в комнатѣ сидѣло нѣсколько женщин; вид у них был ужасный: блѣдныя, заплаканныя, растрепанныя. Всѣ помѣщенія и коридоры были полны арестованными. Я увидала госпожу Сухомлинову и с ней поздоровалась. Мнѣ сказали, что меня повезут с ней вмѣстѣ. Мнѣ назвали еще двух дам — Полубояринову и Риман. Послѣдняя очень плакала; ей сказа-

ли, что ее освобождают, а мужа нѣт. Хорошенькая курсистка, которая, повидимому, была приставлена к арестованным женщинам, упрекнула Риман: «Вот ее увозят в крѣпость, и она спокойна,» — сказала она, указывая на меня, — «а вас освобождают, и вы плачете.» Когда нас увозили, Риман перекрестила меня.

Страшное чувство было у меня, — точно все это происходило не со мной. Я ни на кого не обращала вниманіе. В мотор сѣла также та же молоденькая курсистка. Она участливо меня спросила, не может ли она дать что-нибудь знать моим родителям. Я поблагодарила ее и дала номер телефона. Послѣ я узнала, что она сейчас же им позвонила. Керенскій наканунѣ отказал дать им знать. Перетц усмѣхнулся, замѣтив: «все равно будет напечатано в газетах, что ее заключили в крѣпость, и всѣ узнают.» — «Вот это хорошо,» — отвѣтила я, — «тогда многіе помолятся за меня!»

Миновав ворота крѣпости, подъѣхали к Трубецкому бастіону. Полковник крикнул, что привез двух важных политических преступниц. Нас окружили солдаты. Было очень скользко, и вышедшій навстрѣчу офицер, казак (Берс) помог мнѣ идти. Он сказал, что замѣняет коменданта. Мы шли нескончаемыми корридорами. Меня толкнули в темную камеру и заперли.

Тот, кто переживал первый момент заключенія, поймет, что я пережила: черная, безпросвѣтная скорбь и отчаяніе. Я упала на желѣзную кровать; вокруг на каменном полу — лужи воды, по стѣнам текла вода, мрак и холод; крошечное окно у потолка не пропускало ни свѣта, ни воздуха, пахло сыростью и затхлостью. В углу клозет и раковина. Желѣзный столик и кровать придѣланы к стѣнѣ. На кровати лежали тоненькій волосяной матрац и двѣ грязныя подушки. Я услышала, как поворачивали ключи в двойных замках огромной желѣзной двери, и вошел ужасный мужчина с черной бородой, с грязными руками и злым, преступным лицом, окруженный толпой на-

глых, отвратительных солдат. Солдаты сорвали тюфячек с кровати, убрали вторую подушку и потом начали срывать с меня образки, золотыя кольца. Этот субъект заявил мнѣ, что он здѣсь вмѣсто министра юстиціи и от него зависит установить режим заключенным. Впослѣдствіи он назвал себя — Кузмин, бывшій каторжник, пробывшій 15 лѣт в Сибири. Когда солдаты срывали золотую цѣпочку от креста, они глубоко поранили мнѣ шею. Крест и нѣсколько образков упали мнѣ на колѣни. От боли я вскрикнула; тогда один из солдат ударил меня кулаком и, плюнув мнѣ в лицо, они ушли, захлопнув за собою желѣзную дверь. Холодная и голодная, я легла на голую кровать, покрылась своим пальто и от изнеможенія и слез начала засыпать под насмѣшки и улюлюканіе солдат, собравшись у двери и наблюдавших в окошко. Вдруг я услышала, что кто-то постучал в стѣну, и поняла, что вѣрно это госпожа Сухомлинова, заключенная рядом со мною, и в эту минуту это меня нравственно поддержало.

Послѣ этого я заснула, так как слѣдующее, что я помню, это то, что появился солдат с кипятком и куском чернаго хлѣба; чай я могла получать лишь потом, когда мнѣ прислали денег. Первые дни я пила один кипяток. Засыпала с корочкой чернаго хлѣба во рту.

В первый день пришла какая-то женщина, которая раздѣла меня до нага и надѣла на меня арестантскую рубашку. Как я дрожала, когда снимали мое бѣлье... Платье разрѣшили оставить. Раздѣвая меня, женщина увидѣла на моей рукѣ запаянный золотой браслет, который я никогда не снимала. Помню, как было больно, когда солдаты стаскивали его с руки. Даже черствый каторжник Кузьмин, присутствовавшій при этом, увидя, как слезы текли по моим щекам, грубо замѣтил: «оставьте, не мучьте! Пусть она только отвѣчает, что никому не отдаст!»

Я голодала. Два раза в день приносили полмиски бурды, вродѣ супа, в которой солдаты часто плевали, клали стекло. От него воняло тухлой рыбой, так что я затыкала

нос, проглатывая немного, чтобы только не умереть от голода; остальное же выливала в клозет, выливала по той причинѣ, что, раз замѣтив, что я не съѣла всего, тюремщики угрозили убить меня, если это повторится. За всѣ эти мѣсяцы мнѣ не разрѣшили принести ѣду из дома. Первый мѣсяц мы были совершенно в руках караула. Все время по корридорам ходили часовые. Входили в камеры всегда по нѣсколько человѣк сразу. Всякія занятія были запрещены в тюрьмѣ. «занятіе — не есть сидѣніе в казематах», — говорил комендант, когда я просила его разрѣшить мнѣ шить.

Жизнь наша была медленной смертной казнью. Ежедневно нас выводили ровно на 10 минут на маленькій дворик с нѣсколькими деревцами; посреди двора стояла баня. Шесть вооруженных солат выводили всѣх заключенных по очереди. В первое утро, когда я вышла из холода и запаха могилы на свѣжій воздух, даже на эти 10 минут, я пришла в себя, ощутив, что еще жива и как-то стало легче. Ни один сад в мірѣ не доставлял никому столько радости, как наш убогій садик в крѣпости. В баню водили по пятницам и субботам раз в двѣ недѣли; на мытье давали пол часа. Водила нас надзирательница с часовым. Ждали мы этого дня с нетерпѣніем. Зато на другой день мы лишались прогулки, так как всѣ в один день не успѣвали помыться, а пока водили в баню, гулять не разрѣшалось.

Я не раздѣвалась; у меня было два шерстяных платка; один я надѣвала на голову; другой на плечи; покрывалась же своим пальто. Холодно было от мокраго пола и стѣн. Я опала 3—4 часа. Затѣм уже слышала каждую четверть часа бой часов на соборѣ. Около 7 часов начинался шум в корридорах: разносили дрова и бросали их у печей. Просыпаясь, я грѣлась в единственном теплом уголкѣ камеры, гдѣ снаружи была печь: часами простаивала я на своих костылях, прислонившись к сухой стѣнѣ.

От сырости в камерѣ я схватила глубокій бронхит, который бросился на легкія; температура поднималась до

40 гр. Я кашляла день и ночь; фельдшер ставил банки.

Почти каждое утро, подымаясь с кровати, я теряла сознаніе. Солдаты, входя, находили меня на полу. От сырости, от кровати до двери образовалась огромная лужа воды. Я просыпалась от холода, лежа в этой лужѣ и весь день послѣ дрожала в промокшем платьѣ. Иные солдаты, войдя, ударяли ногой, другіе же жалѣли и волокли на кровать. А положат, захлопнут дверь и запрут. И вот лежишь часами, встать и постучатся нѣт сил.

При караулѣ от 3 Стрѣлковаго полка было правда шумно и страшно, но лучше чѣм, когда охрана перешла в руки наблюдательной команды, которая состояла из солдат петроградскаго гарнизона. У них происходили вѣчныя ссоры с караулом, друг другу не довѣряли и из-за этого страдали мы, бѣдные заключенные. Боже, сколько издѣвательств и жестокостей перенесла я от них! Первые дни заходил завѣдующій казематом, сѣдой полковник, котораго впослѣдствіи замѣнили другим. С Сухомлиновой мы все время перестукивались; сначала просто, а потом она выдумала азбуку, написала на крошечной бумажкѣ и передала через надзирательницу, о которой буду говорить позже, и мы часами, стоя у стѣны, обыкновенно поздно вечером, когда был слышен храп заснувшаго солдата, или же в 5 или 6 часов утра, переговаривались. Раз поймал нас завѣдующій Чкани, влетѣл чернѣе ночи, пригрозил, что если еще раз замѣтил, то меня посадят в темный карцер (в темном карцерѣ 10 дней мучили Бѣлецкаго и его стоны доносились до нас по корридору; об его мученіях надзирательница и даже солдаты говорили с содраганіем), но мы приловчились и, разговаривая часами, больше не попадались. Чему только не научишься в тюрьмѣ!

Кашель становился все хуже, и от банок у меня вся грудь и спина была в синяках.

Теперь надо поговорить о моем главном мучителѣ, докторѣ Трубецкого бастіона — Серебрянниковѣ. Обходил он камеры почти каждый день. Толстый, со злым лицом и

огромным красным бантом на груди. Он сдирал с меня при солдатах рубашку, нагло и грубо насмѣхаясь, говоря: «Вот эта женщина хуже всѣх: она от разврата отупѣла.» Когда я на что-нибудь жаловалась, он бил меня по щекам, называя притворщицей и задавая циничные вопросы об «оргіях» с Николаем и Алисой, повторяя, что если я умру, меня съумѣют похоронить. Даже солдаты видимо иногда осуждали его поведеніе...

В эти дни я не могла молиться. Ночью я горѣла от жара и не могла поднять головы, не у кого было спросить глоток воды... Когда утром солдат приносил кипяток, я показалась ему умирающей, так как через нѣсколько минут он пришел с доктором. Температура оказалась 40 гр. Он выругался, и когда я обратилась к нему с слезной просьбой, позволить надзирательницѣ побыть ночь возлѣ меня, так как я с трудом подымаю голову, он отвѣтил, что накажет меня за заболѣваніе, что я будто бы нарочно простудилась и во всем отказал, ударив меня.

Когда же стала поправляться, получила бумагу от начальства крѣпости, что я, в наказанье за болѣзнь, лишаюсь прогулки на десять дней. Как раз эти дни свѣтило солнышко и я часами плакала, сидя в своей мрачной камерѣ, думая, что пришла весна и я не смѣю даже десять минут подышать свѣжим воздухом. Вообще без содраганія и ужаса не могу вспоминать всѣ издѣвательства этого человѣка.

Спустя недѣлю, пришли двѣ надзирательницы из женской тюрьмы, и я обрадовалась, в надеждѣ, что онѣ будут посредниками между нами и солдатами. Но эти первыя двѣ нашли наши условія настолько тяжелыми, что не согласились оставаться. Пришли двѣ другія, которыя дежурили поперемѣнно от 9 часов утра до 9 часов вечера; ночь же, самое страшное время, мы были все-таки однѣ.

Первая надзирательница была молодая, бойкая особа, флиртующая со всѣми солдатами и не обращающая на нас особаго вниманія; вторая же постарше, с кроткими, груст-

ными глазами. С первой же минуты она поняла глубину моего страданія и была нашей поддержкой и ангелом хранителем. Все, что было в ея силах, чтобы облегчить наше несчастное существованіе, она все сдѣлала. Видя, что мы буквально умираем с голоду, она покупала на свои скудныя средства то немного колбасы, то кусок сыру или шоколада и т. д. Одной ей не позволяли входить, но уходя вслѣд за солдатами послѣдней из камеры, она ухитрялась бросать сверточек около клозета, и я бросалась, как голодный звѣрь, на пакетик, съѣдала в этом углу, подбирала и выбрасывала всѣ крошки. Разговаривать мы могли сперва только раз в двѣ недѣли в банѣ.

Она разсказала мнѣ, что Керенскій пріобрѣтает все большую власть, но что Их Величества живы и находятя в Царском.

Первую радость она доставила мнѣ, подарив красное яичко на Пасху.

В этот свѣтлый праздник в тюрьмѣ, я чувствовала себя забытой Богом и людьми. В Свѣтлую Ночь проснулась от звона колоколов и сѣла на постели, обливаясь слезами. Ворвалось нѣсколько человѣк пьяных содат, со словами: «христос Воскресе», похристосовались. В руках у них были тарелки с пасхой и кусочком кулича; но меня они обнесли: «Ее надо побольше мучить, как близкую к Романовым», — говорили они. Священнику правительство запретило обойти заключенных с крестом. В Великую Пятницу нас всѣх исповѣдовали и причащали Святых Таин; водили нас по очереди в одну из камер, у входа стоял солдат. Священник плакал со мной на исповѣди.

Была Пасха и я в своей убогой обстановкѣ пѣла пасхальныя пѣсни, сидя на койкѣ. Солдаты думали, что я сошла с ума и, под угрозой побить, потребовали замолчать. Положив голову на грязную подушку, я заплакала... Но вдруг я почувствовала над подушкой что-то крѣпкое, и, сунув руку, ощупала яйцо. Я не смѣла вѣрить своей радости. В самом дѣлѣ, под грязной подушкой, набитой соломой,

лежало красное яичко, положенное доброй рукой моего единственнаго теперь друга, нашей надзирательницей...

Еще пришло извѣстіе, которое безконечно меня обрадовало: по пятницам назначили свиданье с родными.

Кто сам посидѣл в одиночном заключеніи, поймет, что значит надежда свиданія с родными. Как я ждала этой первой пятницы! Я воображала себѣ, как мы кинемся навстрѣчу друг другу, представляла себѣ ласковую улыбку отца и голубые глаза, полные слез, моей матери, как мы будем сидѣть вмѣстѣ... Мечтала также получить извѣстія о дорогих узниках в Царском, узнать о здоровьи дѣтей и как им живется...

В дѣйствительности же, одно из самых тяжелых воспоминаній — это дни свиданія с родными: ни в один день я так не страдала, как в эти пятницы. Без слез и содраганія не могу вспомнить, как меня вводили с часовыми в комнату, гдѣ сидѣла бѣдная мама. Нам не позволяли подавать руки друг другу: огромный стол раздѣлял нас; она старалась улыбаться, но глаза невольно выражали скорбь и ужас, когда она увидѣла меня, с распущенными волосами, смертельно блѣдную и с большой раной на лбу. На вопрос, который она не смѣла задать мнѣ, указывая на лоб, я отвѣтила, что это ничего: я не смѣла сказать, что солдат Изотов в припадкѣ злобы толкнул меня на косяк желѣзной двери и с тѣх пор рана не заживала. Здѣсь присутствовали прокурор и завѣдующій бастіоном — ужасный Чкани, с часами в руках. На свиданье давалось 10 минут, и за двѣ минуты до конца он вскрикивал: «осталось двѣ минуты», чѣм еще больше разстраивал измученное сердце. И что можно сказать в 10 минут в присутствіи стольких лиц, враждебно настроенных?

Сколько мои родители вынесли оскорбленія и горя, ожидая иногда по три часа эти 10 минут свиданія! Папа вспоминал послѣ, что ни разу меня не видал иначе, как заплаканную. Отца я видѣла три раза в крѣпости. Он заболѣл от пережитаго потрясенія; позже, чередуясь с мамой,

посѣщал меня. Как хотѣлось мнѣ выглядѣть болѣе похожей на самое себя. Я умолила надзирательницу одолжить мнѣ на нѣсколько минут карманное зеркальце и двѣ шпильки; причесалась на пробор, и всю недѣлю промывала рану на лбу. Отец мой, всегда сдержанный ободрял меня в эти нѣсколько минут, и я трепетала от счастья увидѣть его. Отец сказал, что они три часа ждали свиданья, но маму не пустили и она ожидает рядом в комнатѣ, надѣясь услышать мой голос. Чкани вскочил с мѣста и, захлопывая со всей силой дверь, закричал: «Это еще что, голос слышать! Я вам запрещу свиданья за такія продѣлки!» Отец мой только слегка покраснѣл, меня же увели...

Деньги, которыя мои родители посылали мнѣ, иногда до меня не доходили; лишь самыя маленькія суммы шли на покупку чая и сахара, остальное же офицеры — Чкани, комендант и их сотоварищи, нѣкій Новацкій и другіе, проигрывали. Эти господа приставали к родителям, и, под угрозой меня убить или изнасиловать, вымогали деньги большими суммами, пріѣзжали иногда вооруженные, или же увѣряли, что передадут ѣду или скорѣе выпустят. Бѣдные родители отдавали этим мерзавцам послѣднее. Подобное продѣлывали они и с родственниками других заключенных. Вот каковы были «начальники» крѣпости и довѣренные Временнаго Правительства!

Самое страшное — были ночи. Три раза ко мнѣ в камеру врывались пьяные солдаты, грозя изнасиловать. Первый раз я встала на колѣни, прижимая к себѣ икону Богоматери и умоляла во имя моих стариков родителей и их матерей пощадить меня. Они ушли. Второй раз в испугѣ я кинулась об стѣну, стучала и кричала. Сухомлинова слышала меня и тоже кричала, пока не прибѣжали солдаты из других корридоров... В третій раз приходил один караульный начальник. Я со слезами упросила его, он плюнул на меня и ушел. Наше положеніе было тѣм ужаснѣе, что мы не смѣли жаловаться; солдаты могли бы отомстить нам; но послѣ послѣдняго случая я все же рѣшилась ска-

зать надзирательницѣ. Безобразія не повторялись.

Существовали мы не как люди, а как номера, заживо погребенные в душных, каменных склепах и жизнь наша была медленная смертная казнь. Сколько раз я просила у Бога смерти и все думала: зачѣм я должна жить? Я иногда не могла молиться, теряла вѣру, но Бог невидимо помышлял и о нас.

Приближалась весна, вода высохла на стѣнах и на полу; в нашем садикѣ распустились листочки, зазеленѣла трава. От слабости я уже не могла ходить, но ложилась на траву, устремляя взор в далекое синее небо. Раз между камнями увидѣла первый желтый цвѣточек. Я нагнулась, сорвала и спрятала за пазуху. Солдаты не замѣтили, — они курили и спорили, облокотясь на ружья, а надзирательница сдѣлала вид, будто не видит... Мнѣ удалось этот цвѣточек, единственное сокровище, передать отцу. Потом я нашла этот цвѣточек, бережно засушенный, в бумагах оставшихся послѣ смерти дорогого отца. Попробовала еще раз в день Св. Троицы. но тогда солдат ударил меня по рукѣ и отнял вѣточку. Цѣлый день я плакала от обиды.

В № 71 сидѣла Сухомлинова, в № 72 генерал Воейков В № 69 сидѣл сперва Мануйлов. Говорят, он симулировал параличное состояніе, закрывая то один, то другой глаз. Когда его перевели в Кресты, туда посадили писателя Колышко. Он громко плакал первую ночь; надзирательница сказала, что он отец большой семьи.

Однажды надзирательница прибѣжала сказать, что среди стрѣлков возмущеніе и они грозят со всѣми нами покончить. Мною овладѣл ужас и я стала придумывать, как бы не попасть им в руки; вспомнила, что можно сразу умереть, воткнув тонкую иголку в мозжечек. Я постучала об этом Сухомлиновой. Она очень испугалась, и послала надзирательницу наблюдать за мной.. Иголка имѣлась у меня и была припрятана, не помню, каким образом я ее достала.

Становилось жарко и невыносимо душно в камерах; я

иногда буквально задыхалась. Тогда я вскарабкивалась на кровать, оттуда на стол, стараясь уловить хоть маленькое теченіе воздуха из крошечной форточки. Надзирательница не на шутку безпокоилась, замѣчая, что я очень измѣнилась, не стала на себя похожа и все время плакала. Теперь я прижималась уже к холодной стѣнѣ, часами простаивала босиком. Издали доносился городской шум. К концу моего заключенія, помню, зацвѣл куст розоваго шиповника; были еще два куста сирени и цвѣла рябина.

Меня повели на первый допрос. За большим столом сидѣла вся Чрезвычайная Комиссія — всѣ старые и сѣдые; предсѣдательствовал Муравьев. Вся процедура напоминала мнѣ дешевое представленіе комической оперетки. Из всѣх их один Руднев оказался честным и безпристрастным. Меня он допрашивал 15 раз, по четыре раза каждый раз. Он был ошеломлен, когда я благодарила его в концѣ четвертаго допроса, во время котораго мнѣ сдѣлалось дурно. «Отчего вы благодарите меня?» — удивился он. «Поймите, какое счастье, четыре часа сидѣть в комнатѣ, с окном и через окно видѣть зелень!..» Послѣ моего освобожденія он высказал, что из моих слов он ясно понял наше несчастное существованіе.

Положеніе мое стало улучшаться. Многіе солдаты из наблюдательной команды стали хорошо ко мнѣ относиться, особенно старо-служащіе; они искренно жалѣли меня, защищали от грубых выходок своих товарищей, оставляли пять лишних минут на воздухѣ. Да и в караулѣ стрѣлков не всѣ были звѣри.

В то время, как высокіе круги еще до сих пор не раскаялись, солдаты, поняв свое заблужденіе, всячески старались загладить свою ошибку. Один караульный начальник с добрым и красивым лицом, рано утром отпер дверь, вбѣжав, положил кусок бѣлой булки и яблоко мнѣ на койку, шепнув, что идіотство держать больную женщину, и скрылся.

Из караульных начальников еще двое были добрые.

Один, придя с нѣсколькими солдатами вечером, открыл форточку и сказал, как бы ему хотѣлось освободить меня с помощью своих товарищей... Третій был совсѣм молоденькій мальчик, сын купца из Самары. Он два вечера подряд говорил со мной через форточку, цѣловал мнѣ руки, обливая слезами, всѣх нас ужасно жалѣл, будучи не в состояніи равнодушно выносить жалкій вид заключенных. Добрые солдаты также дѣлились сахаром и хлѣбом.

Но случилось еще болѣе удивительное. Раз вошел ко мнѣ солдат, завѣдующій библіотекой бастіона, и с странным выраженіем глаз положил мнѣ на койкѣ каталог книг. Открывая каталог, нахожу письмо: «Милая Аннушка, мнѣ тебя жаль, если дашь мнѣ 5 рублей, схожу к твоей матери, отнесу письмо.» Я задрожала от волненія, боялась оглянуться на дверь. Долго я передумывала, рѣшиться ли написать... Солдат вложил конверт и бумагу. Не хотѣл ли он меня подвести? Не начало ли это новых испытаній? Бог знает. Наконец рѣшилась, написала короткое письмо дорогим родителям. Пять рублей у меня остались; когда я отдавала свои деньги, они прорвались в подкладку пальто и я их бережно хранила. Положила это единственное сокровище в конверт и написала ему, что люди меня вообще часто обманывали, что я так теперь страдаю и во имя этого страданья стараюсь вѣрить, что он меня не подведет. Какая же была неописуемая радость, когда на другой день в книгѣ нашла письмо от мамы. Уходя из камеры, он ухитрился бросить мнѣ в угол плитку шоколада.

Так установилась рѣдкая, но безконечно мнѣ дорогая переписка с родителями. Они ему каждый раз давали деньги, он же, конечно, рисковал жизнью. Находила письма в книгах, в бѣльѣ (он завѣдывал и цейхгаузом), в чулках. Нашла письмо от Лили Дэн, с извѣстіем, что Их Величества здоровы и она плачет, глядя на мои любимые цвѣты. Прислала мнѣ бумажку с наклеенным бѣлым цвѣтком от Государыни и двумя словами: «храни Господь!» Как я плакала над этой карточкой! Он принес мнѣ в крѣпость

кольцо, которое Государыня мнѣ надѣла при прощаніи (золотыя вещи из канцеляріи бастіона выдали родителям). Сначала я не знала, куда его спрятать; потом оторвала кусочек сѣрой подкладки от пальто, сшила крошечный мѣшочек и прикалывала его на рубашку под мышкой англійской булавкой. Булавку подарила добрая надзирательница. Боялась, чтобы другая надзирательница не замѣтила кольцо в банѣ; прятала тогда в подкладку. Скоро библіотекарь возбудил к себѣ подозрѣніе, так как стал слишком часто ходить к нам с книгами и его смѣнили, назначив ужаснаго Изотова.

Позже судьба нам помогла через другого человѣка. Раз в супѣ я нашла большой кусок мяса, котораго два мѣсяца не ѣла. Я, конечно, жадно его съѣла, но спросить не смѣла. На другой день опять кусок мяса. У меня даже сердце забилось. Хотѣлось узнать: кто этот тайный друг, который подкармливает меня. Надзирательница осторожно развѣдала и сообщила, что это поваренок, что он жалѣет меня и предлагает носить письма родителям. За небольшое вознагражденіе этот хорошій человѣк, рискуя жизнью, приносил мнѣ чистое бѣлье, чулки, рубашки и ѣду, и даже уносил грязное. Всѣ предыдущіе мѣсяцы я стирала рубашку под краном, из шпильки сдѣлала крючок и вѣшала в теплом углу. Ну, конечно, рубашка вполнѣ не высыхала. Кто может представить себѣ счастье послѣ двух мѣсяцев одѣть чистую, мягкую рубашку!?

Звуки из внѣшняго міра почти не долетали до нас; далекій благовѣст в церквах почему то меня раздражал. Доносился бой часов. Без содроганія не могу вспомнить заунывный мотив, который они играли; при себѣ часов не разрѣшали имѣть. С утра до ночи ворковали голуби. Теперь, гдѣ бы я ни услыхали их, они напоминают мнѣ сырую камеру в Трубецком бастіонѣ.

«Старшій» солдат разсказывал мнѣ, что он сидѣл за политическія дѣла в крѣпости и часами кормил голубей у окна. «Развѣ у вас было низкое окно?» — спрашивала я

с завистью. Окно — это то, чего я жаждала все время. Солдаты разсказывали, что вообще при царѣ было легче сидѣть в крѣпости: передавали пищу, заключенные все могли себѣ покупать, и гуляли два часа. Я была рада это услышать. «Старшій», который вначалѣ меня так мучил, измѣнился, позволял разговаривать с надзирательницей. Он был развитой и любил пофилософствовать. Солдаты были им недовольны и как то придравшись, что будто он купил нам конфект, его смѣнили. Из молодых было два из Гвардейскаго экипажа, которые говорили: «Вот нас 35 человѣк товарищей, а вы наша 36-ая.»

Заботы обо мнѣ моих раненых распологали ко мнѣ сердца солдат. Самым неожиданным образом я получила поклоны и пожеланія от них через караул. Как то пришел караульный начальник с извѣстіем, что привез мнѣ поклон из Выборга «от вашего раненаго Сашки, которому фугасом оторвало обѣ руки и изуродовало лицо. Он с двумя товарищами чуть не разнес редакцію газеты, требуя помѣстить письмо, что они возмущены вашим арестом. Если бы вы знали, как Сашка плачет!» Караульный начальник пожал мнѣ руку. Другіе солдаты одобрительно слушали и в этот день никто не оскорблял меня.

Раз, во время прогулки, подходит часовой к надзирательницѣ и спрашивает разрѣшенія поговорить со мной. Я перепугалась, когда вспоминала его рябое лицо и как он, в одну из первых прогулок, оскорблял меня, называя всякими гадкими именами. «Я, — говорит, — хочу просить тебя меня простить, что не зная, смѣялся над тобой и ругался. Ѣздил я в отпуск в Саратовскую губернію. Вхожу в избу своего зятя и вижу на стѣнѣ под образами твоя карточка. Я ахнул. Как это у тебя Вырубова, такая-сякая... А он как ударит по столу кулаком: «Молчи, — говорит, — ты не знаешь, что говоришь, она была мнѣ матерью два года,» да и стал хвалить и разсказывать, что у вас в лазаретѣ, как в царствѣ небесном и сказал, что если увижу, передал бы от него поклон; что он молится и вся семья мо-

лится за меня.»

Позже Царскосельскій совѣт постановил отдать моему учрежденію весь Федоровскій городок. Раненые ѣздили повсюду хлопотать, подавали прошеніе в Петроградскій центральный совѣт, служили молебны; ни один из служащих не ушел. Всѣ эти солдаты, которые окружали меня, были как большіе дѣти, которых научили плохим шалостям. Душа же русскаго солдата чудная. Послѣднее время моего заключенія они иногда не запирали двери и час или два заставляли меня рисовать. Я дѣлала наброски карандашем и рисовала их портреты. Но в эти дни происходили постоянныя ссоры, драки и возстанія и мы никогда не знали, что может случиться через час.

В день именин Государыни, 23 апрѣля, когда я особенно отчаивалась и трустила, в первый раз обошел наши камеры доктор Манухин, безконечно добрый и прекрасный человѣк. С его приходом мы почувствовали, что есть Бог на небѣ и мы Им не забыты.

Солдаты стали относиться с недовѣріем к доктору Серебрянникову, находя излишней его жестокость. Слѣдственная комиссія смѣнила его, так как тогда воля солдат была законом для правительства Керенскаго. Доктора замѣнили человѣком, который был извѣстен как талантливый врач и в смыслѣ политических убѣжденій человѣк им не опасный, раздѣлявшій мнѣніе «о темных силах, окружающих Престол». Но одного Керенскій не знал: что у доктора Манухина было золотое сердце и что он был справедливый и честный человѣк.

Серебрянников сопровождал доктора Манухина при его первом обходѣ и стоял с лиловым, злым лицом, волнуясь, пока Манухин осматривал мою спину и грудь, покрытую синяками от банок, побоев и паденій. Мнѣ показалось странным, что он спросил о здоровьи, не оскорбив меня ничѣм и уходя добавил, что будет ежедневно посѣщать нас. В первый раз я почувствовала, что со мной говорит «джентлмэн».

Для доктора всѣ мы были паціенты, а не заключенные. Он потребовал пробу пищи, и приказал выдавать каждому по бутылкѣ молока и по два яйца в день. Воля у него была желѣзная и хотя сперва солдаты хотѣли его нѣсколько раз поднять на штыки, они в концѣ концов покорялись ему и он, не взирая на грубости и непріятности, забывая себя, свое здоровье и силы, во имя любви к страждущемуся человѣчеству, все дѣлал, чтобы спасти нас.

Мое сердце болѣло и мучило; лекарства, склянки стояли в корридорах на окнах. Лекарства нам давали солдаты, так как мы не имѣли права брать бутылку в руки. За лекарства платили нашими деньгами, которыя лежали в канцеляріи. Когда комендант их проигрывал, покупал лекарства доктор Манухин на свои деньги. Раз в недѣлю «старшій» обходил нас и мы давали записку предметов первой необходимости, как то мыло, зубной порошек, которые покупались на наши деньги. Бумагу выдавали листами, кнтролируя каждый и, если портили, то надо было лист бумаги отдать обратно, чтобы замѣнить другим. И все же я ухитрилась иной раз припрятать клочек, на котором писала письма родителям.

Допросы Руднева продолжались все время. Я как то раз спросила доктора Манухина: за что мучат меня так долго? Он успокаивал меня, говоря, что разберутся, но предупредил, что меня ожидает еще худшій допрос.

Раз он пришел ко мнѣ один, закрыл дверь, сказав, что Комиссія поручила ему переговорить со мной с глазу на глаз. Чрезвычайная Комиссія, — говорил он, — закончила мое дѣло и пришла к заключенію, что обвиненія лишены основанія, но что мнѣ нужно пройти через этот докторскій «допрос», чтобы реабилитирвать себя и что я должна на это согласиться! .. Многих вопросов я не поняла, другіе же вопросы открыли мнѣ глаза на бездну грѣха, который гнѣздится в думах человѣческих. Когда «осмотр» кончился, я лежала разбитая и усталая на кровати, закрывая лицо руками. (По протоколам Слѣдственной Комиссіи

Вырубова при медицинском освидѣтельствованіи оказалась дѣвственницей. Примѣч. Ред.) С этой минуты доктор Манухин стал моим другом, — он понял глубокое, безпросвѣтное горе незаслуженной клеветы, которую я несла столько лѣт.

Как-то наши камеры обошел предсѣдатель Комиссіи Муравьев, важный и повидимому двуличный человѣк. Войдя ко мнѣ, он сказал, что преступленій за мною никаких не найдено и вѣроятно меня куда-нибудь переведут. Но все тянули, а я буквально погибала. Вспоминаю, как я обрадовалась первой мухѣ; потом уже их налетѣло цѣлая уйма и я часами слѣдила за ними, завидуя, что онѣ свободно вылетали в форточку. Слыхала, что другіе заключенные много читают, я же только читала библію.

В один из жарких іюньских дней ко мнѣ ворвалось человѣк 25 солдат и стали рыться в моих убогих вещицах, евангеліях, книжках и т. д. Я вся похолодѣла от страха, но увидя высокую фигуру доктора, успокоилась. Он громко сказал: «Анна Александровна, не волнуйтесь, это простая ревизіонная комиссія.» И встал около меня, слѣдя за ними, объясняя то или иное. Я слышала, как он скзал им: «Ей осталось нѣсколько дней жить; если хотите быть палачами, то берите на себя отвѣтственность, я на себя не беру.» Они с ним согласились, что надо меня вывести. Надзирательница узнала, что меня хотят перевести в женскую тюрьму. Она побѣжала сообщить об этом доктору и он старался пріостановить это рѣшеніе: он ѣздил и хлопотал за меня и за других, гдѣ мог.

Дышать в камерах было нечѣм. У меня сильно отекли ноги, я все время лежала. Раз в неделю рано утром мыли пол. Проходя мимо меня, солдат-рабочій шепнул мнѣ: «Я всегда за вас молюс!» — «Кто вы?» — спросила я. «Конюх из придворной конюшни.»

Часов в 6, когда я босая стояла, прижавшись к холодной стѣнѣ, вдруг распахнулась дверь и вошел Чкани. Сперва он спросил меня, была ли у меня истерика послѣ свиданія

с мамой. Потом продолжал, что он должен мнѣ сообщить, что завтра, вѣроятно, меня выведут. У меня закружилась голова и я не видала рук, которыя протягивали мнѣ солдаты, поздравляя меня. Я почти не соображала, как вдруг услышала голос молодой надзирательницы, которая вбѣжала в камеру, говоря: »Скорѣй собирайтесь! За вами идет доктор и депутаты Центральнаго Совѣта!» У меня ничего не было, кромѣ рваной сѣрой шерстяной кофточки и убогих пожитков, которые она завязала наскоро в платок. В это время начала стучать в стѣну бѣдная Сухомлинова, прося разрѣшенія проститься со мной, но ей отказали. Вошедшіе солдаты окружили меня.

Меня посадили. Рядом вскочил Чкони и нѣсколько солдат. В другом автомобилѣ помѣстился доктор. Нас окружили солдаты, которые, подбѣгая, дѣлали громкія замѣчанія. Депутаты торопили ѣхать. Летѣли полным ходом за мотором доктора, который сидѣл спиной к шофферу и все время слѣдил за нами. Я была как во снѣ. Вылетѣли из ворот крѣпости и помчались по Троицкому мосту. Вѣтер, пыль, голубая Нева, простор, быстрая ѣзда и столько свѣта, что я закрывала лицо руками, ничего не соображая.

Через пять минут мы очутились на Фурштадской 40. Солдаты вынесли меня на руках и провели в кабинет коменданта; караул арестнаго дома не пропустил крѣпостных. Меня удивило, когда комендант протянул мнѣ руку, — это был офицер небольшого роста, полный. Меня понесли наверх, и я очутилась в большой комнатѣ, оклеенной сѣрыми обоями, с окном на церковь Космы и Даміана и на зеленый сад. Я так вскрикнула, увидя опять окно, что солдаты не могли удержаться от смѣха. Доктор всѣх выслал, велѣл сейчас же телефонировать родителям и просил, чтобы прислали дѣвушку меня выкупать и уложить.

Мѣсяц, проведенный в арестном домѣ, был сравнительно спокойный и счастливый, хотя иногда бывало и жутко, так как в это время была первая попытка большевиков встать во главѣ правительства. Большая часть членов Временнаго Правительства уже сошла со сцены, но оставался еще Керенскій. Караул арестнаго дома не показывался кромѣ одного раза в день при смѣнѣ. Один вооруженный солдат сторожил у моей двери, но при желаніи я могла выходить в общую столовую, куда однако же я никогда не ходила. Из заключенных я была единственная женщина. Кромѣ меня тут были генерал Бѣляев и 80 или 90 морских офицеров из Кронштадта, «Кронштадтскіе мученики», как их называли. Всѣ они, худые и несчастные, помѣщались человѣк по 10 в комнатѣ. Нѣкоторые из них помнили меня по плаванію с Их Величествами.

Комендант, узнав, что у меня есть походная церковь в лазаретѣ, обратился ко мнѣ с просьбою, позволить отслужить обѣдню для всѣх заключенных Самое большое желаніе офицеров было причаститься Св Таин. Обѣдня совпала с днем моего рожденія 16 іюля Всѣ эти обреченные несчастные, замученные в тюрьмах люди простояли всю обѣдню на колѣнах; многіе неудержимо рыдали, плакали и я, стоя в уголку. Закрыв глаза, прислушивалась к кроткому голосу священника и стройному пѣнію солдат.

Комендант Наджаров обращался со всѣми заключенными предупредительно и любезно, но был большой кутила. Он держал бѣговых лошадей, которых по вечерам проѣзжал мимо наших окон. Он ладил с солдатами и умѣл отстранять непріятности. Впрочем, он не стѣснялся требовать с меня и с других большія суммы денег « в долг». Трудно об этом говорить, когда я видѣла много добра, но таковы были нравы и привычки многих русских людей и нечего удивляться, что случилось все то, что теперь мы переживаем.

Я начала поправляться. Весь день я просиживала у

открытаго окна. Но я долго не могла привыкнуть разговаривать и меня страшно это утомляло. К вечеру я очень нервничала: мнѣ все казалось, что прiѣдут за мной стрѣлки из крѣпости и я просила, чтобы дозволили дѣвушкѣ спать в одной комнатѣ со мной. Сестры милосердiя моего лазарета ночевали со мной. Спали онѣ бѣдныя на полу на матрацѣ, чередуясь.

Свиданья были разрѣшены по 4 часа в день. Сидѣла с родителями без посторонних свидѣтелей и говорила без умолку; мнѣ привезли одежду, книги и многое множество цвѣтов. Узнала я о полном разгромѣ нашей армiи и о шатком положенiи пресловутаго Временнаго Правительства. Что ожидало бѣдную родину, никто не знал. Мои дорогiе друзья в Царском были еще живы и здоровы, но терпѣли ежедневно оскорбленья от палачей, которые окружали их. Об iюльской революцiи знаю меньше, чѣм тѣ, кто был в то время на волѣ. Но какiе ужасные дни пережили и мы заключенные. В караулѣ поговаривали, что будет возстанiе большевиков.

Ночью 3 iюля из казарм Саперннаго полка за церковью Космы и Дамiана, раздались дикiе крики: «товарищи, к вооруженному возстанiю!..» В одну минуту солдаты сбѣжались со всѣх сторон, с винтовками, кричали, пѣли какiя то пѣсни, откуда-то послышались выстрѣлы, загремѣла музыка. Дрожа от волненiя и страха, я стояла у окна с горничной и солдатом из караула с георгiевской медалью.

Никто эту ночь не спал; бѣдные морскiе офицеры ходили, как звѣри в клѣткѣ, взад и вперед. Всѣх нас предупредили не оставаться в наших комнатах, так как опасались обстрѣла дома. По нашей улицѣ шествовали всѣ процессiи матросов и полки с Красной Горки, направляясь к Таврическому Дворцу. Чувствовалось что-то страшное и стихiйное: тысячами шли они, пыльные, усталые, с озвѣрѣлыми, ужасными лицами, несли огромные красные плакаты с надписями: «Долой Временное Правительство! Долой войну!» и. т. д. Матросы, часто вмѣстѣ с женщи-

нами; ѣхали на грузовых автомобилях, с поднятыми на прицѣл винтовками. Наш караульный начальник объявил, что всѣ на сторонѣ большевиков.

Комендант показал себя молодцом: караул хотѣл его арестовать, но он просидѣл с ними двое суток, и, в концѣ концов, склонил всѣх на свою сторону. Я все время сидѣла в коридорчикѣ с генералом Бѣляевым. Нервно больной, он трясся, как лист, и мнѣ же, которая боялась одной спать в комнатѣ, приходилось все время его успокоивать. Изнемогая от усталости, на вторую ночь, я прилегла, пока генерал сторожил у окна. Доктор Манухин нѣсколько раз посѣтил меня, но в эти дни он опасался прiѣхать. Руднев прiѣзжал ко мнѣ с допросами, и раз был Петроградскiй прокурор Коринскiй, который сказал, что есть надежда на мое скорое полное освобожденiе.

24-го iюля пришла телеграмма из прокуратуры, чтобы кто-нибудь из моих родных прiѣхал за полученiем бумаги на мое освобожденiе. Родители уѣхали в Террiоки. Цѣлый день я ожидала дядю Гришу, — на него была единственная надежда. Как я волновалась! Наконец на углу показался извозчик, на котором ѣхал дядя, издали махая бумагой. Вбѣжав в комнату, он обнял меня со словами: «Ты свободна!..» Я заплакала... Прибѣжали арестованные, солдаты, горничныя: жали мнѣ руки, связывали узлы с моими пожитками Караульный начальник сам свел меня под руку по лѣстницѣ, — усадили меня на извозчика и мы поѣхали мимо церкви Косьмы и Дамiана в квартиру дяди. Поднялись наверх: маленькая столовая, накрытый стол — точно во снѣ... Послѣ тюрьмы лишь немного привыкаешь к свободѣ: воля как бы убита, даже трудно пройти в сосѣднюю комнату... все как-будто надо у кого-то просить позволенiя... Но какое необъяснимое счастье — свобода... Какая радость эти первые дни двигаться по комнатам, сидѣть на балкончикѣ, смотрѣть на проходящую и проѣзжающую публику.

В Царское не смѣла ѣхать. От вѣрнаго Берчика узнала, как обыскивали мой домик, как Временное Правительст-

во предлагалю ему 10 тысяч рублей, лишь бы он наговорил гадости на меня и на Государыню; но он, прослуживший 40 лѣт в нашей семьѣ, отказался, и его посадили в тюрьму, гдѣ он просидѣл цѣлый мѣсяц. Во время перваго обыска срывали у меня в комнатѣ ковры, подняли пол, ища «подземный ход в дворец» и секретные телеграфные провола в Берлин. Искали «канцелярію Вырубовой» и ничего не найдя, ужасно досадовали. Но главное, чего они искали, — это винные погреба и никак не могли повѣрить что у меня нѣт вина. Обыскав все, они потребовали, чтобы моя кухарка приготовила им ужин и уѣхали, увезя в карманах все, что могли найти поцѣннѣй.

За нѣсколько дней до их отъѣзда в Сибирь, я получила маленькое письмо от Государыни и коробку моих золотых вещей которую она сохранила во время моего ареста. Горничная разсказывала мнѣ, как они провели лѣто, как одно время Их Величеств разъединили друг от друга и позволяли только разговаривать во время обѣда и завтрака в присутствіи офицеров. Революціонная власть Временнаго Правительства старалась всѣмя силами обвинить Государыню в измѣнѣ и. т. д., но им не удалось. Они ненавидѣли ее гораздо больше Государя Когда их обвиненіе не нашло себѣ подтвержденія, они снова дозволили Государю и Государынѣ быть вмѣстѣ. Послѣ их отъѣзда в Сибирь, маленькая горничная опять пришла ко мнѣ. Она разсказывала как Керенскій устраивал их путешествие к часами проводил время в дворцѣ, как это было тяжело Их Величествам. Он приказал, чтобы в 12 часов ночи всѣ были бы готовы к отъѣзду. Царскіе узники просидѣли в круглом залѣ с 12 часов до 6 часов утра, одѣтые в дорожное платье. В 5 часов утра один из преданных лакеев не побоялся принести им чаю, что немножко их подбодрило. Алексѣю Николаевичу становилось дурно. Уѣхали они из дворца с достоинством, совсѣм спокойные, точно отправляясь на отдых в Крым или Финляндію. Даже революціонныя газеты не могли ни к чему придраться.

Я переѣхала к зятю в его дом на Морской. В верхнем этажѣ жил нѣкій Манташев и там происходили кутежи. Вино лилось рѣкой. Бывали там Их Высочества Борис Владимірович, Марія Павловна и другіе. Я тяжело заболѣла разлитіем желчи и цѣлыми ночами не могла спать от шума и музыки. Зять мой тоже цѣлыми ночами пропадал у них наверху. Пріѣзжал ко мнѣ мр. Гиббс, снимал меня для Государыни и уѣхал в Тобольск. Всевозможные корреспонденты, англійскіе и американскіе, ломились ко мнѣ, но я видѣла, кажется, только двух или трех: американца Кроціер-Іонг и Мрс. Дорр. Зять мой получил письмо от своей сестры, что она пріѣзжает и не хочет быть со мной под одной крышей и я переѣхала к дядѣ.

24-го августа вечером, в 11 часов, явился комиссар Керенскаго с двумя «адъютантами», потребовав, чтобы я встала и прочла бумагу. Я накинула халат и вышла к ним. Встрѣтила трех евреев; они объявили, что я, как контр-революціонерка, высылаюсь в 24 часа заграницу. Рука дрожала, когда подписывала бумагу: они иронически слѣдили за мной. Я просила отложить отъѣзд на сутки, так как фактически не могла в этот срок собраться: у меня не было ни денег, ни разрѣшенія взять кого-нибудь с собой. Ко мнѣ, как опасной контр-революціонеркѣ, приставили милиціонеров. Завѣдующій моим лазаретом Рѣшетников и сестра милосердія Веселова вызвались ѣхать со мной. 25-го появилось сообщеніе во всѣх газетах, что меня высылают заграницу; указан был день и час. Близкіе указывали, что это провокація. Послѣднюю ночь мои родители провели со мной, из нас никто не спал. Утро 26-го было холодное и дождливое, на душѣ невыразимо тяжело. На станцію поѣхали в двух автомобилях, причем милиціонеры предупредили ѣхать полным ходом, так как по дорогѣ могли быть непріятности. Мы пріѣхали первыми на вокзал, в залѣ 1-го класса ожидали спутников. Родителям разрѣшили проводить меня до Терріок. Вагон наш был первый от паровоза. В 7 часов утра поѣзд тронулся, — я залилась слезами. Дядя на-

зывал меня эмигранткой. Несмотря на всѣ мученья, «эмигрантка» убивалась при мысли уѣзжать с родины. Казалось бы все готова терпѣть, лишь бы остаться в Россіи. Наша компанія контр-революціонеров состояла из старика редактора Глинки-Янчевскаго, доктора Бадмаева, — пресмѣшного божка в бѣлом балахонѣ с двумя дамами и маленькой дѣвочкой с черными киргизскими глазками, Манусевича-Мануйлова и офицера с георгіевской ленточкой в петлицѣ и в нарядном пальто, нѣкоего Эльвенгрена. Странная была наша компанія конт-революціонеров», не знавшая друг друга. Стража стояла у двери; ѣхал с нами тот же комиссар-еврей, который пріѣхал ко мнѣ ночью с бумагой от Керенскаго. Теперь он был любезнѣй. В Бѣлоостровѣ публика замѣтила фигуру доктора Бадмаева в бѣлом балахонѣ и начала собираться и посмѣиваться. Кто-то назвал мою фамилію, стали искать меня. Собралась огромная толпа, свистѣли и кричали. Бадмаев ничего не нашел умнѣе, как показать им кулак; началась перебранка, — схватили камни с намѣреніем бросить в окна, но поѣзд тронулся. Я стояла в коридорчикѣ с дорогими родителями, не живая, не мертвая. В Терріоках — раздирающее душу прощанье, и поѣзд помчался дальше.

В Рихимякки, толпа в нѣсколько тысяч солдат ждала нашего поѣзда и с дикими криками окружила наш вагон. В одну минуту они отцѣпили его от паровоза и ворвались, требуя, чтобы нас отдали на растерзаніе. «Давайте нам Великих Князей. Давайте генерала Гурко...» Я рѣшила, что все кончено, сидѣла, держа за руку сестру милосердія. «Да вот он, генерал Гурко» — кричали они. Напрасно увѣряла сестра, что я больная женщина, — они не вѣрили, требовали, чтобы меня раздѣли, увѣряя, что я — переодѣтый Гурко. Вѣроятно мы бы всѣ были растерзаны на мѣстѣ, если бы не два матроса-делегата из Гельсингфорса, пріѣхавшіе на автомобилѣ: они влетѣли в вагон, вытолкали половину солдат, а один из них — высокій худой, с блѣдным добрым лицом (Антонов) обратился с громовой рѣчью к тысячной

толпѣ, убѣждая успокоиться и не учинять самосуда, так как это позор. Солдаты немного поутихли и позволили прицѣпить вагон. Антонов сказал мнѣ, что он соціалист, член Гельсингфорскаго совѣта и что их комитет получил телеграмму из Петрограда, — они предполагали, что от Керенскаго, — о нашей высылкѣ, и приказаніе нас захватить; разсказал, как они мчались в автомобилѣ, надѣясь захватить также Великих Князей и генерала Гурко, что мы в сущности представляем для них малую добычу и что они нас задержат до тѣх пор, пока не получат разъясненія Правительства, о причинѣ высылки контр-революціонеров за границу. Он сѣл около меня и видя, что я плачу от нервнаго потрясенія, только что пережитаго страха, ласково успокаивал меня, увѣряя, что меня, выяснив дѣло, отпустят. Мнѣ казалось, что все это было подстроено, чтобы толпа разорвала нас. Вѣроятно и с генералом Гурко также бы раздѣлались, но он был умнѣе и уѣхал в Архангельск к англичанам.

Ночью подъѣхали к Гельсингфорсу. Всѣх остальных спутников Антонов отправил под конвоем, меня же и сестру он повел в лазарет находившійся на станціи. Санитары на носилках понесли меня на пятый этаж. Сестра финка, очень милая, уложила меня в постель, дала лекарство, но через полчаса поднялась суматоха, пришел караул с «Петропавловска», матросы, похожіе на разбойников, с штыками на винтовках, какіе то делегаты из комитета, требуя, чтобы меня перевезли на «Полярную Звѣзду» к остальным заключенным. Антонов с ними сердито спорил, но ему пришлось сдаться.

Я спустилась вниз на костылях среди возбужденной толпы матросов. Антонов шел возлѣ меня, все время их утоваривая. На площади перед вокзалом тысяч шестнадцать народу, — и надо было среди них добраться до автомобиля. Ужас слышать безумные крики людей требующих нашей крови... Я увѣренная, что меня растерзают, чувствовала себя как заяц, загнанный собаками. Антонов поса-

дил меня и сестру в автомобиль и мы начали медленно двигаться сквозь неистовавшую толпу. «Царская наперсница, дочь Романовых. Иди пѣшком по камням...» — кричали обезумѣвшие голоса.

На набережной остановились, пришлось лѣзть по плоту, доскам и, наконец, по отвѣсному трапу. Спустились на яхту «Полярная Звѣзда», с которой связано у меня столько дорогих воспоминаній о плаваніях — по этим же водам с Их Величествами... Яхта перешла, как и все достояніе Государя, в руки Врем. Правительства и на ней засѣдал «Центробалт». В заплеванной, загаженной и накуренной каютѣ нельзя было узнать чудную столовую Их Величеств. За тѣми же столами сидѣло человѣк сто «правителей», — грязных, озвѣрѣлых матросов. Рѣшались вопросы и судьба разореннаго флота и бѣдной Россіи.

Пять суток, которыя я пережила на яхтѣ, я цѣлый день слышала, как происходили эти засѣданія и говорились «умныя» рѣчи. В трюмѣ все было переполнено паразитами; день и ночь горѣла электрическая лампочка, так как все это помѣщеніе было под водой. Никогда не забуду первой ночи. У дверей поставили караул с «Петропавловска», тѣ же матросы с лезвіями на винтовках и всю ночь разговор между ними шел о том, каким образом с нами покончить, как меня перерѣзать вдоль и поперек, чтобы потом выбросить через люк, и с кого начать, — с женщин, или со стариков. Всю ночь Антонов сидѣл у стола, разговаривая то с тѣм, то с другим; когда караул гнал его спать, он отказывался, говоря, что исполняет при нас обязанности комиссара и не имѣет права спать. Когда караул смѣнила команда с «Гангута», Антонов ушел и я больше никогда его не видала. Вернувшись на свой корабль, матросы с «Петропавловска» убили всѣх своих офицеров...

Так провели мы пять суток. Когда нас перевели в крѣпость, то я замѣтила, что стала сѣдая. Нас выводили на полчаса на верхнюю палубу, я садилась возлѣ рубки, гдѣ так часто сидѣла с Государыней и гдѣ каждый уголок был

памятен мнѣ. На этом же мѣстѣ пять лѣт тому назад я снимала Императрицу-Мать вмѣстѣ с Государем и ея японскими собачками в день имении Государыни; какая чистота была тогда на яхтѣ... а теперь! Под крики ораторов Центробалта сидѣли мы, ожидая нашей участи. Кормили нас хорошо: нам приносили мясо, суп, много хлѣба и чай. На второй вечер был митинг на площади около «Полярной Звѣзды» по поводу нас. Толпа требовала самосуда, ворвались делегаты на яхту, обходили наши конуры и нашли, что мы слишком хорошо содержимся. Мыться не было возможности среди матросов. Набрела на двух земляков из нашего села Рождествена. Они говорили, что если бы знали, что это наша Анна Александровна, то как-нибудь похлопотали бы, но теперь ничего нельзя было сдѣлать. Раз вечером я нашла у себя в каютѣ безграмотно написанное письмецо, которое сообщало, что нас поведут в крѣпость или тюрьму и что пишущій жалѣет меня.

Наконец, 30-го августа вечером пришли к нам. Островскій (начальник охраны) юноша лѣт 18-ти с злыми глазами и наглым выраженіем и члены совѣта и объявили, что всѣ арестованные отправляются в тюрьму в Свеаборгскую крѣпость, сопровождающіе же их по собственному желанію, могут быть свободны. Я кинулась к сестрѣ, умоляя ее не оставлять меня, но она на отрѣз отказалась. «Я принес Вам манифест — вы свободны», — объявил он сестрѣ, Рѣшетникову и двум женщинам, сопровождавшим доктора Бадмаева. Одна из них, странная стриженная барышня с подведенными глазами, Эрика, называла себя гувернанткой маленькой Аиды. Островскій, бритый, в шведской курткѣ и фуражкѣ защитнаго цвѣта, насмѣхался: «Конечно, я понимаю ходить за больными, — говорил он, но не за такой женщиной, как Вырубова». Вокруг поднялся наглый хохот. «Да кромѣ того, их вѣроятно, скоро убьют....» Но стриженная барышня, оставляя маленькую Аиду, объявила: «Я ѣду с доктором Бадмаевым». Потом, подойдя ко мнѣ, она шепнула: «Хотя я вас не знаю, я буду за вами ходить».

Я передала сестрѣ нѣсколько золотых вещей и просила ее передать послѣдній привѣт родителям.

Крѣпость Свеаборг расположена на нѣскольких маленьких островах в заливѣ Гельсингфорса.

Причалили к острову и пошли пѣшком в гору. Налѣво, окруженный зеленью, высился бѣлый собор, направо за гауптвахтой — одноэтажное каменное зданіе, куда нас повели. Принял нас молоденькій офицер, окружили грязные солдаты. По узкому, вонючему коридорчику, по обѣ стороны были двери в крошечныя грязныя камеры. Меня и Эрику втолкнули в одну из них и заперли.

Двое нар, деревянный столик, высокое окно с рѣшеткой и непролазная грязь повсюду. Эрика и я улеглись на доски, свернув пальто под голову. Эрика смѣялась, увѣряя, что все будет хорошо. Нельзя себѣ вообразить уборную, куда мы ходили в сопровожденіи часового: для караула и заключенных была одна и та же уборная. Пищу нам приносили из офицерскаго собранія: все было вкусно. Платили за обѣд и ужин по 10 рублей в день. Бѣдный Глинка-Янчевскій увѣрял, что он никогда так хорошо не ѣл, как в крѣпости. Ѣду приносил нам сторож Степан; он был неимовѣрно грязный, носил полотенце вокруг шеи и этим полотенцем вытирал тарелки. Он вымыл нашу ужасную камеру. Мы влѣзли на стол и увидѣли из окна двор; напротив была какая то постройка, рабочіе — финны и финки — проходили по дворику.

Напротив нас была камера Мануилова — через форточку в дверях мы увидѣли его. Он стал нам показывать три пальца и написал: «три дня». — «Нѣт, не три дня, навѣрно мы просидим здѣсь мѣсяц», — сказала я и написала крупным шрифтом: «Мѣсяц». Столько времени мы и просидѣли здѣсь.

Большой опасности мы подвергались при смѣнѣ караула. По ночам они напивались пьяными и галдѣли так, что никто из нас не мог спать. Узкій коридорчик выходил прямо в караульное помѣщеніе; приходило их человѣк 20

или 30. Играли в карты, пили, курили, спали, но больше всего спорили между собой. Караульным начальником был офицер, а также его помощник. Эти юные офицеры боялись солдат больше нас, так как солдаты грозили покончить с ними самосудом.

Нас не запирали, так как замки от камер были потеряны. На воздух нас выводили по полчаса и позволяли гулять по гауптвахтѣ. Прогулки эти были опасныя, так как мимо гауптвахты проходила проѣжая дорога; солдаты крѣпостного гарнизона проходили мимо, идя на пароход или с парохода. Собиралась толпа любопытных, так что нас стали выводить рано утром. Особенное вниманіе привлекал доктор Бадмаев в его бѣлой чесунчовой рубахѣ, бѣлой шляпѣ и бѣлых нитяных перчатках; главное же — он всегда заговаривал с толпой. Смотрѣли на нас, как на звѣрей в клѣткѣ но послѣ надоѣло и рѣдко кто останавливался.

Эрика все просилась к доктору Бадмаеву и ее стали пускать к нему на цѣлый день. Он диктовал ей разныя врачебныя сочиненія и романы. По вечерам он надѣвал блѣдно-голубой халат, сидѣл в полутьмѣ, так как лампу ставил на пол и жег какія то ароматныя травы. Солдаты насмѣхались над ним из-за его нѣжнаго отношенія к Эрикѣ, но в концѣ нашего заключенія к нему цѣлый день приходили лечиться матросы и говорили, что если других отпустят, то товарища Бадмаева они не отпустят, так ка он им очень помогает. Меня же Бадмаев не любил, так как я отказалась принимать его порошки и пользоваться массажем, хотя он увѣрял, что я буду ходить без костылей.

Но зато к бѣдному Глинкѣ-Янчевскому всѣ, начиная со сторожа Степана, относились с полным презрѣніем, так как у него совсѣм не было денег. Нельзя себѣ вообразить, какими рисунками были вымазаны стѣны его камеры; голыя женщины и т. д. в натуральную величину. Солдаты в началѣ даже не позволяли к нему входить, пока не смыли часть рисунков. Бѣдный старичек все время спал на голых досках, покрываясь старым пальто. Когда вечером

всѣм давали лампы, его обносили. Я приносила ему молоко и читала вслух газеты; чая у него не было и каждый вечер он приходил со стаканом кипятка, прося удѣлить ему немного чая. Каждый день он обращался к нам с одним и тѣм же вопросом: «Ну что, сегодня мы уѣзжаем? — «Нѣт», — отвѣчали ему, и старичек побредет к себѣ в камеру с ужасными рисунками и смирно сидит весь день. Мы часто шутили, говоря, что если нас освободят, то его навѣрное забудут в крѣпости.

Офицеры приносили мнѣ поклоны и выражали много сочувствія от себя и от разных лиц. Раз, проснувшись ночью, Эрика и я увидѣли у нас в камерѣ нѣсколько пьяных солдат из караула, пришедших с самыми худыми намѣреніями. Мы стали кричать о помощи; вбѣжали другіе солдаты, которые спасли нас. Тогда я обратилась к члену Центробалта матросу Попову, котораго называли министром юстиціи, — он завѣдывал арестованными, — с просьбой назначить кого-нибудь из матросов комиссаром при нас на случай опасности от караула. Назначили матроса К.; худой, бритый, с кудрявыми волосами, он был очень сердечный человѣк. Водил меня три раза в собор к обѣднѣ в будній день: народу ни души; два солдата у выручки ласково встрѣчали. Водил он меня гулять в маленькій садик, принадлежавшій какому-то казенному зданію. У окна стоял офицер: он сразу выпрыгнул в сад, поцѣловал мнѣ руку и нарвал мнѣ послѣдніе осенніе цвѣты. Матрос К. помнил меня по плаванью с Их Величествами, когда он служил в охранѣ.

Газеты были полны рѣшеніями полковых и судовых комитетов, и всѣ приговаривали меня к смертной казни. Караул приходил от шести рот поочередно. Вначалѣ настроеніе было очень возбужденное. Когда же поговорят, то смягчались, но до самаго конца были такіе, которые хотѣли покончить с нами самосудом. Но не было того одиночества, как в Петропавловской крѣпости.

Раз пришла самая буйная шестая рота, и во главѣ ея

ужасный рыжій солдат. Слышала, как он сказал, что в эту ночь со всѣми покончат. Как мы дрожали, когда он с винтовкой пришел и сѣл к нам на нары и стал нагло браниться. Эрика и я угостили его папиросами; он стал разговаривать, а в концѣ заключенія стал первым моим защитником.

С нами сидѣло восемь солдат, арестованных за кражи, убійства и т. д. «Наши товарищи по несчастью» — называли они себя. Огромный рябой Калинин всегда ворчал и спал; Цыганков, который жаловался на нас караулу, из за чего мы могли поплатиться жизнью, и другіе. Позже я им читала слух, и мы покупали им папиросы.

Через недѣлю пріѣхал Шеймам, предсѣдатель областного комитета, со свитой матросов и солдат и сказал, что на другой день постарается вывести нас миноносцем в Кронштедт, приказал нам быть готовыми к 9 часам вечера. Но потом дал знать, что из за насроенія толпы вывезти нас невозможно. Пришла телеграмма в Гельсигфорс от Керенскаго и от Чхеидзе с требованіем о нашем освобожденіи, но приказанія Керенскаго на собраніях в полках и на судах рѣшили не исполнять. Матросы и солдаты разсказывали, то они ненавидят Врем. Правительство; имя Керенскаго они не могли равнодушно слышать. От Временнаго Правительства и из Центральнаго Совѣта пріѣзжал к нам Каплан, который выражал нам сочувствіе, но находил положеніе наше безвыходным. Н. Соколов (автор приказа № 1) очень сердечный, понял весь ужас нашего положенія, обратился к караулу с рѣчью как их «старшій товарищ», прося не учинять безобразій, но они продолжали играть в карты, курили, а послѣ над ним смѣялись. Пріѣзжал Іоффе, увѣряя, что принимает всѣ мѣры.

Через двѣ недѣли Островскій возвѣстил нам, что мы болѣе не считаемся арестованными, а лишь задержанными. Гулять разрѣшали два раза в день по одному часу. Когда я сидѣла на дворикѣ, часто приходили рабочіе и женщины разговаривать со мной. Онѣ приносили мнѣ цвѣты, конфеты и молоко, успокаивали, говоря, что меня скоро выпу-

стят. Старшій рабочій был москвич. В концѣ моего заключенія он умолил меня придти в его домик недалеко от нас. Комиссар разрѣшил. Я пила у них чай, при чем ни он ни жена его при мнѣ не садились. Угощали меня чаем и пряниками.

Когда Эльвенгрена перевели в лазарет, Эрика и я перешли в его камеру; солдаты помогли нам вымыть стѣны с ужасными рисунками. Вскорѣ меня посѣтила мама. Всего она была у меня три раза: 8, 16 и 20 сентября. Она разсказывала, что только на третій день узнали о постигшем меня бѣдствіи, сейчас же поѣхали в Гельсингфорс, но генерал-губернатор Стахович уговорил их уѣхать обратно. Родители передали ему деньги, которыя Стахович передал для меня члену Исполнительнаго Комитета, но послѣдній с этими деньгами скрылся. Узнала также о Корниловской исторіи, которая немного отвлекла от нас вниманіе матросских масс: они ненавидѣли всѣх, и Корнилова и Керенскаго, не довѣряли Чхеидзе, а разсказывали о выдающихся качествах Ленина и что он теперь скрывается в Петроградѣ.

Пріѣзжал из Кронштадта курчавый матрос, делегат-большевик. Он разспрашивал о царской семьѣ и моем заключеніи, а уходя сказал: «Ну, мы вас совсѣм иной представляли!» Ужасно было то, что всякій мог войти к нам помимо караула. Вскорѣ пришли человѣк 10 матросов-большевиков, и насколько первый был учтивый, настолько эти ввалились с громкими криками: «показать нам Вырубову!» Я вся похолодѣла. «Лучше выходить», — сказал мнѣ кто-то. Я открыла дверь камеры, и они всѣ сразу окружили меня. Всѣ были очень возбуждены. Стали разспрашивать и чѣм болѣе говорили, тѣм болѣе становились привѣтливѣе «Так вот вы какая», — говорили они, уходя протянули руки, желали скорѣе освободиться.

Становилось рано темно, было сыро и холодно, и мы грѣлись у печей в коридорѣ, читали солдатам вслух разсказы Чехова; приходили и солдаты из караула слушать. Вокруг гауптвахты росли огромныя деревья рябины: солда-

ты влѣзали на них и приносили рябину, которую мы поджаривали на огнѣ за неимѣніем других лакомств. Кромѣ матроса К. у нас было еще два комиссара: первый — маленькій, толстый солдат-артиллерист; он неохотно дежурил, так как был против нашего заключенія; он тоже водил меня в церков и гулять, но не хотѣл назвать своей ѳамиліи; второй — солдат Дукальскій, огромный, энергичный, много говорил, жестикулировал и рѣшал міровые вопросы; впослѣдствіи он стал помощником Шеймана. Его боялись. Он нѣсколько раз спасал нас от караула.

В Петроградѣ был какой-то «Съѣзд Совѣтов», и ожидалась перемѣна правительства. В случаѣ ухода Керенскаго матросы рѣшили нас отпустить. 27-го сентября Шейман вернулся из Петрограда, зашел к нам и придя в мою камеру сказал, что Луначарскій и Троцкій приказали освободить заключенных Временнаго Правительства. С Шейманом также говорил доктор Манухил, что сегодня вечером во-первых будет закрытое засѣданіе президіума Областного Комитета и они предложат вопрос о нашем освобожденіи, но что он рѣшил лично меня перевести завтра в лазарет. Вечером мы пили чай в дежурной комнатѣ офицеров; позвонил телефон, позвали меня, сказали, что президіум постановил нас отпустить.

День 28-сентября прошел, как обыкновенно: грязный Степан приносил обѣд. В 6 часов сидѣла с сестрой милосердія, которая ежедневно навѣщала меня, когда вошли Шейман и Островскій. Первый предложил мнѣ одѣться и идти за ними, сестрѣ же велѣл уложить мои вещи и идти на пароход. Все это было дѣлом минуты. Повыскакали из камер мои спутники, он что-то им объснил, подписал бумагу, которую принесли офицеры, и мы прошли на двор, гдѣ стояли два солдата, пріѣхавшіе с ним. Мы быстро пошли к берегу; пока караул успѣл опомниться, нас уже не было. Между камней была запрятана небольшая моторная лодка. Шейман и один из солдат подняли меня в лодку, вскочили, у машины я увидѣла матроса — одного из чле-

нов Областного Комитета. Он завел мотор, Островскій стал к рулю, Шейман же стоял на носу. Наконец мотор застучал и мы полетѣли.

Уже стемнѣло, когда пришли к военной пристани в Гельсингфорсѣ, прошли так близко мимо эскадры, что невольно содрогнулась, смотря на грозные разбойничьи корабли. На берегу стоял мотор, шоффер даже не обернулся. Он плохо знал улицы, Шейман тоже, так что мы долго искали дорогу. У меня кружилась голова от волненія. Вездѣ гуляла масса публики, горѣли электрическіе фонари. Наконец, мы очутились у ворот небольшого каменнаго дома в переулкѣ. Пожав руку шофферу «товарищу Николаю», Шейман отправил Островскаго за сестрой и вещами. Мы же прошли через двор. Прелестная сестра милосердія финка открыла нам дверь. Он передал меня ей, приказав никого не впускать. Она повела меня в санаторію, и я легла спать в большой голубой угловой комнатѣ.

Послѣ голых досок, какое счастье была эта мягкая, чистая кровать. Я провела два дня в этой сказочной обстановкѣ: какой отдых было не видѣть и не слышать ужасных солдат и матросов. Пріѣзжал ко мнѣ врач, финскій профессор. 30-го неожиданно пріѣхала моя тетя. Шейман разрѣшил ей остаться со мной. В 5 час. пріѣхал он сам сказать, что вопрос о нас рѣшен Областныв Комитетом положительно, что нас отпускают, так как во главѣ Петроградскаго Совѣта встал Троцкій, которому они нас препровождают. Островскаго он послал за остальными заключенными, меня же Шейман сам привез на вокзал, и человѣк 6 солдат «народной охраны» провели до вагона. Поѣзд тронулся. Всѣ были очень веселые, Островскій же совсѣм пьян. все время пѣл пѣсни. Я сидѣла между моей тетей и сестрой милосердія, молясь — чтобы ночь скорѣе прошла.

В 9 час. утра мы пріѣхали в Петроград. Шейман провел меня и сестру к извощикам, и мы поѣхали в Смольный. Очутились в огромном коридорѣ, по которому бродили солдаты. Мы вошли в большую пустую комнату с надписью

«дортуар», гдѣ теперь стояли грязные столы. Я была счастлива обнять дорогую маму, которая вбѣжала с другими родственниками. Вскорѣ пришел Каменев и его жена; поздоровавшись со всѣми нами он сказал, что вѣроятно мы голодные; приказали всѣм принести обѣд. Каменев же сказал, что лично он отпускает нас на всѣ четыре стороны. Наконец пріѣхал сенатор Соколов в своей черной шапочкѣ и сказал, чтобы мы теперь ѣхали по домам, но завтра в 2 час. утра пріѣхали в Слѣдственную Комиссію. Подписал бумагу, что принял нас, и мы были свободны. Поблагодарили Каменевых за их сердечное отношеніе, послѣ всѣх наших мытарств.

Всѣ газеты были полны нами, писали скорѣе сочувственно. Обѣд же, которым нас угостили в Смольном, был описан во всевозможных варіантах. Цѣлыя статьи были посвящены мнѣ и Каменевой: пошли легенды, которыя окончились разсказами, что я засѣдаю в Смольном, что меня там видѣли «своими» глазами, что я катаюсь с Колонтай и скрываю Троцкаго и т. д. Так кончилось мое второе заключенье: сперва «германская шпіонка», потом «контрреволюціонерка», а через мѣсяц — «большевичка», и вмѣсто Распутина повторялось имя Троцкаго. Я поѣхала в Слѣдственную Комиссію, гдѣ сказали, что дѣло мое окончено, и велѣли ѣхать в Министерство Внутренних Дѣл. Вошла в кабинет, гдѣ какой-то бритый мужчина начал длинную рѣчь о том, что правительство пока высылку заграницу отмѣняет, но что мы будем под надзором милиціонеров. Первую недѣлю нам все же угрожали высылкой в Архангельск, но доктор Манухин хлопотал за нас, доказывая, что они нас посылают на вѣрную смерть, так как большевики послали своих комиссаров на всѣ дороги, чтобы слѣдить за отъѣзжающими.

Около 20 октября ожидали безпорядков, и я переѣхала к скромному, добрѣйшему морскому врачу и его женѣ. В это время происходил большевистскій переворот, стрѣляли пушки, арестовывали Временное Правительство, посади-

ли министров в ту же крѣпость, гдѣ они нас так долго мучали: Керенскій — бѣжал. В городѣ было жутко, на улицах стрѣляли, убивали, рѣзали. Доктор приходя по вечерам из своего госпиталя разсказывал, как приносили им раненых и убитых. Г-жа Сухомлинова скрывалась со мной, но 28 го октября я переѣхала еще в болѣе скромную квартиру к одной бѣдной знакомой массажисткѣ. Вѣрный Берчик переѣхал ко мнѣ. В серединѣ ноября мы нашли маленькую квартиру на шестом этажѣ Фурштадтской улицы, и я переѣхала с сестрой милосердія и Берчиком. Жила как отшельница, ходила только иногда в храм

Как ни странно, но зима 1917—1918 гг. и лѣто 1918 г., были сравнительно спокойными, хотя столица и находилась в руках большевиков, и я знала, что ни одна жизнь не находится в безопасности. Пища была скудная, цѣны огромныя, и общее положеніе становилось все хуже и хуже. Армія больше не существовала, но я должна сознаться, что относилась хладнокровно к судьбѣ Россіи: я была убѣждена, что всѣ несчастья, постигшія родину, были вполнѣ заслуженными послѣ той участи, которая постигла Государя.

Кто не сидѣл в тюрьмѣ, тот не поймет счастья свободы. На время я была свободна, видѣлась ежедневно с дорогими родителями; двое старых вѣрных слуг жили со мной в крошечной квартирѣ, раздѣляя с нами лишенія и не получая жалованья — лишь ограждали от врагов. Любимые друзья посѣщали нас и помогали нам.

Я вѣрила, что скоро наступит реакція и русскіе люди поймут свою ошибку и грѣх по отношенію к дорогим узникам в Тобольскѣ. Такого же мнѣнія был даже революціонер Бурцев, котораго я встрѣтила у родственников, и писатель Горькій, который, вѣроятно ради любопытства, хотѣл меня видѣть. Я же, надѣясь спасти Их Величества, или хоть улучшить их положеніе, кидалась ко всѣм. Я сама поѣхала к нему, чтобы мое мѣстопребываніе не стало извѣстным. Я говорила болѣе двух часов с этим странным человѣком, который как будто стоял за большевиков и в то же

время выражал отвращеніе и открыто осуждал их политику, террор и их тиранство. Он высказывал свое глубокое разочарованіе в революціи и в том, как себя показали русскіе рабочіе, получившіе давно желанную свободу. То, что он говорил о Государѣ и Государынѣ, наполнило мое сердце радостной надеждой. По его словам, они были жертвой революціи и фанатизма этого времени, и послѣ тщательнаго осмотра помѣщеній царской семьи во Дворцѣ, они казались ему даже не аристократами, а простой буржуазной семьей, безупречной жизни. Он говорил мнѣ, что на мнѣ лежит отвѣтственная задача — написать правду о Их Величествах «для примиренія царя с народом». Мнѣ же совѣтовал жить тише, о себѣ не напоминая. Я видѣла его еще два раза и показывала ему нѣсколько страниц своих воспоминаній, но писать в Россіи было невозможно. Что я видѣла Горькаго, стали говорить и кричать тѣ, кому еще не надоѣло меня клеймить, но впослѣдствіи всѣ несчастные за помощью обращались к нему. Несмотря на то, что он и жена его занимали видныя мѣста в большевистском правительствѣ, они хлопотали о всѣх заключенных, скрывали их даже у себя и дѣлали все возможное, чтобы спасти Великих Князей Павла Александровича, Николая и Георгія Михайловичей, прося Ленина подписать ордер об их освобожденіи; послѣдній опоздал и их разстрѣляли.

На Рождество у меня была крошечная елка, которую мы зажгли с родителями, возвратясь от всенощной. Я получила от Государыни посылку с мукой, макаронами и колбасой, что было роскошью в это время. В посылку были вложены также шарф, теплые чулки, которые мнѣ связала Государыня, и нарисованные ею кустики.

Я пошла к обѣднѣ в одно из подворій, — я ходила часто в эту церковь. Подошел монах, прося меня зайти в трапезную. Войдя туда, я испугалась: в трапезной собралось до двухсот простых фабричных женщин. Одна из них на полотенцѣ поднесла мнѣ небольшую серебряную икону Божьей Матери «Нечаянной Радости»: она сказала мнѣ.

что женщины эти узнали, кто я, и просили меня принять эту икону в память всего того, что я перестрадала в крѣпости за Их Величества. При этом она добавила, что, если меня будут продолжать преслѣдовать, — всѣ их дома открыты для меня. Я была глубоко тронута и расплакалась обняв ее и других, которыя были ближе ко мнѣ. Всѣ онѣ обступили меня, прося получить что-нибудь на память из моих рук. В монастырѣ нашлись иконки, которыя я могла раздать. Я была глубоко тронута этим поднесеньем бѣдных работниц: вѣдь онѣ из своих скудных средств собрали деньги, чтобы купить эту икону в дар совсѣм для них чужой женщинѣ, и только потому, что я по их словам «невинно страдала».

25-го января меня постигло самое большое горе, которое я когда либо испытала: скоропостижно скончался мой отец, благороднѣйшій, безконечно добрый и честный человѣк. Как глубоко уважали и любили его Государь и Государыня, свидѣтельствуют письма ко мнѣ Государыни послѣ его смерти. Не взирая на всю долголѣтнюю свою службу, —всей душой преданный Их Величествам, — он умер, не оставив послѣ себя ничего, кромѣ свѣтлой памяти безкорыстнаго человѣка.

Отец мой был композитором и музыкантом, и когда его спрашивали о его званіи, он отвѣчал: я прежде всего «свободный художник» Петербургской консерваторіи, а потом уже все остальное. На его похоронах хор Архангельскаго вызвался пѣть литургію его сочиненія, отличавщуюся кристально чистой музыкой. Послѣ его смерти моя мать переѣхала ко мнѣ, и мы раздѣляли вмѣстѣ тяжелое существованіе.

Единственными свѣтлыми минутами послѣдующих дней — была довольно правильная переписка, которая установилась с моими друзьями в Сибири. И теперь даже, в далекѣ от Россіи, я не могу назвать имена тѣх храбрых и преданных лиц, которые проносили письма в Тобольск и оправляли их на почту, или привозили в Петроград и обратно.

Двое из них были из прислуги Их Величеств. Они рисковали жизнью и свободой, чтобы только доставить Помазанникам Божьим радость — переписки со своими друзьями. Их Величествам разрѣшали писать, но каждое слово прочитывалось комиссарами, подвергаясь строгой цензурѣ.

В концѣ лѣта 1918 года жизнь в Россіи приняла хаотическій характер. Фунт хлѣба стоил нѣсколько сот рублей, и масло нѣсколько тысяч. Ни чая, ни кофе нельзя было достать, сушили брусничныя и другія листья, а вмѣсто кофе жарили овес или рожь. Большевики запретили ввоз провизіи в Петроград, солдаты караулили на всѣх желѣзнодорожных станціях и отнимали все, что привозили. Рынки подвергались разгромам и обыскам; арестовывали продающих и покупающих, но тайная продажа продуктов все же продолжалась, и за деньги и на обмѣн вещей можно было не голодать. Многіе жили тѣм, что продавали оставшіяся драгоцѣнности, мѣха, картины разным скупщикам — евреям, аферистам, которые пользовались случаем, пріобрѣтая драгоцѣнныя вещи за незначительныя суммы. У меня осталось в карманѣ всего 5 копѣек; я сидѣла в Таврическом саду на скамейкѣ и плакала. Когда вернулась домой, моя мать, которая все лѣто лежала больная в постели, сказала мнѣ, что был один знакомый и принес нам 20 тысяч рублей, узнав о нашей бѣдности. Послѣ он исчез, и мы никогда не узнала, что с ним стало. Благодаря его помощи мнѣ удалось послать царской семьѣ необходимыя вещи и одежду. Большевики закрыли мой лазарет, инвентарь разворовали служащіе, осталась корова и двѣ лошади. Я обратилась к присяжному повѣренному с просьбой помочь мнѣ окончательно развязаться с этим дѣлом. Послѣдній открыл мнѣ глаза на всевозможныя злоупотребленія писаря и старшей сестры. Когда же мы призвали его для объясненія, он сказал, что никаких объясненій он давать не намѣрен, что оставшееся имущество и корова принадлежат ему. Я стала возражать, прося его отдать корову, так как моя мать будучи тяжело больной нуждалась в молокѣ, он толь-

ко смѣялся и затѣм написал на меня донос в «Че-ка». 7-го октября ночью мы были разбужены сильными звонками и стуком в дверь, и ввалились человѣк 8 вооруженных солдат с Гороховой, чтобы произвести обыск, а также арестовать меня и сестру милосердія. Все, что им бросалось в глаза, они взяли у нас, между прочим два письма Государя к моему отцу, одно из них, гдѣ он пишет о причинах, побудивших его стать во главѣ арміи. Бѣдная мать стояла перед ними, обливаясь слезами, умоляя меня не увозить, но они грубо потребовали, чтобы я скорѣе простилась. Внизу стоял грузовой автомобиль; я сѣла с шоффером, было страшно холодно, небо ясное, усѣянное звѣздами; ѣхали мы быстро по пустым улицам и минут через десять пріѣхали на Гороховую, прошли мимо соннаго караула и очутились в канцеляріи. Заспанный, грубый комендант записал нас и велѣл провести в женскую камеру. В двух грязных комнатах на кроватях, столах и на полу — по двѣ и по три вповалку лежали женщины: тут были дамы, бабы в платках и даже дѣти. Воздух спертый, ужасный; солдат сидѣл у двери; сестра милосердія и я сѣли на единственную свободную кровать. Когда стало разсвѣтать, арестованныя стали подыматься; солдат с ружьем водил партіями в грязную уборную. Тут же под краном умывали лицо. Старостой арестованных женщин была выбрана та, которая дольше всѣх находилась в «Че-ка»: таковая была рыженькая барышня Шульгина (впослѣдствіи ее разстрѣляли). Подойдя ко мнѣ, она совѣтовала мнѣ написать прошеніе об ускореніи моего дѣла и допроса старшему комиссару. Еврей с огромной шевелюрой, вызвал меня и сказал, чтобы я успокоилась, что скоро нас выпустят. Солдаты с караула с нами разговаривали, нѣкоторые предлагали за вознагражденіе сходить к матери. Тогда я писала коротенькія письма на клочкѣ бумаги и по дорогѣ в уборную передавала им. Мама отвѣтила, что дѣлает все возможное для освобожденія, что доктор Манухин тоже вездѣ хлопочет. На Гороховой состоял врачем молодой фельдшер, который также отно-

сился хорошо к нам, заключенным, и из всѣх окружавших имѣл самый добродушный вид. Мы провели пять дней в этой кошмарной обстановкѣ, гдѣ нас кормили, как звѣрей. Два раза в день приносили большую общую миску с супом (вода с зеленью) и по маленькому кусочку хлѣба. Получавшія пищу из дому — дѣлились. Вспоминаю одну красивую женщину полусвѣта, — она одѣвалась в тюрьмѣ в сквозныя платья, душилась, красилась, но была очень добрая и щедро дѣлилась всѣм, что ей присылали. Была арестована за то, что помогла бѣжать своему другу «бѣлому» офицеру и была в «восторгѣ», что страдает за него.

Не зная, в чем меня обвиняют, жила с часу на час в постоянном страхѣ, как и всѣ, впрочем. Солдаты при смѣнѣ караула считали арестованных, выкрикивая фамиліи. Если кого вызывали на допрос или уводили куда-то и тѣ исчезали или освобождали. Приходили новыя арестованныя, на которых набрасывались с вопросами. Кто лежал, кто разговаривал, но больше всего плакали, ожидая своей участи. Окна выходили на грязный двор, гдѣ ночь и день шумѣли автомобили. Ночью «кипѣла дѣятельность», то и дѣло привозили арестованных и с автомобилей выгружали сундуки и ящики с отобранными вещами во время обысков: тут были одежда, бѣлье, серебро, драгоцѣнности, — казалось мы находились в станѣ разбойников! Как-то раз нас всѣх послали на работу связывать пачками бумаги и книги из архива бывшаго градоначальства; мы связывли пыльныя бумаги на полу и были рады этому развлеченію. Часто ночью, когда усталыя мы засыпали, нас будил электрическій свѣт и солдаты вызывали кого-нибудь из женщин: испуганная она вставала, собирая свой скарб — однѣ возвращались, другія исчезали... и никто не знал, что каждаго ожидает. Сестру милосердія вызвали на допрос: вернулась она радостная и сказала, что ее выпускают и меня тоже вскорѣ послѣ нея.. Часа через два вошли два солдата и, выкрикнув мою фамилію, добавили: «в Выборгскую тюрьму». Я была огорошена, просила солдата показать ордер,

но он грубо велѣл торопиться. Арестованныя участливо меня окружили; бѣдная Шульгина меня крестила. У меня было еще немного денег и я попросила солдата взять извощика и по дорогѣ разрѣшить мнѣ повидать мою мать. Уже был вечер, трамваи не ходили, шел дождь. Мы наняли извощика за 60 рублей в Выборгскую тюрьму; отдала всѣ оставшіяся деньги солдату, и он согласился остановиться около нашего дома, но требовал, чтобы я отдала ему кольцо, которое мнѣ все же удалось сохранить. Подъѣхав к дому, мы зашли на двор и я послала дворника наверх. Бѣдная мама спустилась бѣгом всѣ шесть этажей, за ней бѣжал вѣрный Берчик. Солдат волновался и торопил, мы обнялись и разстались... Она увѣряла, что в Выборгской тюрьмѣ мнѣ безопаснѣе, чѣм на Гороховой, и что она и доктор хлопочут. В канцеляріи Выборгской тюрьмы нас встрѣтила хорошенькая, бѣлокурая барышня; она обѣщалась помочь меня устроить в тюремную больницу, так как хорошо знала начальника тюрьмы и видѣла мое болѣзненное состояніе. В первые дни февральской революціи, когда народ открыл двери тюрем и выпустил всѣх заключенных, каторжанки защищали своих надзирательниц от побоев и насилій, и поселившись первое время невдалекѣ от тюрьмы, надѣляли их щедро всѣм, что имѣли, отблагодарив их за справедливое и сердечное отношеніе. Такими и остались надзирательницы, прослужившія многіе годы там, гдѣ было больше всего страданья и слез. Старушка-надзирательница, которая запирала меня эту ночь в холодную одиночную камеру (стекло в форточкѣ было разбито), видя, как я дрожала от слез и ужаса тюрьмы, показала мнѣ на крошечный образок Спасителя в углу, сказав: «Вспомните, что вы не одни!»

Выборгская одиночка построена в три этажа; коридоры соединены желѣзными лѣстницами; желѣзныя лѣстницы посреди, свѣт сверху, камеры как клѣтки, одна над другой, вездѣ желѣзныя двери, в дверях форточки. Послѣ Гороховой, здѣсь царила тишина, хотя все было полно, рѣдкіе переговоры заключенных, стук в двери при каких-нибудь

надобностях и шум вентиляторов. Когда замок щелкнул за мной, я пережила то же состояніе, как в крѣпости, — безпросвѣтное одиночество..., но старушка не забыла меня, и добрая рука просунула мнѣ кусок хлѣба... Заключенная женщина, назвавшая себя княгиней Кекуатовой, подошла к моей двери, сказав, что она имѣет привилегію — может ходить по тюрьмѣ и даже телефонировать Я просила ее позвонить друзьям, чтобы помогли, — если не мнѣ, то моей матери. Она принесла мнѣ кусочек рыбы, который я жадно скушала. Самая ужасная минута, — это просыпаться в тюрьмѣ. С 7 часов началась возня, пришла смѣна надзирательниц, кричали, хлопали дверями, стали разносить кипяток. У всѣх почти форточки в дверях были открыты и заключенныя переговаривались, но я была «политическая» и «под строгим надзором», и меня запирали. Послѣ обморока меня перевели из «одиночки» в больницу. Я была рада увидѣть окна ,хотя и с рѣшеткой, и чистые коридоры. К камерам были приставлены сидѣлки из заключенных, которыя крали все, что попадалось им под руку, и половину убогой пищи, которую нам приносили. Сорвали с меня платье, одѣли арестантскую рубашку и синій ситцевый халат, распустили волосы, отобрав всѣ шпильки и помѣстили с шестью больными женщинами. Я так устала и ослабѣла от всѣх переживаній, что сразу заснула. Меня разбудили женщины, которыя ссорились между собой из-за ѣды; кто-то что-то украл, а одна ужасная женщина около меня с провалившимся носом просила у всѣх слизывать их тарелки. Другія двѣ занимались тѣм, что искали вшей друг у друга в волосах. Благодаря женщинѣ-врачу и арестованной баронессѣ Розен меня перевели в другую камеру, гдѣ было получше. В 8 часов утра приходила старушка-надзирательница, на вид сердитая, пресердитая; она раздавала по чайной ложкѣ сахар и под ея наблюденіем обносили обѣд, но в коридорах сидѣлки обыкновенно съѣдали пол-порціи. Рядом с больницей помѣщалась совѣтская пекарня; надзирательницы и сидѣлки ходили туда, кто получал, а кто просто крал

хлѣб. Кромѣ баронессы Розен и хорошенькой госпожи Сенани, у нас в палатѣ были двѣ беременныя женщины, Варя — налетчица и Стеша из «гулящих». Сенани была тоже беременна на седьмом мѣсецѣ и четыре мѣсяца в тюрьмѣ; потом еще какая-то женщина, которая убила и сварила своего мужа. Трудно было привыкнуть к вѣчной ругани, доходившей до драки, — и все больше из-за ѣды. Мѣняли все, что было; рубашки, кольца и т. д. на хлѣб, и крали все, что могли, друг у друга. По ночам душили друг друга подушками, и на крик прибѣгали надзирательницы. С кѣм только не встрѣтишься в тюрьмѣ! Были женщины, забытыя там всѣми, которыя скорѣе походили на животных, чѣм на людей, покрытыя паразитами, отупѣвшія от нищеты и несчастій, из которых тюремная жизнь создала неисправимых преступников. Но к ворам, проституткам и убійцам, начальство относилось менѣе строго, чѣм к «политическим», каковой была я, и во время «амнистіи» их выпускали цѣлыми партіями. Была раньше в Выборгской тюрьмѣ церковь, которую закрыли и во время большевистскаго праздника в ней устроили бал и кинематограф. Священник тайно причастил меня.

Были между надзирательницами и такія, которыя рискуя жизнью, носили письма моей матери и отдавали свой хлѣб. Дни шли за днями; однообразіе, какое бывает только в тюрьмах. Иногда меня выводили на двор перед больницей, сперва в общей гурьбѣ с «заразными» дѣвчонками, больными ужасной болѣзнью, которыя с папиросами в зубах и руганью крали все по дорогѣ, что только могли, за что их били по рукам, но впослѣдствіи, так как я была «политическая», гулять с другими мнѣ не разрѣшали.

В верхній этаж перевели больных заключенных мужчин из Петропавловской крѣпости. Так как всѣ тюрьмы переполнены, то часто, чтобы отдѣлываться от них, разстрѣливали их цѣлыми партіями без суда и слѣдствія.

Сколько допрашивали и мучили меня, выдумывая всевозможныя обвиненія! К 25 октябрю, большевистскому

празднику, многих освободили: из нашей палаты ушла Варя Налетчица и другія. Но амнистія не касалась «политических». Чего только не навидалась и сколько наслыхалась горя: о переживаніях каторжанок в этих стѣнах, о их терпѣніи и о пѣснях, которыми онѣ заглушали свое горе. И мы, госпожа Сенани и я, пѣли сквозь слезы, забираясь в ванную комнату, когда дежурила добрая надзирательница. 10-го ноября вечером с Гороховой пришел приказ, меня немедленно препроводить туда. Приказ этот вызвал среди тюремнаго начальства нѣкоторое волненіе: не знали — разстрѣл или освобожденіе! Я всю ночь не ложилась — сидѣла на койкѣ, думала и молилась. Утром в канцеляріи меня передали конвойному солдату, и в трамваѣ мы поѣхали на Гороховую.

Меня обступили всѣ арестованныя женщины; помню между ними графиню Мордвинову. Сейчас же вызвали на допрос. Допрашивали двое, один из них еврей; назвался он Владиміровым. Около часу кричали они на меня с ужасной злобой, увѣряя, что я состою в нѣмецкой организаціи, что у меня какія то замыслы против чека, что я опасная контр-революціонерка и что меня непремѣнно разстрѣляют, как и всѣх «буржуев», так как политика большевиков, — «уничтоженіе» интеллигенціи и т. д. Я старалась не терять самообладанія, видя, что предо мной душевно больные. Но вдруг послѣ того, как они в теченіе часа вдоволь накричались, они стали мягче и начали допрос о царѣ, Распутинѣ и т. д. Я заявила им, что настолько измучена, что не в состояніи больше говорить. Тут они стали извиняться, «что долго держали». Вернувшись, я упала на грязную кровать; допрос продолжался три часа. Кто то из арестованных принес мнѣ немного воды и хлѣба. Прошел мучительный час. Снова показался солдат и крикнул: «Танѣева! с вещами на свободу!» Не помня себя, вскочила, взяла свой узел на спину и стала спускаться по лѣстницѣ. Вышла на улицу, но от слабости и голода не могла идти. Остановилась, опираясь об стѣну дома. Какая-то добрая

женщина взяла меня под руку и довела до извощика. За 50 рублей довез он меня на Фурштадскую. Сколько радости и слез!

Дома меня ожидала непріятность: сестра милосердія, которую я знала с 1905 года, которая служила у меня в лазаретѣ и послѣ моих заключеній поселилась со мной и моей матерью, украла всѣ мои оставшіяся золотыя вещи. Жаловаться на нее нельзя было: я уже побывала в тюрьмѣ послѣ подобнаго случая с служащим в моем лазаретѣ.

Зиму 1919 года провели тихо. Но я очень нервничала: Ходила часто в Лавру, на могилу отца: постоянно бывала на Карповкѣ у о. Іоанна. Многіе добрые люди не оставляли меня и мою мать, приносили нам хлѣба и продукты. Имена их Ты вѣси Господи! Как могу я отблагодарить всѣх тѣх бѣдных и скромных людей, которые, иногда голодая сами, отдавали нам послѣднее.

Наступило лѣто, жаркое, как и в предыдущем году. У матери сдѣлалась сильнѣйшая дизентерія. Спасал ее доктор Манухин. По городу начались во всѣх районах повальные обыски. Цѣлыя ночи разъѣзжали автомобили с солдатами и женщинами, и арестовывали цѣлыми компаніями. Обыкновенно это лѣто электричество тушилось в 7 часов вечера, но когда оно снова зажигалось, то обыватели знали, что ожидается обыск и тряслись. У нас эти господа побывали семь раз, но держали себя прилично. В концѣ іюля, в 4 часа подкатил автомобиль, и прежде чѣм мы успѣли вскочить с наших стульев, у наших дверей стояли вооруженные солдаты. Обыск, — так как у них было получено письмо, что я скрываю «оружіе». Было велѣно меня взять. Все перерыли, но ничего не нашли. Рыжій латыш офицер обратился к товарищам: «Господа, вѣдь мы ничего не нашли, ни бомб, ни склада оружія! Что дѣлать? Вѣдь у нас ордер всѣх увезти, кромѣ сестры!» Тут взмолились всѣ домашніе. Офицер сказал, что позвонит в штаб по телефону. Оказалось, что обыск был от штаба Петерса. Вернулся он серьезный, сказав, что приказали привезти меня одну. Ду-

шу раздирающее прощаніе с матерью, и меня увезли в закрытом моторѣ.

В штабѣ Петроградской Обороны на Малой Морской, посадили в кабинетѣ на кожанный диван, пока у них шло «совѣщаніе» по поводу меня. Никогда мнѣ не забыть этих двух часов. Рыжій офицер входил нѣсколько раз, подбадривал, говоря, что мое дѣло затребовано с Гороховой, но что засѣданіе идет хорошо. «Долго ли меня здѣсь продержат?» — спросила я. «Здѣсь никого не держат, — разстрѣливают или отпускают!..» — отвѣтил он. Вошел другой офицер и начался допрос. Вмѣсто допроса об оружіи и бомбах, они принесли альбом моих снимков, снятых в Могилевѣ, и отобранных у меня. Позвав еще каких-то барышен, требовали от меня объясненія каждой фотографіи, а также ставили вопросы все тѣ же — о царской семьѣ. «Посмотри, посмотри, какія онѣ миленькія», — говорили они, смотря на фотографіи Великих Княжен. Затѣм объявили мнѣ, что отпускают домой. «Я вас довезу и кстати еще раз осмотрю квартиру!» — сказал офицер. Офицер же еще раз сдѣлал тщательный обыск и уѣхал, сказав ,что они получили в штабѣ письмо обо мнѣ. Мать и я подозрѣвали извѣстную уже сестру.

Через мѣсяц началось наступленіе бѣлой арміи на Петроград. Город был объявлен на военном положеніи, удвоились обыски и аресты. Нервничала власть. Вездѣ учились солдаты, летали аэропланы. С лѣта также ввели карточки, по которым несчастное населеніе получало все меньше и меньше продуктов. Стали свирѣпствовать эпидеміи. Больше всего голодала интеллигенція, получая в общественных столовых двѣ ложки воды с картофелем, вмѣсто супа, и ложку каши. Кто мог, тот провозил продукты тайно; крестьяне привозили молоко и масло, но денег не брали, а мѣняли на послѣднее достояніе. Мы отдали понемногу все: платья, гардины, шторы из всѣх комнат. Часто, за неимѣніем дров, распиливали и сжигали сперва ящики, потом мебель, стулья и столы покойнаго отца.

Мать не вставала послѣ дизентеріи. Приходилось иногда ходить и просить хлѣба у сосѣдей, но добрые люди не оставляли нас.

Наканунѣ Воздвиженія я была на ночном моленіи в Лаврѣ: началось в 11 час. вечера. Всенощная, полунощница, общее соборованіе и ранняя обѣдня. Собор был переполнен. До обѣдни была общая исповѣдь, которую провел священник Введенскій. Митрополит Веніамин читал разрѣшительную молитву. Болѣе часа подходили к св. Тайнам: пришлось двигаться сдавленной среди толпы, так что даже нельзя было поднять руку, чтобы перекреститься. Ярко свѣтило солнце, когда в 8 час. утра выходила радостная толпа из ворот Лавры, никто даже не чувствовал особенной усталости. В храмах народ искал успокоенія от горьких переживаній и потерь этого страшнаго времени.

22-го сентября вечером я пошла на лекцію в одну из отдаленных церквей и осталась ночевать у друзей. Все послѣднее время тоска и вѣчный страх не покидали меня; в эту ночь я видѣла о. Іоанна Кронштадтскаго во снѣ. Он сказал мнѣ: «не бойся, я все время с тобой!» Я рѣшила поѣхать прямо от друзей к ранней обѣднѣ на Карповку, и, причастившись св. Тайн, вернулась домой. Удивилась, найдя дверь чернаго хода запертой. Когда я позвонила, мнѣ открыла мать вся в слезах и с ней два солдата. Они пріѣхали ночью и оставили в квартирѣ засаду. Мать уже уложила пакетик с бѣльем и хлѣбом, и нам еще раз пришлось проститься с матерью, полагая, что это наше послѣднее прощанье на землѣ, так как говорили, что берут меня как заложницу за наступленіе бѣлой арміи.

Пріѣхали на Гороховую. Опять та же процедура, канцелярія, пропуск и заключеніе в темной камерѣ. Проходя мимо солдат, слышала их насмѣшки: «Ах, вот поймали птицу, которая не ночует дома!» В женской камерѣ меня помѣстили у окна. Над крышей виднѣлся золотой купол Исакіевскаго собора. Комната наша была полна; около меня помѣщалась бѣлокурая барышня финка, которую аре-

стовали за попытку уѣхать в Финляндію. Она служила теперь машинисткой в чрезвычайкѣ и по ночам работала: составляла списки арестованных, и потому заранѣе знала об участи многих. Кромѣ того за этой барышней ухаживал главный комиссар — эстонец. Возвращаясь ночью со своей службы, она вполголоса передавала своей подругѣ, высокой рыжей грузинкѣ Менабде, кого именно увезут в Кронштадт на разстрѣл. Помню, как с замираніем сердца прислушивалась к этим разсказам. Менабде же цѣлыми днями разсказывала о своих похожденіях и кутежах. Она получала богатыя передачи пищи, покрывалась мѣхами и по ночам босая в бѣлой рубашкѣ танцевала между кроватями.

Староста, дѣвушка с обстриженными волосами, находилась четыре мѣсяца на Гороховой; она храбрилась, пѣла, курила, важничала, что ходит разговаривать с членами «комиссіи», но нервничала наканунѣ тѣх дней, когда пароход в Кронштадт увозил несчастныя жертвы на разстрѣл. Тогда исчезали группами арестованные с вечера на утро. Комендант Гороховой, огромный молодой эстонец Бозе кричал своей женѣ по телефону: «Сегодня я везу рябчиков в Кронштадт, вернусь завтра!»

Когда нас гнали вниз за кипятком или в уборную, около сырых, темных одиночных камер, откуда показывались измученныя лица молодых людей, с виду офицеров. Камеры эти пустѣли чаще других, и вспоминались со страхом слова слѣдователя: «Наша политика уничтоженіе». Шли мы каждый раз через большую кухню, гдѣ толстыя коммунистки приготовляли обѣд: онѣ иногда насмѣхались, иногда же бросали кочерыжки от капусты и шелуху от картофели, что мы с благодарностью принимали, так как пища состояла из супа-воды с картофелем и к ужину по одной сухой воблѣ, которая была червивая. Слѣдователь оказался молодой человѣк, эстонец Отто. Первое обвиненіе — он мнѣ предъявил письмо, наколоченное на машинкѣ, очень большого формата, сказав мнѣ, что письмо это не дошло

ко мнѣ, так как было перехвачено на почтѣ Чрезвычайной Комиссіей. На конвертѣ большими буквами было: «Фрейлинѣ Вырубовой». Письмо было такого содержанія: «Многоуважаемая Анна Александровна, Вы единственная женщина в Россіи, которая может спасти нас от большевизма — Вашими организаціями, складами оружія и т. д.». Письмо было без подписи, видимо, — провокація, но кто сдѣлал? Подозрѣвала нѣкоторых, но имена их не хотѣла повторить. Видя недоумѣніе и слезы в моих глазах, Отто задал мнѣ еще какіе то два вопроса, вродѣ того, принадлежу ли я к партіи «безпартійных»; он кончил допрос словами, что навѣрно это — недоразумѣніе, и еще больше удивил меня, когда дал мнѣ кусок чернаго хлѣба, сказав, что я навѣрно голодна, но прибавил, что меня снова вызовут на допрос. На этот второй допрос меня вызвали в 11 час. ночи и продержали до 3-х часов утра. Было их двое: Отто и Викман. Все тѣ же вопросы о прошлом, тѣ же обвиненія. Если бы не стакан чаю, который поставили передо мной, то я бы не выдержала. Нервная и измученная вернулась в камеру, гдѣ на столах, полу и кроватях храпѣли арестованныя женщины.

Говорили, что бѣлыя войска уже в Гатчинѣ. Была слышна бомбардировка. Высшіе члены чрезвычайки нервничали. Разные слухи приносили к нам в камеру: то, что всѣх заключенных разстрѣляют, то, что увезут в Вологду. Внизу в кухнѣ коммунары обучались строю и уходили «на фронт», так что стражу замѣнили солдатами и рабочими из Кронштадта. В воздухѣ чувствовалось приближеніе чего-то ужаснаго. Раз как-то ночью вернулась финка с работы, и я слышала как она шепнула мою фамилію своей подругѣ, но видя, что я не сплю, замолчала. Я поняла и вся похолодѣла.

Я стояла, ожидая свою очередь, за кипятком. Огромный куб в темной комнатѣ у лѣстницы день и ночь нагрѣвался сторожихой, которая с малыми ребятами помѣщалась за перегородкой этого же помѣщенія. Помню блѣд-

ныя лица этих ребятишек, которые выглядывали на заключенных, и среди них мальчик, лѣт 12-ти, худенькій, болѣзненный, который укачивал сестренку. «Идіот», — говорили коммунары. Я в порывѣ душевной муки и ожиданья, подошла к нему, приласкала, спросив: «Выпустят ли меня?» вѣря, что Бог близок к дѣтям и особенно к таким, которые по Его волѣ «нищіе духом». Он поднял на меня ясные глазки, сказав: «Если Бог простит — выпустят, если нѣт, то не выпустят», и стал напѣвать. Слова эти меня глубоко поразили: каждое слово в тюрьмѣ переживаешь вообще очень глубоко. Я все повторила: «Господи, прости меня!» стоя на колѣнах, когда всѣ спали.

«Менабде на волю, Вырубова в Москву!» — так крикнул начальник комиссаров, входя к нам в камеру утром 7 октября. Ночью у меня сдѣлалось сильное кровотеченіе; староста и доктор пробовали протестовать против распоряженія, но он повторил: «Если не идет, берите ее силой». — Связав свой узелок, открыла свое маленькое евангеліе. Взгляд упал на 6 стих 3 главы от Луки: «и узрит всякая плоть спасеніе Божіе». Луч надежды сверкнул в измученном сердцѣ. Меня торопили, говорили, что сперва поведут на Шпалерную, потом в Вологду ... Но я знала, куда меня вели. «Не можем же мы с ней возиться,» — сказал комиссар старостѣ. В камерѣ шумѣли, женщины кинулись прощаться, особенно же вопила старовѣрка. В дверях столкнулась с княгиней Бѣлосельской (Базилевская), которая отвернулась от меня. Мы прошли всѣ посты. Внизу маленькій солдат сказал большому: «Не стоит тебѣ идти, я один отведу; видишь, она еле ходит, да и вообще все скоро будет покончено.» Я еле держалась на ногах, истекая кровью. Молодой солдат с радостью убѣжал.

Мы вышли на Невскій; сіяло солнце, было 2 часа дня. Сѣли в трамвай. Публика сочувственно осматривала меня. Кто-то сказал: «Арестованная, куда везут?» — «В Москву,» — отвѣтил солдат. «Не может быть, — поѣзда туда не ходят со вчерашняго дня.» Около меня я узнала знако-

мую барышню. Я сказала ей, что вѣроятно меня ведут на разстрѣл, передала ей один браслет, прося отдать матери. Мы вышли на Михайловской площади, чтобы перемѣнить трамвай, и здѣсь случилось то, что читатель может назвать, как хочет, но что я называю чудом.

Трамвай, на который мы должны были пересѣсть, гдѣ то задержался, не то мосты были разведены, или по какой либо другой причинѣ, но трамвай задержался, и большая толпа народа ожидала. Солдату через нѣсколько минут надоѣло ждать и, сказав: подождать одну минуточку, пока он посмотрит, гдѣ же наш трамвай, — он отбѣжал на право. В эту минуту ко мнѣ сперва подошел офицер Салернаго полка, которому я когда-то помогла, спросил, узнаю ли его и, вынув 500 рублей, сунул мнѣ в руку, говоря, что деньги могут пригодиться. Я сняла второй браслет и передала ему, сказала то-же, что сказала барышнѣ. В это время ко мнѣ подошла быстрыми шагами одна из женщин, с которой я часто вмѣстѣ молилась на Карповкѣ: она была одна из домашних о. Іоанна Кронштадтскаго. «Не давайтесь в руки врагам,» — сказала она, «идите, я молюсь. Батюшка отец Іоанн спасет вас.» Меня точно кто то толкнул; ковыляя со своей палочкой, я пошла по Михайловской улицѣ (узелок мой остался у солдата), напрягая послѣднія силы и громко взывая: «Господи, спаси меня! Батюшка отец Іоанн, спаси меня!» Дошла до Невскаго — трамваев нѣт. Вбѣжать ли в часовню? Не смѣю. Перешла улицу и пошла по Перинной линіи, оглядываясь. Вижу, солдат бѣжит за мной. Ну, думаю, кончено. Я прислонилась к дому, ожидая. Солдат, добѣжав, свернул на Екатерининскій канал. Я же пошла по Чернышеву переулку. Силы стали слабѣть, мнѣ казалось, что я упаду. Шапочка с головы свалилась, волосы упали, прохожіе оглядывались, принимая меня за безумную. На углу Загороднаго стоял извозчик. Я подбѣжала к нему, но он закачал головой. «Занят.» Тоида я показала ему 500 рублевую бумажку. «Садись,» — крикнул он. Я дала адрес друзей за Петрогра-

домъ. Умоляя ѣхать скорѣй, так как у меня умирает мать, а сама я из больницы. Послѣ нѣкотораго времени, которое казалось мнѣ вѣчностью, мы подъѣхали к калиткѣ их дома. Я позвонила и свалилась в глубоком обморокѣ. Когда я пришла в себя, вся милая семья была около меня. Дворник их вызвался свезти от меня записку матери, что я жива и здорова и спасена, но чтобы она не искала меня, так как за ней будут слѣдить.

Между тѣм к ней сразу пріѣхала засада с Гороховой, арестовали бѣдную мою мать, которая лежала больная, арестовали ея вѣрную горничную и всѣх, кто приходил навѣщать ее. Засаду держали три недѣли. Стоял военный мотор, день и ночь ожидали меня, надѣясь, что я приду. Наш старый Берчик, который 45 лѣт служил нам, заболѣл от горя, когда послѣдній раз меня взяли, и умер. Болѣе недѣли тѣло его лежало в квартирѣ матери, так как невозможно было достать разрѣшенія его похоронить. В Чрезвычайкѣ предположили, что я постараюсь пройти к бѣлой арміи, и разослали мою фотографію на всѣ вокзалы. Мои добрые друзья боялись оставить меня на ночь у себя, и когда стемнѣло, я вышла на улицу, не зная, примут ли тѣ, к кому шла. Шел дождь, рѣдкіе прохожіе не обращали вниманія. Помню, не сразу нашла дом, блуждала по улицѣ и темным лѣстницам, ища квартиру, гдѣ жили нѣсколько молодых дѣвушек-курсисток, учительниц и два студента. Христа ради они приняли меня, и я оставалась у них пять суток. Одна из них ушла провѣдать мою мать и так и не вернулась, что доказало мнѣ, что у нас не благополучно.

В послѣдующіе мѣсяцы, как загнанный звѣрь, я пряталась, то в одном темном углу, то в другом. Четыре дня провела в монастырѣ у знакомой старицы. Затворив дверь в коридор, она наклонилась, тронув рукой пол, говоря, что она кланяется не мнѣ, а Богу, который сотворил такое чудо, потом раскрыла мнѣ свои объятія. В кельи было жарко, мирно горѣли лампады перед большим кіотом, вкусно пахло щами, яблоками и стариной, и среди этой мирной

обстановки суетилась добрая матушка. Затѣм в черном платкѣ, с мѣшком в руках, пошла к знакомым, которые жили недалеко от Александро-Невской Лавры.

На занятыя деньги наняла за 200 рублей извозчика. Вдруг раздались свистки и подскочили двѣ милиціонерки с ружьями. «Развѣ ты не знаешь, — кричали онѣ, — что сегодня вышел декрет, что извозчики не смѣют возить граждан! — Слѣзай, гражданка, а то тебя арестуем. — Холодная от страха я шла пѣшком по Лиговкѣ, боясь каждаго взгляда прохожих... Вдруг слышу голос за мной: «Анна Александровна!» Я обернулась и вижу — идет знакомый офицер. «Уходите,» — прошептала я, — «со мной опасно ходить.» Было темно, шел снѣг, и мои тонкіе полуботинки насквозь промокли. Промокла я вся и замерзла. Постучав у двери, спросила как и каждый раз: «Я ушла из тюрьмы — примете ли меня?»

«Входите,» — отвѣтила мнѣ ласково моя знакомая скромная бѣдная женщина, — «здѣсь еще двѣ скрываются!» Рискуя ежеминутно жизнью и зная, что я никогда и ничѣм не могу отблагодарить ее, она служила нам всѣм своим скромным имѣніем, мнѣ и двум женщинам-врачам, только чтобы спасти нас. Вот какіе есть русскіе люди, — и завѣряю, что только в Россіи есть таковые. Я оставалась у нея 10 дней. Другая прекрасная душа, которая служила в совѣтской столовой, не только ежедневно приносила мнѣ обѣд и ужин, но отдала все свое жалованье, которое получила за службу, несмотря на то, что у нея были трое дѣтей и она работала, чтобы пропитать их.

Так я жила одним днем, скрываясь у доброй портнихи-муж которой служил в красной арміи, и у доброй бывшей гувернантки, которая отдала мнѣ свои теплыя вещи, деньги и бѣлье. Вернулась и к милым курсисткам, которыя кормили меня разными продуктами, которые одна из них привезла из деревни. Узнала я там и о матери, так как та, которую арестовали, вернулась. На Гороховой ей сказали, что меня сразу убьют, если найдут; другіе же говорили,

что я убѣжала к бѣлым. Затѣм я жила у одного из музыкантов оркестра: жена его согласилась взять меня за большую сумму денег. У меня и у матери уже ничего не было, но одна из моих бывших учительниц хранила золотую вещь, подаренную мнѣ Их Величествами на свадьбу: аквамарин, окруженный брилліантами. Она его продала за 50 тысяч рублей. и я почти всѣ деньги отдала за нѣсколько дней сохранности. Комнату, гдѣ я жила, не топили, и в ней был 1 градус мороза. Было очень тяжело, но кормили не дурно, и я два раза возвращалась к ним. Мнѣ пришлось сбрить волосы — из-за массы вшей, которые в них завелись.

6 ноября я свидѣлась с матерью. Туда же пришла моя тетя, сказав, что она нашла мнѣ хорошій пріют — но совсѣм в другой сторонѣ. Мнѣ пришлось около десяти верст идти пѣшком, и часть проѣхать в трамваѣ. Боже, сколько надо было вѣры и присутствія духа! Как я уставала, как болѣли ноги и как я мерзла, не имѣя ничего теплаго!.. Кто-то мнѣ подарил старыя галоши, которыя были моим спасеніем все это время.

Новая моя хозяйка была премилая, интеллигентная женщина. Она раньше много работала в «арміи спасенія». У нея я отдохнула, но она боялась оставить меня у себя болѣе 10 дней и обратилась к мѣстному священнику. Послѣдній принял во мнѣ участіе и разсказал нѣкоторым из своих прихожан мою грустную исторію, и они по очереди брали меня в свои дома.

Раз ко мнѣ пришла знакомая эстонка, предлагала бѣжать в Финляндію, сказав, что одна женщина-финка за большія деньги переводит через границу. Какое-то внутреннее чувство тогда предсказало мнѣ им не довѣряться, и оказалось правда. Взяв деньги, женщина эта завела барышню в лѣс и затѣм, сказав, что дальше идти нельзя, скрылась. Эстонка эта вернулась в Петроград пѣшком, без денег и под страхом ежеминутнаго ареста.

В концѣ концов очутилась в квартирѣ одного инженера, гдѣ нанимала комнатку. Домик стоял в лѣсу далеко

за городом. Кромѣ других благодѣяній этот человѣк позаботился первый сдѣлать мое положеніе легальным. Он взял у знакомаго священника паспорт дѣвушки, которая вышла замуж, потом заявил, что будто потерял его и таким образом получил для меня новый паспорт, благодаря которому я получила карточку и право на обѣд в столовой. Насколько я могла и умѣла по хозяйству, я помогала ему. Цѣлый день он проводил на службѣ; возвращался поздно, колол дрова, топил печки и приносил из колодца воду. Я же согрѣвала суп, который готовился из овощей на цѣлую недѣлю. По субботам пріѣзжала его невѣста. Конечно, я часто была совсѣм голодна. Мать и старичек, ея духовник, приносили мнѣ что могли, равно как и мой друг, которая служила в столовой.

В январѣ 1920 года инженер женился, и я перешла к другим добрым людям, которые не побоялись пріютить меня. Самое мое большое желаніе было поступить в монастырь. Но монастыри, уже без того гонимые, опасались принять меня: у них бывали постоянные обыски, и молодых монахин брали на общественныя работы. Теперь другой добрый священник и его жена постоянно заботились обо мнѣ. Они не только ограждали меня от всѣх непріятностей, одиночества и холода, дѣлясь со мной послѣдним, отчего сами иногда голодали, но нашли мнѣ и занятіе: уроки по сосѣдству. Я приготовила дѣтей в школу, давала уроки по всѣм языкам и даже уроки музыки, получая за это гдѣ тарелку супу, гдѣ хлѣб. Обуви у меня уже давно не было, и я ходила босиком, что не трудно, если привыкнешь, и даже, может быть, с моими больными ногами легче, особенно когда мнѣ приходилось таскать тяжелыя ведра воды из колодца или ходить за сучьями в лѣс. Жила я в крохотной комнаткѣ, и если бы не уйма клопов, то мнѣ было бы хорошо. Вокруг — поля и огороды. В тяжелом трудѣ, спасителем во всѣх скорбных переживаніях, я забывала и свое горе, и свое одиночество и нищету.

Осенью стало трудно, и я перешла жить к трамвайной

кондукторшѣ: нанимала у нея угол в ея теплой комнатѣ. Но я оставалась без обуви. Весь день до ночи таскалась по улицѣ... Одна из моих благодѣтельниц, правда, подарила мнѣ туфли, сшитыя из ковра, но по водѣ и снѣгу приходилось их снимать, и тогда я мерзла, но ни разу не болѣла, хотя стала похожа на тѣнь.

Начали приходить письма из-за границы от сестры моей матери, которая убѣждала нас соглситься уѣхать к ней. Зная, сколько риска сопряжено с подобными отъѣздами, мы сначала отказались.

В декабрѣ пришло письмо от сестры, настаивавшей на нашем отъѣздѣ: она заплатила большія деньги, чтобы спасти нас, и мы должны были рѣшиться. Но как покинуть родину?

Отправились: я босиком, в дранном пальтишкѣ. Встрѣтились мы с матерью на вокзалѣ желѣзной дороги и, проѣхав нѣсколько станцій, вышли... Темнота. Нам было приказано слѣдовать за мальчиком с мѣшком картофеля, но в темнотѣ мы потеряли его. Стоим мы посреди деревенской улицы: мать с единственным мѣшком, я с своей палкой. Не ѣхать ли обратно? Вдруг из темноты вынырнула дѣвушка в платкѣ, объяснила, что сестра этого мальчика, и велѣла идти за ней в избушку. Чистенькая комната, на столѣ богатый ужин, а в углу на кровати в темнотѣ двѣ фигуры финнов, в кожанных куртках. «За вами пріѣхали,» — пояснила хозяйка. Поужинали. Один из финнов, замѣтив, что я босиком, отдал мнѣ свои шерстяные носки. Мы сидѣли и ждали; ввалилась толстая дама с ребенком, объяснила, что тоже ѣдет с нами. Финны медлили, не рѣшаясь ѣхать, так как рядом происходила танцулька. В 2 часа ночи нам шепнули: собираться. Вышли без шума на крыльцо. На дворѣ были спрятаны большія финскія сани. Так же безшумно отъѣхали. Хозяин избы бѣжал перед нами, показывая спуск к морю. Лошадь провалилась в глубокій снѣг. Мы съѣхали... Почти все время ѣхали шагом по заливу: была оттепель, и огромныя трещины во-

льду. То и дѣло они останавливались, прислушиваясь. Слѣва, близко, казалось, мерцали огни Кронштадта. Услыхав ровный стук, они обернулись со словами: «погоня», но послѣ мы узнали, что звук этот производил ледокол Ермак, который шел, прорѣзывая лед за нами. Мы проѣхали послѣдними... Раз сани перевернулись, вылетѣла бѣдная мама и ребенок, кстати сказать, пренесносный, все время просившій: «поѣдем назад». И финны увѣряли, что из-за него как раз мы всѣ попадемся... Было почти свѣтло, когда мы с разбѣгу поднялись на финскій берег. Окоченѣлыя, усталыя, мало что соображая, мать и я пришли в карантин, гдѣ содержали всѣх русских бѣженцев. Финны радушно и справедливо относятся к ним, но, конечно, не пускают всѣх, опасаясь перехода через границу разных нежелательных типов. Нас вымыли, накормили и понемногу одѣли. Какое странное чувство было — одѣть сапоги...

И у меня и у матери душа была полна неизъяснимаго страданья: если было тяжело на дорогой родинѣ, то и теперь подчас одиноко и трудно без дома, без денег...

Невольно обращает на себя вниманіе то обстоятельство, что Вырубова в своих воспоминаніях не обмолвилась ни словом о трагической кончинѣ Царской семьи. Что это? Или она не вѣрит в Екатеринбургскую трагедію? Или имѣет какія-либо свѣдѣнія о судьбѣ царских узников?

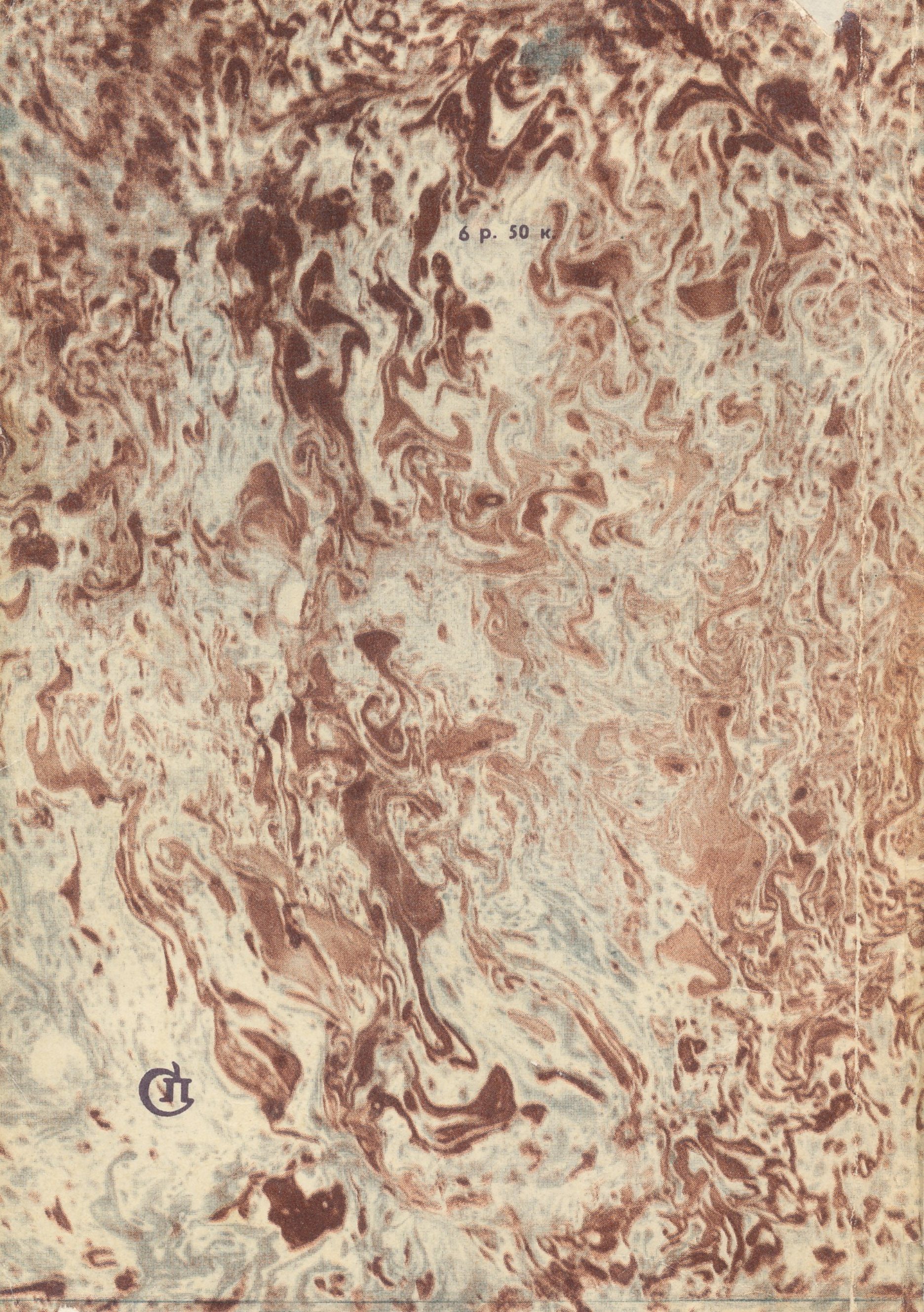
Помѣщая в одном изданіи пресловутый «Дневник» и воспоминанія Вырубовой, мы полагаем, что самому читателю не трудно будет разобраться в вопросѣ, может ли быть признан «Дневник» принадлежащим перу Вырубовой?

ФРЕЙЛИНА
ЕЁ
ВЕЛИЧЕСТВА

«Дневник» и воспоминания
Анны Вырубовой

Редактор
А. В. Кочетов
Художественный редактор
А. А. Евстигнеев
Технический редактор
Н. Н. Талько

Подписано к печати 30.07.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 13,20.
Тираж 250 000 экз. (1-й з-д 1—100 000 экз.). Заказ № 517 Цена 6 р. 50 к.
Ордена Дружбы народов
издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Книга подготовлена к печати
редакционно-производственным кооперативом «Олимп».
В издании участвуют
НПК «Мирабель»,
кооператив «Символ» (г. Сызрань).
Тульская типография Государственного комитета СССР по печати.
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.


6 р. 50 к.